

ISSN 2311-9470

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Основан в 2013 году

Выпуск 8

Минск
2020

Сборник подготовлен Центром международных исследований факультета международных отношений БГУ. В него вошли научные статьи известных ученых-международников и молодых исследователей.

Статьи посвящены актуальным проблемам современных международных отношений и глобального развития. Книга будет полезна преподавателям, аспирантам, студентам, научным работникам – специалистам в области международных отношений.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

кандидат политических наук *Е. А. Достанко*

(составитель и научный редактор), БГУ, Беларусь;

доктор философских наук *А. М. Байчоров* (главный редактор),
БГУ, Беларусь;

доктор исторических наук *П. И. Бригадин*, БГУ, Беларусь;

доктор политических наук *В. Н. Ватыль*, Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы, Беларусь;

доктор социальных наук *Я. Дворак*, Клайпедский университет, Литва;

доктор философских наук *Л. Е. Криштапович*, БГУКИ, Беларусь;

доктор исторических наук *К. П. Курылев*, РУДН, Россия;

доктор политических наук *Ю. И. Малевич*, БГУ, Беларусь;

доктор политических наук *Н. А. Антанович*, БГУ, Беларусь;

доктор политических наук *С. В. Решетников*, БГУ, Беларусь;

доктор исторических наук *М. Э. Чесновский*, БГУ, Беларусь;

доктор исторических наук *В. Г. Шадурский*, БГУ, Беларусь;

доктор философии *С. Хурсой*, Эге Университет, Турция;

доктор экономических наук *С. А. Якубовский*,

ОНУ им. И. И. Мечникова, Украина

Actual problems of international relations and global development – annual collection of scientific papers (ISSN 2311 – 9470 (print), book series), established in 2013 by the Center for International Studies of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, Minsk. This is a publication on international relations with a special focus on the history of international relations, political problems of international relations, global and regional development.

Being included in the international academic discourse, it is international in editorial board and topic coverage. The papers from recognized experts and promising scholars from Belarus, Russia, Ukraine, European and Central Asian countries are introduced in editions. Prospective contributors from other countries are also invited to present their approaches to the solutions of the current issues of international agenda. The edition welcomes publication of reviews, articles in English.

E d i t o r i a l B o a r d

Dastanka Alena, PhD, scientific editor, Belarusian State University, Belarus;

Baichorov Aleksandr, Doctor, Editor-in-Chief,

Belarusian State University, Belarus;

Brigadzin Petr, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Vatyl Viktor, Doctor, Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus;

Dvorak Jaroslav, Doctor, Klaipėda University, Lithuania;

Krishtapovich Lev, Doctor, Belarusian State University
of Culture and Arts, Belarus;

Kurylev Konstantin, Doctor, RUDN University, Russia;

Malevich Yuliana, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Nina Antanovich, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Reshetnikov Sergey, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Chasnouski Mecheslau, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Shadursky Victor, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Hursoy Siret, Doctor, Ege University, Turkey;

Yakubovsky Serhiy, Doctor, Odessa National I. I. Mechnikov University,
Ukraine

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	8
<i>Володькин А. А.</i> Эволюция внешнеполитических приоритетов государств Балтии в первое десятилетие после их вступления в НАТО и ЕС (2004 – 2014 гг.)	9
<i>Зинченко А. Н.</i> Предпосылки создания межконтинентальной зоны свободной торговли между Европейским союзом и Африканским союзом (1963 – 2020 гг.)	27
<i>Иванцов А. В.</i> Продвижение Большого евразийского партнерства в рамках ЕАЭС: проблемы и перспективы.	47
<i>Лузан Д. В., Свилас С. Ф.</i> Подходы Республики Беларусь к институциональной реформе Генеральной Ассамблеи ООН в 2005–2020 гг.	58
<i>Малевич Ю. И., Ярмошук К. И.</i> Участие Австралии в противодействии терроризму в Юго-Восточной Азии: мягкая сила	75
<i>Пашковская Е. О.</i> Баланс компетенций между Великобританией и ЕС: итоги и значение для политики Великобритании	88
<i>Худайбердиева Н. Х.</i> Распространение идеологии тюркского единства	103
<i>Шарапо А. В.</i> Особенности транзита власти в ФРГ: уроки прошлого и современность	119

<i>Luzan D., Sivilas S.</i> Belarusian-Norwegian cooperation on the issue of UN reform: current state and prospects	134
<i>Yarmak, Y.</i> Historical retrospective: jewish women of Belarus in the development of dental tourism (second half of the 19th – early 20th cent.)	147

CONTENT

<i>Preface</i>	8
<i>Valodzkin A. A.</i> Evolution of the foreign policy priorities of the Baltic states during the first decade since their accession to NATO and the EU (2004 – 2014)	9
<i>Zinchanka A. N.</i> Background for an intercontinental free trade area between the European Union and the African Union (1963-2020)	27
<i>Ivantsov A. V.</i> Promotion of the Greater Eurasian partnership within the framework of the EAEU: problems and prospects	47
<i>Luzan D., Svilas S.</i> The Approaches of the Republic of Belarus to the institutional reform of the United Nations General Assembly in 2005–2020	58
<i>Malevich Y. I., Yarmoshuk K. I.</i> Australia’s counter terrorism involvement in Southeast Asia: soft power	75
<i>Pashkouskaya A. O.</i> Balance of competences between the UK and the EU: results and implications for a policy of the United Kingdom	88
<i>Hudayberdieva N. Kh.</i> The spread of the ideology of Turkic unity	103
<i>Sharapa A. V.</i> Key features of power transit in Germany: lessons of the past and modernity.	119

<i>Luzan D., Sivilas S.</i> Belarusian-Norwegian cooperation on the issue of UN reform: current state and prospects	134
<i>Yarmak, Y.</i> Historical retrospective: jewish women of Belarus in the development of dental tourism (second half of the 19th – early 20th cent.)	147

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития – ежегодный сборник научных статей – создан в 2013 г. Центром международных исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Минск). Он представляет собой издание по международным отношениям с особым акцентом на историю международных отношений, политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Сборник включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим и политическим наукам и является международным по авторскому коллективу и составу редколлегии. В нем публикуются признанные и перспективные исследователи из Беларуси, России, Украины, стран СНГ и Европы.

Приглашаем ученых и из других стран представить на страницах издания свои подходы к решению международных проблем современности.

Приветствуются публикации рецензий, статьи на английском языке.

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ ИХ ВСТУПЛЕНИЯ В НАТО И ЕС (2004 – 2014 ГГ.)

А. А. ВОЛОДЬКИН

Институт истории НАН Беларуси

Минск, Республика Беларусь

В статье рассматривается развитие приоритетных направлений внешней политики трех государств Балтии (Литвы, Латвии и Эстонии) в период от их вступления в ЕС и НАТО весной 2004 г. до изменения политической ситуации в Европе в связи с началом международного кризиса вокруг Украины весной 2014 г. На основании широкого круга документальных источников и литературы по теме исследования автор выделил следующие главные направления внешней политики государств Балтии в данный период: 1) углубление интеграции в ЕС и НАТО и поиск ими собственной политической ниши в этих структурах, связанный с решением ряда специфических проблем, стоявших перед этими странами; 2) активизация отношений с постсоветскими государствами Восточной Европы (включая Беларусь), в основе которой лежали преимущественно ценностные подходы (а в случае Литвы – также и геополитический); 3) поддержание тесного партнерства с США, как главным гарантом их безопасности; 4) использование новых возможностей членства в ЕС и НАТО для решения проблем в отношениях с Россией. В заключении статьи представлены авторские выводы о динамике и основных тенденциях развития этих внешнеполитических приоритетов.

Ключевые слова: государства Балтии; Литва; Латвия; Эстония; внешняя политика; НАТО; ЕС; Восточное партнерство.

Образец цитирования: Володькин А. А. Эволюция внешнеполитических приоритетов государств Балтии в первое десятилетие после их вступления в НАТО и ЕС (2004 – 2014 гг.) // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. статей. Минск, 2020. Вып. 8. С. 9–26. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-9-26>

Введение. После вступления стран Балтии в НАТО и ЕС весной 2004 г. и достижения ими двух важнейших стратегических целей внешней политики – перед ними встала проблема переоценки сло-

жившейся системы внешнеполитических приоритетов в целях поиска собственной роли в европейской политике с учетом своего нового международного статуса. Прежние идеалистические представления о членстве в ЕС и НАТО, как панацее от всех бед, постепенно сменяются пониманием того, что отстаивать свои интересы в коллективных структурах очень непросто – особенно, таким малым странам, как Эстония, Латвия и Литва, и, что придется приложить серьезные усилия чтобы их голоса были услышаны, а интересы учтены.

В условиях ограниченности собственных ресурсов логичным ответом на этот вызов становится поиск каждым из трех государств своей политической специализации в европейских и евроатлантических структурах, которая позволила бы ему выделиться в определенной сфере и заработать авторитет в качестве важного звена европейской политики. При этом, выбор такой специализации был обусловлен как конкретными проблемами, с которыми сталкивались страны Балтии в этот период, так и теми внешнеполитическими ресурсами, которые уже имелись в их распоряжении. К числу таких ресурсов следует отнести, во-первых, особо тесные отношения с США, которые, с одной стороны, делали их проводниками американских интересов в Европе, а, с другой – позволяли рассчитывать на американскую поддержку при лоббировании своих интересов в коллективных структурах Запада. Во-вторых, соседство с Россией и ее особые интересы в отношении стран Балтии, для воздействия на которые Литва, Латвия и Эстония рассчитывали использовать коллективные механизмы ЕС и НАТО. В-третьих, период пребывания в составе СССР, который ранее рассматривался в этих трех государствах исключительно в качестве пассива, препятствующего их скорейшей интеграции в западное сообщество, в новых условиях становится актуальным политическим активом, который позволяет им претендовать на роль главных экспертов по постсоветским странам и проводников в эти страны западных моделей развития и политического влияния.

Актуальность темы исследования обусловлена следующим:

- государства Балтии являются непосредственными соседями Беларуси и без изучения исторических тенденций развития их внешнеполитических приоритетов невозможно формирование эффективной внешней политики нашей страны и устойчивых отношений с соседями;

- поскольку страны Балтии, как и Беларусь, являются небольшими государствами, расположенными между такими крупными центрами силы, как коллективный Запад и Россия, их опыт представляет интерес с точки зрения стратегий реализации малыми странами своих интересов в процессе взаимодействия с более сильными государствами и интеграционными структурами.

Методология исследования. *Объектом исследования* в данной работе выступает внешняя политика трех государств Балтии – Литвы, Латвии и Эстонии. *Предметом* – эволюция ее приоритетных векторов на протяжении первого десятилетия после вступления этих стран в НАТО и ЕС. Нижней хронологической границей исследования является весна 2004 г., когда они стали полноправными членами этих двух объединений. В качестве верхней хронологической границы выступает начало нового долгосрочного обострения отношений между Россией и коллективным Западом в результате международного кризиса вокруг Украины весной 2004 г. Поскольку страны Балтии стремились играть активную роль в отношениях между Западом и Россией и прилагали существенные усилия для сближения Украины с ЕС, эти события стали определенным рубежом в развитии их внешней политики.

Целью исследования является выявление основных тенденций развития приоритетных векторов внешней политики государств Балтии в 2004–2014 гг. Для этого были поставлены задачи проанализировать следующие основные направления их внешней политики на данном историческом этапе:

- 1) углубление интеграции в ЕС и НАТО и поиск собственной политической ниши в этих структурах;
- 2) активизация отношений с постсоветскими государствами Восточной Европы;
- 3) поддержание тесного партнерства с США;
- 4) использование новых возможностей для решения проблем в отношениях с Россией.

Обзор источников и литературы по теме. Важными источниками исследования послужили официальные документы государств Балтии: программы деятельности правительств, парламентские резолюции и соглашения политических партий о целях и принципах внешней политики. Также были использованы публикации СМИ и информационные материалы о политических контактах, размещен-

ные на официальных сайтах министерств иностранных дел стран Балтии, России и США.

Среди авторов, анализировавших в своих публикациях различные аспекты внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии на протяжении исследуемого периода, хотелось бы отметить, прежде всего, эстонских политологов А. Касекампа и В. Веэбеля [1; 2], а также русскоязычного эстонского социолога И. Розенфельда [3]. Кроме того, были использованы работы российского социолога Р. Х. Симоняна, рассмотревшего влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств Балтии международного экономического кризиса 2008–2010 гг. [4; 5] и историка В.В. Воротникова, рассмотревшего вопросы взаимодействия стран Балтии с НАТО на протяжении исследуемого периода [6] и формирование концептуальных приоритетов их внешней политики в 2004–2012 гг.¹

Результаты исследования. На момент своего вступления в ЕС страны Балтии были склонны примкнуть к лагерю евроскептиков во главе с Великобританией, выступающему против усиления полномочий европейских наднациональных структур, особенно в политической и военной сферах, где те могут стать конкурентами НАТО. Но уже в первые месяцы своего членства они пересмотрели прежние подходы. Их руководство быстро осознало, что Еврокомиссия является основным защитником интересов небольших членов ЕС перед лицом более сильных партнеров. Поэтому они никогда не поддерживали инициативы, направленные на ослабление полномочий Еврокомиссии. При этом по вопросу о принятии европейского Конституционного договора между тремя странами наметились различия подходов: если Латвия и Эстония заняли выжидательную позицию, то Литва стала первой страной ЕС, ратифицировавшей этот документ еще в 2004 г.

Подписание в 2005 г. вопреки интересам государств Балтии соглашения о строительстве трубопровода «Северный поток» также заставило их изменить свою политику в сторону большей поддержки углубления европейской интеграции. Они стали выступать за укрепление ОВПБ ЕС, особенно на российском направлении, и формирование общей европейской политики в энергетической сфере. Нако-

¹ Воротников В. В. Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004–2012 гг. / диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности: 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая). М., 2014. 381 с.

нец, быстрый экономический рост и улучшение уровня жизни в первые годы после вступления способствовали росту популярности ЕС и поддержки европейской интеграции у населения Литвы, Латвии и Эстонии. Как отмечает А. Касекамп, усилилась поддержка даже такого направления европейской интеграции, как ЕПБО, ранее вызывавшего множество опасений [2, с. 12].

Поэтому начиная с 2006–2007 гг. страны Балтии перешли к всесторонней поддержке развития европейской интеграции, причем не только вглубь, но и вширь. Все три государства последовательно поддерживают идею дальнейшего расширения ЕС и принятия в него новых членов. Особую поддержку они оказывают кандидатуре Турции и приданию официального статуса кандидата на вступление Украине. В первом случае, по мнению А. Касекампа, речь идет о «благодарности за поддержку», которую Турция оказала странам Балтии при решении вопроса об их приеме в НАТО [2, с. 12]. Во втором – об активизации их внешней политики в отношении новых восточных соседей ЕС. Следует также отметить, что страны Балтии настороженно относились к принципу разноскоростной интеграции, опасаясь оказаться на обочине интегрирующейся Европы. Поэтому они без особых дебатов поддержали заключение Лиссабонского договора ЕС.

Поскольку вес государств Балтии в европейской политике не настолько велик, чтобы пытаться оказывать влияние на все ее направления, постепенно стала формироваться специализация Литвы, Латвии и Эстонии в Евросоюзе. Так, для Литвы бесспорным приоритетом в ЕС, как и в НАТО, становится обеспечение энергетической безопасности путем разработки соответствующей стратегии на уровне Евросоюза, ограничивающей возможности нефтегазовых монополий (прежде всего российских) устанавливать контроль над энергораспределительными сетями европейских стран, а также за счет использования европейских бюджетных фондов для строительных работ по соединению энергетической инфраструктуры стран Балтии с инфраструктурой государств Центральной и Западной Европы. Для Эстонии приоритетными направлениями стали постройка железнодорожной магистрали “Rail Baltic”, которая должна связать Таллинн и Варшаву, а также формирование единого цифрового рынка ЕС и укрепление кибербезопасности в Европе [1, с. 29].

Такая же специализация государств Балтии проявилась и в рамках НАТО. Вскоре после масштабных кибератак на правительственные серверы и информационные системы Эстонии со стороны зарубежных хакеров в 2007 г. (которые эстонское правительство связывало с недружественными действиями России в ответ на перенос в Таллине памятника «бронзового солдата»), эта страна объявила своим национальным приоритетом развитие защиты от кибертерроризма. И уже в следующем 2008 г. там был открыт Центр передового опыта НАТО в области кибербезопасности. В Литве, для которой после закрытия по требованию ЕС в 2009 г. Игналинской АЭС и конфликта с российским «Газпромом» из-за перепродажи нефтеперерабатывающего предприятия в г. Мажейкяй польским инвесторам особое значение приобрела проблема обеспечения устойчивости энергетической системы страны, в 2012 г. был открыт Центр передового опыта НАТО по энергетической безопасности.

Дольше всех со своей специализацией определялась Латвия. По мнению генерального секретаря НАТО А. Ф. Расмуссена, она преуспела в обеспечении коммуникаций для сил Альянса в Афганистане. В силу своего важного стратегического положения и более развитой, чем у соседей транзитной инфраструктуры, эта страна заняла важное место в формировании т.н. Северной распределительной системы – транспортно-логистической сети поддержки военной операции НАТО в Афганистане. Поэтому в сентябре 2014 г. в Риге начал работу Центр передового опыта НАТО в сфере стратегических коммуникаций².

Если говорить о роли НАТО в политике Литвы, Латвии и Эстонии в целом, следует отметить, что во всех без исключения стратегических документах этих стран в области национальной безопасности подчеркивалась роль Альянса как ее главного гаранта. Поэтому их основные опасения были связаны с вероятным ослаблением «евроатлантической солидарности», разногласиями внутри НАТО, которые могут ослабить его силы и возможности выполнять свои функции. При этом, в отличие от «старых» членов Альянса, для которых эта организация все больше приобретала значение политического, а не военного союза, государства Балтии продолжали настаивать на раз-

² Газета: будущий центр НАТО в Латвии заинтересовал иностранных шпионов // Новостной портал DELFI [Электронный ресурс]. 2014. URL : <http://rus.delfi.lv/news/daily/politics/gazeta-buduschij-centr-nato-v-latvii-zainteresoval-inostrannyh-shpionov.d?id=43788288> (accessed : 04.06.2020).

витии военной составляющей НАТО и его способности выполнять свои обязательства по коллективной обороне в рамках статьи 5 Североатлантического договора. Поэтому они показательно участвовали почти во всех его военных операциях и регулярно проводили на своей территории совместные военные учения блока. Также, с момента своего приема в НАТО государства Балтии поднимали перед руководством Альянса вопрос о принятии стратегических планов их обороны. Однако, большинство европейских членов НАТО были против этого, поскольку они стремились убедить Россию, что прием стран Балтии в Альянс был чисто политическим ответом на их упорное стремление интегрироваться в Западное сообщество и не имеет никакой антироссийской направленности. Но российско-грузинский военный конфликт августа 2008 г. и поддержка позиции государств Балтии со стороны США в итоге склонили чашу весов в пользу разработки такого плана. Как писала британская газета “Guardian” со ссылкой на материалы портала Wiki Leaks, в обстановке строгой секретности на саммите НАТО в Лиссабоне в январе 2010 г. было принято решение распространить действие стратегического плана обороны для Польши “Eagle – Guardian” («Орел – защитник») также и на страны Балтии³.

Столь осторожная и нерешительная политика НАТО в этом вопросе вызвала разочарование у политических элит государств Балтии и заставило их пересмотреть свое отношение к трехстороннему военному сотрудничеству. Как отмечает в своей статье эстонский дипломат и сотрудник министерства обороны, М. Колга, проекты трехстороннего военного сотрудничества государств Балтии (БАЛТБАТ, БАЛТРОН, БАЛТДЕФКОЛ, БАЛТНЕТ и др.) были образованы на протяжении 1990-х гг., прежде всего, с целью продемонстрировать руководству НАТО их способность к международному взаимодействию в военной сфере и отработке на практике натовских стандартов, а также готовность не только «потреблять» коллективную безопасность, но и вносить свой посильный вклад в ее укрепление, чтобы ускорить тем самым свой прием в Альянс. Но уже накануне приема в НАТО эти проекты стали сворачивать – даже самый первый и самый известный из них, БАЛТБАТ, был распущен в 2003 г. [7, с.

³ WikiLeaks cables reveal secret NATO plans to defend Baltics from Russia // The Guardian. 06.12.2010 [Electronic resource]. 2010. URL : <http://www.theguardian.com/world/2010/dec/06/wikileaks-cables-nato-russia-baltics> (accessed : 11.09.2014).

134–135]. Политические элиты стран Балтии больше не видели в них смысла, поскольку теперь, по их мнению, безопасность трех государств будет обеспечиваться военным сотрудничеством всего НАТО и поддержание особых региональных структур рассматривалось, как неоправданная трата средств. Однако, видя нежелание Альянса серьезно укреплять их систему обороны, они вновь пересмотрели свой подход и в 2010 г. сводный Балтийский батальон был восстановлен.

В этот период меняется политика государств Балтии и в отношении постсоветских стран Восточной Европы. Особенно разительно это изменение было заметно в случае Литвы. В начале 1990-х гг. эта страна категорически отвергала любые варианты участия в политических объединениях с постсоветскими странами (даже если в них не предполагалось членство России – как, например, в проекте Балтийско-Черноморского Союза), а 8 июня 1992 г. приняла особый Конституционный акт, который объявлял любое вовлечение Литвы в «постсоветские восточные союзы» угрозой национальной безопасности. Поэтому, вплоть до вступления в НАТО и ЕС Литва, как и остальные страны Балтии, поддерживала отношения с постсоветскими государствами преимущественно в торгово-экономической сфере на двухсторонней основе. Но уже в 2004 г. принимаются программно-стратегические документы, которые фиксируют иные отношения к этим странам. Так, в резолюции Сейма Литвы от 1 мая 2004 г. «О направлениях внешней политики Литвы, после получения полноправного членства в ЕС и НАТО» среди приоритетов упоминались: распространение демократических ценностей, развитие сотрудничества с государствами восточного пограничья ЕС, вовлечение их в инициативу европейского соседства⁴. В выступлении временно исполнявшего обязанности президента страны А. Паулаускаса «Новая внешняя политика Литвы» в Вильнюсском университете 24 мая 2004 г. также говорилось о развитии отношений с Беларусью и Украиной в контексте поддержки демократических преобразований в этих странах и их сближения с ЕС. Поддержка демократических ценностей, а также европейских и евроатлантических устремлений в постсоветских странах Восточной Европы регулярно появлялась в списке

⁴ Rezoliucija dėl Lietuvos Respublikos užsienio politikos kryptių lietuvių tapus visateise NATO nare ir Europos Sąjungos nare: Lietuvos Respublikos Seimas, 01.05.2004 // Teisės aktų registras [Electronic resource]. 2004. URL : <https://www.e-tar.lt/portal/en/legalAct/TAR.FE0A5A477336> (accessed : 21.05.2020).

внешнеполитических приоритетов в программах правительств Литвы начиная с 2004 г.⁵ и в соглашениях политических партий Литвы «О целях и задачах внешней политики государства»⁶. Кроме того, в межпартийном соглашении на 2004–2008 гг., говорилось о стремлении сделать Литву региональным лидером и связующим звеном между форматами регионального сотрудничества в Северной, Центральной и Восточной Европе.

Началом практической реализации этого курса можно назвать участие литовского президента В. Адамкуса в качестве посредника в ноябре – декабре 2004 г. в переговорах между сторонами в ходе украинской «оранжевой революции». В следующем 2005 г. Литва, наряду с остальными странами Балтии, стала соучредителем Сообщества демократического выбора, в которое также вошли Украина, Молдова, Грузия, Румыния, Македония и Словения. Одним из наиболее значимых событий в формировании этого межгосударственного объединения стала конференция стран Балтийского и Черноморского регионов в Вильнюсе 4 мая 2006 г., на которой выступил вице – президент США Д. Чейни.

Таким образом, в основе политики в отношении постсоветских стран Восточной Европы лежал принцип продвижения европейских демократических ценностей. Впрочем, с началом реализации программы ЕС «Восточное партнерство» во внешней политике Литвы в Восточной Европе стало появляться и геополитическое измерение. Выражалось оно в стремлении обеспечить скорейшее сближение стран этого региона с ЕС, невзирая на их реальное продвижение в области построения работающих демократических институтов. Так, в

⁵ Lietuvos Respublikos Vyriausybės 2004–2008 metų programa : 14.12.2004, Nr. X-43 // Lietuvos Respublikos Vyriausybė [Elctronic resource]. 2004. URL : http://lr.lt/uploads/main/documents/files/Apie_vyriausybe/Ankstesnes_vyriausybes/Po_1990_metu/po_1990_13_programa.pdf (accessed : 23.05.2020); Lietuvos Respublikos Vyriausybės 2006–2008 metų programa : 18.07.2006, Nr. X-767 // Lietuvos Respublikos Vyriausybė [Elctronic resource]. 2006. URL : http://lr.lt/uploads/main/documents/files/Apie_vyriausybe/Ankstesnes_vyriausybes/Po_1990_metu/14_programa.pdf (accessed : 23.05.2020).

⁶ Politinių partijų susitarimas dėl pagrindinių valstybės užsienio politikos tikslų ir uždavinių 2004–2008 metais: 05.10.2004 // Lietuvos Respublikos Seimas [Elctronic resource]. 2004. URL : <https://www3.lrs.lt/%2Fdocs%2FQIYFTVQL.DOC&h=AT3xlxf2gJZhnu2PXDq8B8C0426-fTpX1Y4uUZuwdxMfvZCcQyUeb4cGOE36y1XG3RBcLx8kzi8Srhb7j8qIPh-u2PbCsheJeZKjCbBdOfAU2j-ViqGSWveH3IEOlwim5cWO> (accessed : 17.05.2020); Lietuvos politinių partijų susitarimas dėl 2008–2012 metų Lietuvos užsienio politikos principų, strateginių gairių ir tikslų : 28.10.2008 // Lietuvos Respublikos Seimas [Elctronic resource]. 2008. URL : http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_show?p_r=5042&p_d=80801&p_k=1 (accessed : 17.05.2020).

2009–2010 гг. по инициативе литовской стороны состоялся обмен визитами глав Литвы и Беларуси Д. Грибаускайте и А. Лукашенко, который вплоть до осени 2008 г. находился под санкциями ЕС и был персоной нон-грата в странах Евросоюза. Президент Литвы пыталась даже убедить ЕС признать переизбрание А. Лукашенко на очередной президентский срок, чтобы не допустить дальнейшего втягивания Беларуси в орбиту российского влияния, что свидетельствовало об отходе Литвы от чисто ценностного принципа.

Такой же подход проявился в политике Литвы в отношении Украины. Еще до начала литовского председательства в Совете ЕС, в феврале 2013 г. в Вильнюсе состоялась встреча президентов Литвы и Украины Д. Грибаускайте и В. Януковича, на которой стороны сосредоточились на условиях предлагаемого договора об ассоциации. Тогда же президент Литвы подчеркнула в беседе с В. Януковичем, что Украина должна сделать свой выбор между ассоциацией с ЕС и участием в инициированном Россией проекте евразийской интеграции. При этом Д. Грибаускайте активно лоббировала в европейских структурах заключение Договора об ассоциации Украины с ЕС не взирая на фактический отказ президента В. Януковича выполнять предварительные условия Брюсселя для заключения данного документа. В марте 2013 г. состоялись заседание Парламентской ассамблеи Литвы, Польши и Украины и 9-го заседание литовско-украинской комиссии по сотрудничеству в вопросах европейской интеграции, после которых представители высшего политического руководства Литвы поспешили заявить о полной готовности Украины к подписанию соответствующего договора на грядущем саммите «Восточного партнерства»⁷. Однако украинское руководство никак не прокомментировало эти заявления, а за неделю до саммита приостановило подготовку к подписанию Договора об ассоциации.

Наряду с отказом Азербайджана от подписания аналогичного договора, это стало главным разочарованием Вильнюсского саммита, омрачившим итоги литовского председательства в ЕС. По мнению экспертов, впечатление от такого провала несколько скрасило лишь неожиданное потепление отношений с Беларусью, которая во время

⁷ Носович А. «Восточное партнерство» и евроинтеграция: вместе или вместо? // Аналитический портал RuBaltic.Ru – 27.03.2013. [Электронный ресурс]. 2013. URL : <http://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/vostochnoe-partnerstvo-i-evrointegratsiya-vmeste-ili-vmesto/#t20%20c> (accessed : 04.06.2020).

саммита согласилась начать переговоры о заключении с ЕС соглашений об облегчении визового режима и реадмиссии⁸. А последовавший за этим международный кризис вокруг Украины привел к началу военного конфликта на Донбассе и кардинальному изменению ситуации в сфере международной безопасности в Европе, которое стало важнейшим рубежом в развитии внешней политики государств Балтии после их вступления в ЕС и НАТО.

Отношения государств Балтии с США достигли своей максимальной интенсивности в период президентства Дж. Буша-младшего (2001–2008 гг.). Всемирная и безусловная поддержка любых внешнеполитических действий США на международной арене сделала их в этот период ценными союзниками американского руководства в Европе. Это подтверждает целый ряд визитов с американской стороны на высшем и высоком уровнях.

Помимо уже упомянутого приезда в Вильнюс вице-президента США Д. Чейни в мае 2006 г., в 2005–2006 гг. страны Балтии дважды посетил американский президент Дж. Буш-младший и трижды – госсекретарь К. Райс. Так, 20–21 апреля 2005 г. она посетила Вильнюс для участия во встрече министров иностранных дел НАТО, а также заседаниях Совета НАТО-Россия и Комиссии НАТО-Украина⁹. А 6–7 мая того же года президент США Дж. Буш и госсекретарь К. Райс провели встречу с президентами государств Балтии в Риге в четырехстороннем формате¹⁰. При этом, заявив, что США никогда не оставят страны Балтии без защиты, Дж. Буш в то же время обратил внимание на необходимость соблюдения прав русскоязычных меньшинств в этих странах и улучшения отношений с Россией. 28–29 ноября 2006 г. Дж. Буш и К. Райс вновь прибыли в Ригу для участия в саммите НАТО. А накануне этого саммита, 27–28 ноября, они отдельно встре-

⁸ Руководитель департамента политики представительства ЕС: Среди положительных итогов саммита в Вильнюсе – заявление Беларуси о готовности к началу переговоров в визовой сфере // БЕЛАПАН. 29.01.2014. [Электронный ресурс]. 2013. URL : http://belapan.by/archive/2014/01/29/media_eu_rb_es/ (accessed : 17.10.2019).

⁹ Presidential and Secretaries Travels Abroad. Secretaries. Lithuania // U.S. Department of State Office of the Historian [Electronic resource]. URL : <https://history.state.gov/departmenthistory/travels/secretary/lithuania> (accessed : 07.06.2020).

¹⁰ Presidential and Secretaries Travels Abroad. Presidents. Latvia // U.S. Department of State Office of the Historian [Electronic resource]. URL : <https://history.state.gov/departmenthistory/travels/president/latvia> (accessed : 07.06.2020).

тились в Таллинне с президентом Эстонии Т. Х. Ильвесом¹¹. Поскольку основная стратегическая цель государств Балтии – членство в НАТО была уже достигнута, эти встречи носили в большей степени характер политических консультаций и о каких-либо важных договоренностях, достигнутых на них, сведений нет. По всей видимости, главной задачей политики этих стран в отношении США на данном этапе было сохранение достигнутого высокого уровня партнерства и лоббирование в европейских структурах сохранения и укрепления трансатлантических связей, как залога жизнеспособности НАТО.

После прихода к власти в США администрации Б. Обамы происходит существенное изменение американских внешнеполитических приоритетов в сторону Азии, из-за чего значение государств Балтии, как союзников, для США объективно снижается. Поэтому в 2009 г. контакты между этими странами и США на высшем и высоком уровнях отсутствовали, а в 2010–2011 гг. поддерживались лишь в рамках многосторонних форматов (министерская встреча НАТО в Таллинне, министерские встречи Содружества демократического выбора и ОБСЕ в Вильнюсе, саммит НАТО в Чикаго).

Некоторая активизация в отношениях наметилась лишь в самом конце исследуемого периода. Так, 30 августа 2013 г. состоялся американо-балтийский саммит в Вашингтоне, в ходе которого президент США Б. Обама встретился с главами Латвии, Литвы и Эстонии – А. Берзиньшем, Д. Грибаускайте и Т. Х. Ильвесом. А 7 сентября того же года госсекретарь США Дж. Керри в ходе встречи с министрами иностранных дел ЕС в Вильнюсе, отдельно встретился с президентом Литвы Д. Грибаускайте и министром иностранных дел Л. Линкявичюсом.

В первые годы после вступления стран Балтии в ЕС и НАТО наметились также определенные положительные сдвиги в их отношениях с Россией, что послужило поводом для оптимистичных экспертных оценок влияния вступления в эти организации на балтийско-российские отношения. Так, в 2003 г. завершилась процедура ратификации российской думой договора о границе с Литвой, подписан-

¹¹ Presidential and Secretaries Travels Abroad. Presidents. Estonia // U.S. Department of State Office of the Historian [Electronic resource]. URL : <https://history.state.gov/departmenthistory/travels/president/estonia> (accessed : 07.06.2020).

ного еще в 1997 г.¹² В 2005 г. был также подписан, но так и не вступил в силу договор о границе между Эстонией и Россией. Кроме того, в 2005 г. президент Латвии В. Вике-Фрейберга приняла приглашение президента В. Путина на празднование 60-летия Дня Победы в Москве, став, таким образом, первым из лидеров государств Балтии, принявшим участие в российских памятных мероприятиях, посвященных окончанию Второй мировой войны. А в 2006 г. была образована Совместная комиссия историков Литвы и России с целью разрешения спорных вопросов, связанных с историей российско-литовских отношений. Наконец, 27 марта 2007 г. в ходе визита в Россию премьер-министра Латвии А. Калвитиса был подписан и ратифицирован в достаточно сжатые сроки латвийско-российский договор о границе¹³.

Но уже весной 2007 г. в балтийско-российских отношениях начинаются так называемые «войны памяти», вызванные стремлением стран Балтии вновь актуализировать тему советской оккупации и использовать европейские структуры для распространения своего видения исторической роли СССР в судьбах народов Европы после Второй мировой войны.

Начало этим войнам положило решение эстонского правительства под руководством А. Ансипа о переносе из центра на окраину Таллинна памятника советским воинам, погибшим в боях за город против германского вермахта в 1944 г. (т.н. «Бронзовый солдат») [3]. Эта акция спровоцировала массовые протесты в самой Эстонии и вызвала широкий резонанс в России.

Вскоре за этими событиями последовали массовые атаки зарубежных хакеров на информационные ресурсы государственных органов Эстонии. Руководство страны обвинило в этом Россию. И даже встреча президента Эстонии Т. Х. Ильвеса 28 июня 2008 г. с президентом России В. В. Путиным в ходе V Всемирного конгресса финно-

¹² Политические контакты // Посольство Российской Федерации в Литовской Республике [Электронный ресурс]. URL : http://www.lithuania.mid.ru/doc/polit_kontakt2011.htm (accessed : 18.03.2014).

¹³ Отношения России и Латвии // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mid.ru/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/f6c78dadee6ef35143256db1004ee8ff?OpenDocument> (accessed : 18.03.2014).

угорских народов в Ханты-Мансийске не привнесла в отношения двух стран положительную динамику¹⁴.

В 2008 г. ухудшение балтийско-российских отношений продолжилось в связи с тем, что Литва, Латвия и Эстония также, как Польша и Украина, открыто осудили военные действия России против Грузии в августе 2008 г. А 12 августа президенты всех этих пяти стран нанесли совместный визит в Тбилиси, чтобы выразить Грузии свою полную поддержку. Но своего апогея «войны памяти» достигли в 2009 г., когда сначала 2 апреля Европарламент принял инициированную государствами Балтии и странами ЦВЕ резолюцию о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и фашизма. А 3 июля того же года Парламентская Ассамблея ОБСЕ приняла выдвинутую все теми же странами резолюцию «О воссоединении разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в XXI веке в регионе ОБСЕ», в которой нацистский и коммунистический режимы провозглашались одинаково преступными и ответственными за развязывание Второй мировой войны. В этом же году прекратила свою деятельность Совместная комиссия историков Литвы и России.

В следующие два года под влиянием последствий мирового экономического кризиса и некоторого ослабления позиций правых партий, правление которых многие избиратели связывали с падением уровня жизни и непопулярными антикризисными мерами, идеологическая составляющая политики стран Балтии в отношении России заметно ослабевает, уступая место прагматичным экономическим интересам. Во внешней политике проявлением этой тенденции стала кратковременная активизация политических контактов с Россией на высшем уровне. Так, в 2010 г. президенты Латвии В. Затлерс и Эстонии Т. Х. Ильвес, приняли участие в праздновании 65-й годовщины Дня Победы в Москве и встретились с президентом России Д. Медведевым. Отказавшаяся примкнуть к ним президент Литвы Д. Грибаускайте, тем не менее, встретила 10 февраля 2010 г. с занимавшим на тот момент пост главы российского правительства В. Путиным на саммите действий по Балтийскому морю в Хельсинки. В самом конце года, 19–21 декабря состоялся официальный визит в

¹⁴ Relations between Estonia and Russia // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia [Electronic resource]. URL : <https://vm.ee/en/countries/russia?display=relations> (accessed : 08.11.2017).

Россию президента Латвии В. Затлерса, в ходе которого был подписан целый ряд двухсторонних соглашений, а также принято решение о создании Совместной комиссии историков Латвии и России¹⁵. А 18 февраля 2012 г. в Латвии даже состоялся референдум по вопросу о придании русскому языку статуса второго государственного.

Все эти события вызвали у российских экспертов и исследователей некоторую эйфорию, выражавшуюся в устойчиво повторявшихся прогнозах скорого и кардинального пересмотра внешнеполитических приоритетов государств Балтии в сторону сближения с Россией [4–6]. Однако, до 2014 г. эти прогнозы так и не осуществились. А последовавший затем международный кризис вокруг Украины и введение ЕС и Россией взаимных экономических санкций друг против друга окончательно похоронили перспективы скорой нормализации балтийско-российских отношений и вновь сделали тему «российской угрозы» одним из самых актуальных вопросов в политическом дискурсе Литвы, Латвии и Эстонии.

Заключение. Вступление Литвы, Латвии и Эстонии весной 2004 г. в НАТО и ЕС стало важнейшим событием в истории балтийских государств с момента восстановления их независимости. Это обусловило серьезную переоценку внешнеполитических задач и приоритетов стран Балтии и положило начало расхождения их внешнеполитических стратегий. Латвия и Эстония, фактически, перестали проводить активную внешнюю политику, сосредоточившись на дальнейшей экономической и политической интеграции в рамках ЕС и НАТО и, в целом, ограничились поддержкой общей внешней политики этих структур. Литва же, напротив, обозначает свои претензии на региональное лидерство – расширяет контакты с постсоветскими странами Восточной Европы (включая Беларусь) и стремится укрепить свой вес в международной политике, активно участвуя в реализации Европейской политики соседства и программы ЕС «Восточное партнерство».

В начале исследуемого периода также наблюдалась активизация контактов государств Балтии с США и Россией. В случае балтийско-американских отношений это было связано с важным значением Литвы, Латвии и Эстонии для администрации Дж. Буша-младшего в ка-

¹⁵ Отношения России и Латвии // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mid.ru/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/f6c78dadee6ef35143256db1004ee8ff?OpenDocument> (accessed : 18.03.2014).

честве стратегических союзников США в Европе, а также стремлением самих этих стран сохранить достигнутый высокий уровень отношений с Вашингтоном. Также страны Балтии надеялись, что вступление в НАТО и ЕС автоматически снимет основные противоречия в балтийско-российских отношениях, что подкреплялось существенным прогрессом в заключении с Россией договоров о государственных границах. Однако, уже в 2007 – 2009 гг. на обоих этих направлениях начинается спад. Ухудшение балтийско-российских отношений началось с «войн памяти», в ходе которых Литва, Латвия и Эстония стремились, заручившись поддержкой европейских структур, вновь поднять вопрос ответственности за советскую оккупацию, а также бурной реакцией балтийских стран на военный конфликт между Россией и Грузией в августе 2008 г. Что касается снижения интенсивности политических контактов с США, оно было связано не с действиями государств Балтии, а с изменением внешнеполитических приоритетов новой американской администрации Б. Обамы в сторону Азии.

Международный кризис вокруг Украины, который разразился весной 2014 г., вызвал не только резкое ухудшение отношений между Западом и Россией, но и, как следствие, усугубил ситуацию в сфере международной безопасности на востоке Европы. Хотя эти события и не оказали столь масштабного воздействия на внешнюю политику государств Балтии, как их вступление в ЕС и НАТО, они обусловили изменение тех внешнеполитических стратегий, которых они придерживались на протяжении всего предыдущего десятилетия. В частности, в их внешнеполитический дискурс вновь вернулись более характерные для 1990-х гг. модели секьюритизации и тема экзистенциальной «угрозы с Востока».

Библиографические ссылки

1. *Kasekamp A.* Baltic States and the EU : A Rocky Road from “Outside” towards the “Core” // *The Baltic States in the EU : Yesterday, Today and Tomorrow* / A. Grigas, A. Kasekamp etc. Notre Europe Jacques Delors Institute Studies & Reports. July 2013. P. 16–32.
2. *Kasekamp A., Veebel V.* Overcoming doubts: The Baltic states and the European Security and Defence Policy // *The Estonian Foreign Policy Yearbook 2007*. Tallinn : Estonian Foreign Policy Institute (EVI), 2007. P. 9–32.
3. *Розенфельд И.* Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту-С-Пб. : «Крипта», 2009. 576 с.
4. *Симонян Р. Х.* Страны Балтии: от обретения независимости до экономического кризиса // *Горизонты экономики*. 2011. № 1. С. 33–43.

5. *Симонян Р. Х.* Финансово-экономический кризис в странах Балтии: некоторые политические итоги // *Власть*. 2010. № 11. С. 44–49.
6. *Воротников В. В.* Страны Балтии в НАТО : итоги десятилетия // *Вестник МГИМО Университета*. 2014. № 6 (39). С. 9–17.
7. *Kolga M.* Quo vadis Baltic defence cooperation? // *The Estonian Foreign Policy Yearbook 2006*. Tallinn : Estonian Foreign Policy Institute (EVI), 2006. P. 119–136.

Дата поступления статьи: 16.11.2020.

Автор: Володькин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник центра истории геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск), докторант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: valodzkin@bsu.by.

DOI: 10.33581/2311-9470-2020-8-9-26

EVOLUTION OF THE FOREIGN POLICY PRIORITIES OF THE BALTIC STATES DURING THE FIRST DECADE SINCE THEIR ACCESSION TO NATO AND THE EU (2004 - 2014)

A. A. VALODZKIN

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article examines the development of the foreign policy priority directions of the three Baltic states (Lithuania, Latvia and Estonia) during the period from their accession to the EU and NATO in the spring of 2004 to the dramatic change in political situation in Europe in as a result of the outbreak of the international crisis around Ukraine in the spring of 2014. Based on a wide range of documentary sources and literature on the research topic, the author highlights the following main directions of the foreign policy of the Baltic states within the mentioned period: 1) deepening integration into the EU and NATO and search for their own political niche in these structures, linked to the solving of some specific problems that these countries faced; 2) activation of relations with the post-Soviet states of Eastern Europe (including Belarus), founded on the values-based approaches (in the case of Lithuania – on geopolitical as well); 3) maintaining a close partnership with the United States, as their main source of security guarantees; 4) use of the new opportunities of their EU and NATO membership to solve their problems in relations with Russia. The fi-

nal chapter of the article presents the author's conclusions on the dynamics and main trends in the development of these foreign policy priorities.

Key words: Baltic states; Lithuania; Latvia; Estonia; foreign policy; NATO; EU; Eastern Partnership.

For citations: Valodzkin, A. A. (2020). Evolution of the foreign policy priorities of the Baltic states during the first decade since their accession to NATO and the EU (2004 – 2014). In: *Actual Problems of International Relations and Global Development: collection of scientific papers*, Minsk, Vol. 8, p. 9–26. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-9-26>

References

1. Kasekamp, A. (2013). Baltic States and the EU: A Rocky Road from “Outside” towards the “Core”. The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow. A. Grigas, A. Kasekamp etc. Notre Europe Jacques Delors Institute Studies & Reports. July, p. 16–32.
2. Kasekamp, A., Veebel V. (2007). Overcoming doubts: The Baltic states and the European Security and Defence Policy. The Estonian Foreign Policy Yearbook 2007. Tallinn, Estonian Foreign Policy Institute (EVI), p. 9–32.
3. Rozenfel'd, I. (2009). Estoniya do i posle “bronzovoi nochi” [Estonia before and after the “bronze night”]. Tartu-S-Pb. 576 p. (In Russ.).
4. Simonyan, R. Kh. (2011). Strany Baltii: ot obreteniya nezavisimosti do ekonomicheskogo krizisa [The Baltic states from obtaining independence to economic crisis]. Gorizonty ekonomiki, 2011,1, p. 33–43. (In Rus.).
5. Simonyan, R. Kh. (2010). Finansovo-ekonomicheskii krizis v stranakh Baltii: nekotorye politicheskie itogi [Financial and Economic Crisis in the Baltic States: Some Political Results]. Vlast', 2010, 11, p. 44–49. (In Russ.).
6. Vorotnikov, V. V. (2014). Strany Baltii v NATO: itogi desyatiletiya [The Baltic states in NATO: summarizing the decade]. Vestnik MGIMO Universiteta, 2014, 6 (39), pp. 9–17. (In Russ.).
7. Kolga, M. (2006). Quo vadis Baltic defence cooperation? The Estonian Foreign Policy Yearbook 2006. Tallinn: Estonian Foreign Policy Institute (EVI), 2006, p. 119–136.

Received: 16.11.2020.

About author: Andrei Valodzkin – PhD in history of international relations and foreign policy, associate professor, senior researcher at the Centre of the history of geopolitics, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus), habilitation doctoral fellow of the International relations department of the Belarusian State University (Minsk, Belarus); e-mail: valodzkin@bsu.by.

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ И АФРИКАНСКИМ СОЮЗОМ (1963 – 2020 гг.)

А. Н. ЗИНЧЕНКО

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются отношения между Европейским союзом и странами Африки к югу от Сахары, а также интеграционные процессы в Европе и Африке, которые привели к заключению ряда соглашений об экономическом партнерстве и образованию Африканской континентальной зоны свободной торговли. Также сделана попытка спрогнозировать будущие интеграционные процессы между Европейским союзом и странами Африки, которые могут привести к образованию первой в своем роде межконтинентальной зоны свободной торговли ЕС – Африка.

В исследовании был использован широкий круг научной литературы и источников, включая научные публикации научно-исследовательских и аналитических центров, а также отечественных и зарубежных исследователей. В статье изучается эволюция отношений между европейскими и африканскими странами, отмечается постепенное развитие регионального подхода Европейского союза при заключении соглашений об экономическом партнерстве. Также изучена эволюция интеграционных объединений в Африке, предпосылки создания континентальной зоны свободной торговли в Африке, а также роль региональных объединений и континентальной зоны свободной торговли для будущего создания интеграционного объединения Европейского и Африканского союзов.

Ключевые слова: Европейский союз; Африканский союз, африканская интеграция; европейская интеграция; межконтинентальная зона свободной торговли; евроафриканская интеграция.

Образец цитирования: *Зинченко А. Н.* Предпосылки создания межконтинентальной зоны свободной торговли между Европейским союзом и Африканским союзом (1963 – 2020 гг.) // Актуальные проблемы международных отношений и

Введение. Взаимоотношения стран Европы и Африки имеют долгую историю. Находясь на разных континентах, они были тесно связаны друг с другом экономически в колониальный период, что означало разрушение данных связей после распада колониальной системы. Для возобновления экономических отношений понадобился новый формат, который начался с желания бывших метрополий сохранить контроль над своими колониями. Однако с усложнением системы международных отношений, а также изменением европейского подхода к внешней политике, постепенно к сугубо экономическим отношениям добавилась политическая и гуманитарная повестка. В связи с глубокими интеграционными преобразованиями в Европе и Африке, а также тенденцией на сближение Европейского и Африканского союзов, целесообразно ожидать дальнейшего развития интеграционных отношений между сторонами.

Целью данного исследования является выявление интеграционных тенденций между Европейским союзом и странами Африки.

Задачи данного исследования: выявить особенности африканской и европейской интеграцией; выявить тенденции в интеграции между Европейским союзом и Африканским союзом; проанализировать изменения в договорах между странами Европы и Африки.

Хронологические рамки охватывают период со второй половины XX века до настоящего времени.

Для данного исследования были использованы первоисточники: договора между странами Европы и Африки к югу от Сахары, договора о европейской и африканской интеграции; заявления лидеров и официальных лиц, африканских и европейских стран.

Актуальность данного исследования обусловлена значительными интеграционными изменениями, происходящими между Европейским и Африканским союзом, а также перспективами создания межконтинентальной зоны свободной торговли.

Методы исследования. Исследование основывается на принципах историзма, использовались общенаучные (синтез, анализ, обобщение) и специальные исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный и системный подходы). Данная статья исследует отношения между европейскими и африканскими странами в

парадигме неолиберализма, признавая значимость Европейского союза в качестве независимого актора в международных отношениях, а также необходимость развития стабильной системы экономических взаимоотношений, которая будет способствовать росту взаимной торговли.

Объектом исследования являются отношения между Европейским союзом и странами Африки к югу от Сахары.

Предметом исследования являются интеграционные отношения между Европейским союзом и региональными структурами Африки к югу от Сахары.

Обзор литературы по теме Данная тематика имеет малую научную проработанность среди отечественных и зарубежных исследователей, так как тематика создания межконтинентальной зоны свободной торговли ЕС – Африка относительно нова. Таким образом, при обзоре литературы можно выделить ряд исследователей, которые рассматривали отношения Европейского союза и стран Африки к югу от Сахары.

Среди отечественных исследователей можно выделить Лашкевича С. А. и Челядинского А. А. [1], которые рассматривали современное положение Африки на мировой арене. Вельяминова Г. М. [2] исследовал правовой аспект международных соглашений Европейского союза.

Экономический аспект, а также характер финансовой помощи был изучен Измestьевым А. В. [3], который применил количественный метод исследования инвестиций ЕС в развивающиеся страны, вслед за зарубежными авторами, такими как Грилль и Риес [4].

Основные договоры и подходы ко внешней политике ЕС в отношении стран АКТ были рассмотрены Буториной О. В. [5] и Кавешниковым Н. Ю. [6]. Морозенская Е.В. [7], Никель Д. [8] и Сайлс-Брюгге Г. [9] разработали эту тему с точки зрения регионализма.

Результаты исследования. Интеграцию между европейскими странами и странами АЮС можно разделить на три основных процесса. Первый описывает экономическую интеграцию в странах Африки через заключение преференциальных торговых соглашений. Этот процесс подразумевал создание устойчивых региональных экономических организаций, которые охватывали бы все регионы стран АЮС, таким образом создавая основу для дальнейшей континентальной интеграции.

Второй процесс затрагивает интеграцию в странах Европы, которая началась с создания Европейского сообщества угля и стали 1951 г.

Третью сторону процесса обеспечивали рамочные договора между странами Европы и странами АЮС. Такие договора заключались в три этапа, последним из которых является соглашение Котону, действие которого истекло в 2020 г. На смену соглашению Котону должно прийти новое рамочное соглашение, формулирующее отношения между ЕС и Африки на следующий период от 10 до 20 лет.

Первое африканское интеграционное объединение появилось еще в 1910 г. Им стал Южноафриканский таможенный союз, который соединил британские колонии.

В 1939 г. была создана Зона франка, объединившая французские колонии в Западной и Центральной Африке в валютный союз с разными эмиссионными центрами, и ставшая основанием для создания зоны франка КФА в 1945 г. Этот союз контролировался Францией без сильного влияния африканских государств.

Интеграционные процессы в Европе проходили более плавно, и если, изначально, основной целью было формирование экономического сообщества после Второй мировой войны – то в результате, европейская интеграция привела к формированию единого актора в системе международных отношений с единой внешней политикой, направленной на формирование международного пространства с особым вниманием к соблюдению прав человека, общими правилами ведения торговли, а также значительными инвестициями, предоставляемыми для целей развития.

В 1951 г. ФРГ, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург подписали Римский договор о Европейском объединении угля и стали¹. Договор стал интеграционной необходимостью создания наднационального экономического объединения, которое бы позволило расширить и связать рынок угольной и металлургической промышленности, тем самым сдерживая цены на эти виды продукции в послевоенной Европе.

¹ Treaty establishing the European Coal and Steel Community // EUR-Lex [Electronic resource]. URL : <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:11951K:EN:PDF> (дата обращения : 09.10.2020).

Чуть позже в 1957 г. были созданы еще два объединения – Европейское экономическое сообщество² и Европейское сообщество по атомной энергетике³. На основе Европейского экономического сообщества был создан таможенный союз и общий рынок для товаров, услуг, капитала и передвижения людей. В отношении третьих стран данные сообщества только выражали желание блюсти интересы государств-участников. Позже в 1967 г. был заключен Договор слияния, согласно которому данные организации объединялись в Европейские сообщества, устанавливалась единая комиссия и единый совет этих сообществ, которые потом играли значительную роль в формировании внешней политики ЕС⁴.

После 1960 г. в Африке начался свой новый этап интеграционных объединений, который характеризовался попытками бывших метрополий наладить новый этап отношений. На основе уже существующей зоны КФА были созданы две организации: Западноафриканский валютный союз в 1962 г. и Центральноафриканский валютный союз в 1972 г. В Центральной Африке в 1964 г. также образовался таможенный и экономический союз.

Интеграция проходила и на уровне всего африканского континента: в 1963 г. была создана Организация африканского единства (ОАЕ). Именно на основе ОАЕ был подписан план Абуджа в 1991 г., который предусматривал план по континентальной интеграции. Позже именно ОАЕ был реформирован в Африканский союз, ставший опорой для создания зоны свободной торговли в Африке.

Первый этап европейско-африканской интеграции касался подписания Яундских конвенций, первая из которых была подписана в 1963 г. между 6 странами Европейского сообщества (Бельгии, Германии, Нидерландов, Франции, Люксембурга и Италии) и 18 ассоциированными странами Африки и Мадагаскаром. Среди африканских

² Treaty establishing the European Economic Community // The University of Luxemburg [Electronic recourse]. URL : https://www.cvce.eu/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html (дата обращения : 09.10.2020).

³ Consolidated version of the Treaty establishing the European Atomic Energy Community // EUR-Lex [Electronic resource]. URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012A/TXT&from=EN> (дата обращения : 09.10.2020).

⁴ Treaty of Brussels (Merger Treaty) // EUR-Lex [Electronic resource]. URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3A4301863> (дата обращения : 09.10.2020).

государств 14 были бывшими французскими колониями, три бывших бельгийских колонии и одна территория, бывшая под опекой Италии [10, p.2].

Основным мотивом для европейских государств служило желание бывших метрополий сохранить экономические отношения со своими колониями, контроль над которыми был утрачен. Главной целью европейских государств было создание экономической зоны для свободного перемещения товаров, услуг и рабочей силы. При этом, те отношения, которые связывали европейские и африканские государства до этого момента продолжаться не могли, и требовалось находить новый формат отношений, который бы компенсировал превалирующее положение индустриально развитых стран на общем рынке. Кроме того, Римский договор 1957 г. предполагал создание наиболее благоприятных условий для развития потенциала стран и территорий при установлении близких экономических связей, которые бы в первую очередь служили бы на благо населения данных стран⁵. Таким образом, в 1975 г. был создан Европейский фонд развития (ЕФР), который должен был стимулировать приток частного капитала, развивать частную предпринимательскую инициативу и принести ресурсы для развития коммуникаций, здравоохранения, образования, инфраструктуры и т. д.⁶.

Период Яундских конвенций длился с 1963 по 1973 гг., и результат этих конвенций был неоднозначен. Доля европейских стран на рынке африканских стран значительно превосходила долю африканских на рынке Европы, из этого следовало явное преимущество, которое страны Европейских сообществ приобретали от подобного беспошлинного торгового режима. Европейские страны в основном экспортировали промышленные товары в страны Африки, и в то же время были заинтересованы в сельскохозяйственных товарах и сырье. Такой дисбаланс приводил к привлечению частного капитала в сельскохозяйственный и горнодобывающий сектора, при этом другие сферы, особенно промышленность, игнорировались [10, p.8]. Проблема также заключалась в том, что генеральное соглашение о тари-

⁵ Treaty establishing the European Coal and Steel Community // EUR-Lex [Electronic resource]. URL : <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:11951K:EN:PDF> (дата обращения : 09.10.2020).

⁶ Partnership in Africa: the Yaounde Association. Community Topics 26. Yeovil, 1966. pp.22.

фах и торговле (ГАТТ) 1947 г⁷. не допускало заключения соглашений, которые бы вводили невзаимную систему преференций. Таким образом, Европейские сообщества не могли предоставить своим африканским партнерам дополнительные льготы.

После образования ОАЕ начали появляться региональные организации. Первыми и наиболее крупными из них были: Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС), созданное в 1975 г., Союз государств реки Мано, созданное в 1973 и Западноафриканское экономическое сообщество, созданное также в 1973 г.

Инициатором создания ЭКОВАС выступила Нигерия, которая предполагала сыграть лидирующую роль в бывших французских колониях, делая ставку на нефтедобычу и развивающийся частный бизнес. Несмотря на активное лоббирование создания зоны свободной торговли со стороны Нигерии, ЭКОВАС состоял из стран, которые разнились экономически и политически, что привело к замедлению процессов интеграции. Создание двух других интеграционных объединений скорее было вызвано желанием оппонировать активной позиции Нигерии, и не привело к значительным интеграционным процессам в странах Африки из-за внутренних конфликтов в государствах-участниках. Такие интеграционные процессы в Африке стали стимулом для ЕЭС пересмотреть существующие подходы и предложить новый вариант сотрудничества уже в Ломейской конвенции 1975 года [11, р. 2].

Период Ломейских конвенций принес существенные изменения в отношения между странами АЮС и Европейскими сообществами. Первое изменение касалось масштаба заключаемого договора. Теперь страны включали 65 стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, из которых 44 страны были странами из региона Африки к югу от Сахары. Такое расширение стало возможно в том числе благодаря расширению Европейских сообществ. В 1973 г. к Европейскому сообществу присоединилась Великобритания, Дания и Ирландия. Великобритания, как и другие бывшие метрополии, была заинтересована в установлении нового формата отношений со своими бывшими колониями, что вылилось в увеличение нового рамочного договора за счет включения в него заморских территорий Великобри-

⁷ The General Agreement on Tariffs and Trade // World Trade Organization [Electronic resource]. URL : https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.pdf (дата обращения : 12.09.2020).

тании. Европейские государства также были заинтересованы во внесении в договор бывших британских колоний, в особенности Нигерии, Кении, Уганды и Танзании, которые являлись членами Содружества наций. Первые переговоры по договору об ассоциации начались еще в 1963 г., когда обсуждался договор об ассоциации с Нигерией. Данный договор предусматривал установление беспошлинного торгового режима для Нигерии и шести стран Европейских сообществ. Уже в 1966 г. текст договора был готов, однако гражданская война в Нигерии 1967 г. стала препятствием к его подписанию⁸.

Следующим изменением стали механизмы для стабилизации доходов стран АКТ от экспорта горнодобывающей (СИСМИН) и сельскохозяйственной (СТАБЭКС) продукции. Эти механизмы предусматривали компенсацию доходов стран АКТ в связи с изменениями мировых цен на вышеназванные виды продукции. Такие механизмы позволяли сохранять приток капитала в горнодобывающие и сельскохозяйственные отрасли стран АКТ и при этом компенсировать превалирующую долю европейских стран на рынке Африки.

Еще одним нововведением стала общая система преференций (ОСП), которую Европейские сообщества вводили для наименее развитых и развивающихся стран. Общая система преференций была принята еще в 1969 г. и должна была способствовать увеличению доходов развивающихся стран и ускорению индустриализации и экономического роста, что стало поводом для Европейских сообществ ввести первый раунд ОСП с 1971 по 1981 гг. Однако такая система противоречила правилам ГАТТ, которые не позволяли вводить преференции исключительно для одной стороны соглашения, при этом, не наделив такими преференциями другие стороны соглашения. Только в 1979 г. была введена разрешающая оговорка, которая позволяла вводить невзаимные преференции в соглашениях с развивающимися странами.

Эта оговорка позволила Европейским сообществам ввести дополнительные квоты на закупку товаров и услуг из стран АКТ, ввести второй раунд ОСП с 1981 по 1991 гг., а также снизить тарифные барьеры в рамках третьей Ломейской конвенции 1984 г. Реализация III Ломейской конвенции сильно пострадала от ухудшения внешней

⁸ Partnership in Africa: The Yaounde Association // European Community Information Service. 1966. URL: <http://www.aei.pitt.edu/34505/1/A674.pdf> (дата обращения : 10.11.2020).

среды стран АКТ, которая характеризовалась резким падением мировых цен на их наиболее важные экспортные товары, что вылилось в увеличение внешнего долга. Проблема наиболее остро сказалась на странах АЮС, которые в значительной степени зависели от экспорта сырьевых товаров. В связи с падением мировых цен на сырьевые товары фонд стабилизации доходов СТАБЭКС оказался превышен. Такое превышение шло вразрез с требованием некоторых стран сообщества по прагматичному распределению ресурсов, кроме того, некоторые страны Южной Европы не были довольны либерализацией торгового режима для сельскохозяйственной продукции АЮС, так как видели в них своих прямых конкурентов.

В будущем именно эти проблемы стали основными вопросами при заключении последней, четвертой Ломейской конвенции. Однако новые интеграционные процессы в Африке и интеграционные тенденции в Европейских сообществах позволили добиться существенных изменений в будущей конвенции.

Большой импульс региональной интеграции в Африке придал Лагосский план действий⁹ – документ, составленный Организацией африканского единства в 1980 г. Такой план был ответом африканских государств на 20-летнюю стагнацию в развитии после получения независимости и по своей сути был panaфриканским. План отмечал, что, несмотря на большое количество запасов сырья, Африка не имеет возможности индустриализации на должном уровне и не использует свой потенциал. Также отмечалось, что, несмотря на значительную международную помощь, в странах Африки до сих пор остаются проблемы безработицы, голода и бедности, и для решения данных проблем необходимо полагаться на собственные силы и принять усилия по скорейшей индустриализации и развитию региона. Для этих целей предполагалось создать национальные, субрегиональные и региональные организации, в рамках которых проводить сотрудничество.

Вслед за данным планом были созданы такие организации, как Конференция по координации развития стран Юга Африки в 1980 г. (САДКК), Преференциальная зона торговли Восточной и Южной Африки в 1981 г. (ПТА) и Экономическое сообщество Центральной

⁹ Lagos plan of action for the economic development of Africa 1980 – 2020 // United Nations University [Electronic resource]. URL : <https://www.merit.unu.edu/wp-content/uploads/2015/01/Lagos-Plan-of-Action.pdf> (дата обращения : 11.10.2020).

Африки (ЭККАС) в 1983 г. Именно данные организации в будущем стали основой для будущих региональных объединений. Данные организации были более нацелены на снижение тарифных барьеров, а также на стремление создать единую систему по стабилизации ситуации в своих регионах.

В 1987 г. со стороны государств-участниц Европейских сообществ был подписан Единый европейский акт¹⁰, который впервые формировал единую внешнюю политику под названием Европейское политическое сотрудничество стран-участниц, включавших Великобританию, Ирландию, Данию, Грецию, Испанию и Португалию, а через два года и Австрию.

Европейское политическое сотрудничество было предтечей Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза. В результате, сторонами на новых переговорах о четвертой Ломейской конвенции¹¹ в 1989 г. являлись уже не отдельные страны, а группа европейских стран, объединенные единой внешней политикой, и группа нескольких интеграционных объединений в Африке. В результате сложных переговоров было решено предоставлять помощь в виде национальных индикативных программ развития, в рамках которых предоставлялись квоты и финансовая помощь.

В 1992 г. произошло знаковое событие в истории Европы – был подписан Маастрихтский договор¹² и образован Европейский союз (ЕС). Данное интеграционное образование теперь декларировалось как единый внешнеполитический актор, который строит отношений с третьими странами на основе общей внешней политике и политике безопасности, развития и консолидации демократии и прав человека. Маастрихтский договор о Европейском союзе (ЕС) изменил правила предоставления квот на закупку товаров в странах АЮС, а также изменил позицию ЕС в мировой торговле. Устранение барьеров внутри ЕС и усиление ЕС на мировом рынке способствовало улучшению по-

¹⁰ The Single European Act // EUR-Lex [Electronic resource]. URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Axy0027> (дата обращения : 11.10.2020).

¹¹ Fourth ACP – EEC Convention signed at Lomé on 15 December 1989 // EUR-Lex [Electronic resource]. URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A21991A0817%2801%29> (дата обращения : 11.10.2020).

¹² Treaty on European Union // An official website of the European Union [Electronic resource]. URL : https://europa.eu/european-union/sites/europa.eu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (дата обращения : 11.10.2020).

зиции стран АЮС, так как преференции, предоставляемые странам АКТ предоставляли уникальный бестарифный доступ к усиливающемуся рынку ЕС, в то время как третьи страны не имели таких привилегий. Самой серьезной потенциальной опасностью для государств АКТ являлось то, что процедуры, используемые для введения в действие квот по протоколам к конвенции, могли стать неработоспособными.

В 1991 г. Ассамблея Организации африканского единства подписала новый договор Абуджа¹³, который ставил своей главной целью достижение единого африканского сообщества. Такой план предусматривал шесть этапов интеграции с 1994 по 2028 гг. С 1994 по 2007 г. планировалось стабилизировать тарифные и нетарифные барьеры и образовать устойчивые региональные сообщества; с 2007 по 2019 гг. создать зоны свободной торговли и гармонизировать таможенные и тарифные системы в региональных сообществах; и с 2019 по 2023 гг. образовать экономический союз с общим рынком, парламентом и банком. После заключения данного договора возобновились интеграционные процессы в рамках уже существующих организаций. В 1993 г. Конференция САДКК была реформирована в Сообщество развитие Юга Африки (САДК), а в 1994 г. государства-участники ПТА в Восточной Африке образовали Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА). В 1999 г. на основе Таможенного и экономического союза Центральной Африки было создано Экономическое и валютное сообщество Центральной Африки (СЕ-МАК), а ранее в 1994 г. Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС). В Западной Африке в 1994 г. также появилось новое интеграционное образование – Западноафриканский экономический и валютный союз, союз, который отходил от общей линии ЭКОВАС, в результате чего Гана и Нигерия выразили недовольство отсутствием единообразного видения Мали, Бенина и Буркина-Фасо интеграции в Западной Африке. В Восточной Африке в 1996 г. начала работу Межправительственная организация по развитию Восточной Африки (ИГИД), а в 2000 г. было возрождено Восточноафриканское сообщество (ЕАС), которое распалось в 1977 г. в результате межгосударственных и внутренних конфликтов.

¹³ Treaty Establishing the African Economic Community // Official website of African Union [Electronic resource]. URL : https://au.int/sites/default/files/treaties/37636-treaty-0016_-_treaty_establishing_the_african_economic_community_e.pdf (дата обращения : 11.10.2020).

Таким образом в 1990-е года произошел очередной интеграционный виток, который отличался интенсивностью создания новых организаций, возрождением старых, и формированием долгосрочного плана действий. КОМЕСА, ЕАС, ИГИД, ЭККАС и ЭКОЦАС стали базовыми единицами, на основе которых должно было строиться Африканское экономическое сообщество.

После создания всемирной торговой организации (ВТО) в 1995 г. Европейский союз уже не мог продолжать предыдущий формат отношений со странами АЮС в рамках действующей ОСП. ОСП оставалась вторичной по отношению к Ломейским конвенциям [Siles-Brügge, p. 3], так как касалась в первую очередь наименее развитых стран, в то время как к странам АКТ относились и развивающиеся страны. Кроме того, Ломейские конвенции затрагивали более широкий круг вопросов, таких как культурное взаимодействие, борьба с опустыниванием, развитие судоходства и инфраструктуры, которые не могли быть решены только с помощью ОСП.

23 июня 2000 года на 25-м министерском совещании АКТ-ЕС в столице Бенина Котону было подписано новое соглашение о партнерстве между ЕС и странами АКТ, определяющее принципы сотрудничества сторон на ближайшие 20 лет. Договор был официально назван «Соглашением о партнерстве между государствами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, с одной стороны, и Европейским союзом, и его государствами-членами, с другой стороны» и менее формальным – Соглашение Котону¹⁴.

Несмотря на долгие переговоры и четыре Ломейские конвенции, существенных изменений за данный период было мало. Основные вопросы о реформировании системы преференций были подняты на пятом раунде переговоров, который проходил в 1998–2000 гг. Однако такой формат отношений больше не был возможным.

Для этого было несколько причин.

Во-первых, низкая результативность Ломейских конвенций.

Во-вторых, низкая результативность некоторых пунктов данных конвенций с тенденциями к снижению торговых барьеров в рамках ГАТТ, которые происходят в интересах всех членов ВТО. Несовме-

¹⁴ Partnership agreement between the members of the African, Caribbean and Pacific group of states of the one part, and the European Community and its member states of the other part // Official website of the European parliament. URL : https://www.europarl.europa.eu/intcoop/acp/03_01/pdf/mn3012634_en.pdf. (дата обращения : 10.10.2020)

стимость с правилами ВТО является ключевым аргументом, выдвинутым ЕС, чтобы оправдать прекращение невзаимных преференций. Преференции нарушают принцип недискриминации, установленным правилами ГАТТ¹⁵.

В-третьих, данные преференции снизили только тарифные и количественные ограничения, в то время как в ЕС действовали и другие правила, такие как ветеринарные стандарты, антидемпинговые меры, некоторые аспекты местного законодательства в государствах – участниках, в отношении которых преференции, перешедшие от Ломе бесполезны.

Существовали также исключения для данной статьи. Так: преференции должны были быть взаимными между членами ВТО¹⁶, или они устанавливаются развитыми странами по отношению к наименее развитым странам¹⁷. Однако, преференции Ломейской конвенции не имели права на подобные исключения. С одной стороны, режим не был взаимен и не являлся соглашением о свободной торговле. С другой стороны, не все страны АКТ являлись наименее развитыми.

Для наименее развитых стран в рамках ОСП была разработана программа «Все кроме оружия». Наименее развитые страны региона (НРС) АКТ могли рассчитывать на продолжение системы односторонних преференций в рамках системы преференций ЕС для наименее развитых стран, которая затрагивает большую часть продукции, экспортируемой в ЕС из этих стран. Отношения с 34 наименее НРС Африки могли сохранять предыдущий формат, и единственной страной Африки, которая выбрала сохранить предыдущий формат ОСП стала Нигерия, которая не являлась наименее развитой страной и могла сохранить частичное снятие ограничений на торговлю с ЕС.

Таким образом сложилась ситуация, при которой ЕС получил дополнительную уступку от ВТО в части продолжения отношений со странами АЮС, однако требовался кардинальный пересмотр отношений, которые бы соответствовали требованиям ВТО. Так как отсрочка была предоставлена лишь до 2000 г., страны ЕС и АЮС могли

¹⁵ The General Agreement on Tariffs and Trade // Official website of the World Trade Organization [Electronic resource]. URL: http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.pdf. (дата обращения : 02.11.2020).

¹⁶ Там же. С. 43.

¹⁷ Decision on measures in favour of least-developed countries // Official website of the World Trade Organization [Electronic resource]. URL : https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/31-dlldc.pdf. (дата обращения 12.11.2020).

ввести обычный режим зоны свободной торговли, однако такой режим не был выгоден странам АЮС, которые не смогли бы конкурировать с производителями из Европы. Так как даже после заключения соглашения Котону стороны не смогли прийти к соглашению, была дана вторая отсрочка до 2008 г. В 2002 г. ЕС предложил формат соглашений об экономическом партнерстве (СЭП), переговоры о котором продлились до 2007 г., когда страны пришли к договоренности об условиях СЭП.

В 2007 г. был заключен Лиссабонский договор¹⁸, который изменял общую внешнюю политику и политику безопасности, особенно в отношении развивающихся стран. Теперь ЕС ставил своей целью укреплять экономическое и социальное положение развивающихся стран, поощрять соблюдение прав человека и демократии, развивать международную систему на основе многостороннего сотрудничества, а также устранять барьеры в международной торговле, которые бы способствовали ограничению развития экономики в развивающихся странах.

Теперь ЕС ставил своей целью в первую очередь избавиться от бедности в развивающихся странах и предоставить программы многостороннего сотрудничества для этих целей, которые бы также включали значительную финансовую помощь. Заключение Лиссабонского договора несколько модернизировало подход ЕС к договорной практике со странами Африки.

Само создание СЭП должно было решить фундаментальные проблемы, развить внутри региональную торговлю, а также диверсифицировать товарные позиции. Страны АЮС желали преодолеть основные торговые барьеры и еще упростить доступ своих товаров к европейскому рынку, в рамках снижения тарифов, облегчения технических стандартов, введения или сохранения уже существующих квот, закрепленных в протоколах, упрощения экспортных процедур. Согласно СЭП страны АЮС должны были снижать минимальные тарифные и нетарифные барьеры для товаров из ЕС. Также предусматривалась либерализация взаимной торговли услугами, разработка мер

¹⁸ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community // EUR-Lex. URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12007L%2FTXT>. (дата обращения : 12.11.2020).

по расширению инвестиций и конкуренции, создание финансовой и технической поддержки для торговли и экономического развития¹⁹.

Таким образом, страны АЮС и ЕС заключали договор о создании зоны свободной торговли, при этом компенсация за неравную позицию сторон на рынке компенсировали с помощью прямых инвестиций, которые ЕС выделял под индикативные программы развития стран АЮС. Такие индикативные программы фокусировались на отдельных аспектах развития инфраструктуры, образования, прав человека, производственных мощностей и индустриализации стран АЮС.

Первые подписания таких соглашений состоялись уже в 2008-2009 гг. В них участвовали Кот-д'Ивуар, Камерун, Маврикий, Сейшелы и Мадагаскар. Отдельным успехом стало заключение соглашений с региональными организациями. Так, соглашение было подписано с Сообществом развития юга Африки (САДК) в 2014 г. Также в 2014 г. успешно окончились переговоры о СЭП с 16 странами Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) и Западноафриканским экономическим и валютным союзом (ЗАЭВС). В 2016 г. было заключено соглашение с Восточноафриканским сообществом (ВАС). В 2019 г. заявку на СЭП подали Коморские острова. Таким образом, можно считать, что переговоры ЕС о заключении СЭП идут активно и в той или иной степени затрагивают все страны Африки²⁰.

Отдельно стоит отметить позицию Нигерии. Еще в 1999 г. Нигерия, при поддержке Ганы, выразила обеспокоенность, что страны ЗАЭВС, отошли от линии ЭКОВАС, в котором Нигерия играла заметную лидирующую роль, и образовали свой собственный таможенный союз. Также в 2016 г. Президента Мохаммаду Бухари отказался подписывать СЭП в 2016 г., следуя протекционистской позиции²¹.

¹⁹ Priority issues for ACP states in respect of negotiating economic partnership agreements with the EU // Trade negotiation issues in the Cotonou Agreement. New York and Geneva. 2003. P. 135.

²⁰ Overview of economic partnership agreements // Official website of European Commission. URL : https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2009/september/tradoc_144912.pdf. (дата обращения : 11.11.2020).

²¹ Statement by H.E. President Muhammadu Buhari at the plenary of the European Parliament, Strasbourg // Official website of European Union External Action Service. URL : http://www.eeas.europa.eu/archives/delegations/nigeria/documents/press_corner/news/20160203_statement_by_president_buhari_-_03-02-2016_-_european_parliament_-_strasbourg_en.pdf. (дата обращения : 11.11.2020).

Что касается Африканской интеграции, то, следуя плану Абуджа, в 2012 г. произошло еще одно знаковое событие – в Аккре, столице Ганы было подписано Решение о стимулировании внутриафриканской торговли и о дорожной карте по созданию зоны свободной торговли, а в 2015 г. в Египте было подписано соглашение о создании трехсторонней зоны свободной торговли между КОМЕСА, САДК и ЕАС.

В 2018 г. произошло самое знаковое событие за все время африканской интеграции – на саммите в Кигали, столице Руанды, была подписана декларация Кигали об Африканской континентальной зоне свободной торговли, которую по состоянию на 2020 г. подписали 54 страны Африки из 55. Не подписала декларацию только Эритрея, которая в 2018 г. Находилась в состоянии вооруженного конфликта с Эфиопией. Однако, уже в том же 2018 г. между Эфиопией и Эритреей состоялось подписание мирного договора, поэтому можно ожидать присоединение Эритреи к договору уже в ближайшее время.

В марте 2020 г. Фил Хоган, европейский комиссар по торговле, заявил о том, что будущая континентальная зона свободной торговли Африки послужит отправной точкой для создания межконтинентальной зоны свободной торговли Европа – Африка²². Опорой для такой зоны будет соглашение об экономическом партнерстве с региональными организациями Африки к югу от Сахары (АЮС). Затем в апреле 2020 г. было опубликовано совместное коммюнике Европейской комиссии «На пути к комплексной стратегии ЕС – Африка»²³, которое также заявляло о создании межконтинентальной зоны свободной торговли в длительной перспективе. Данные заявления совпали с окончанием действия договора Котону в 2020 г., который являлся рамочным документом и который в течение периода с 2000 по 2020 гг. формировал отношения. Углубление экономической интеграции и создание межконтинентальной зоны свободной торговли ЕС – Африка является логическим продолжением их сотрудничества.

²² Hogan P. Towards an Africa-Europe trade partnership / P. Hogan // ECDP Great Insights. Maasricht. 2020. V.9. Iss.1. P.10.

²³ Joint communication to the European Parliament and the Council. Towards a comprehensive Strategy with Africa // Official website of the European Commission. URL : https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/communication-eu-africa-strategy-joint-2020-4-final_en.pdf. (дата обращения : 13.11.2020).

Обсуждение полученных результатов. Данное исследование анализирует интеграционные процессы в Европе, Африке и между ними на основе историзма с точки зрения неолиберального подхода.

Неолиберальный институционализм, который отсылает к 1960-ым годам и новой волне институционализма, получил импульс после окончания Холодной волны. Интеграционные процессы в Европе привели к созданию устойчивых наднациональных институтов, которые должны были позволить преодолеть последствия глобализации и транснационализма, при этом создавая условия для создания свободного мирового рынка. Данное исследование подтверждает точку зрения такого автора, как Р. Купер, который утверждал, что Европа, пытаясь использовать инструменты «мягкой силы» может суметь интегрировать развивающиеся страны в мировую экономику [12, р. 168].

Выводы. После Второй мировой войны интеграционные процессы в Европе начали активно развиваться на желании стран восстановить разрушенные экономики и в это же время установить единые правила общего рынка, которые бы привели к мирному разрешению хозяйственных споров на территории Европы. Такой подход позволил создать первые интеграционные объединения на территории Европы, связав бывших соперников единым рынком угля и стали – наиболее востребованных товаров в то время, а также обеспечить безопасность установив общие правила пользования ядерной энергией и создав единое экономическое пространство.

Интеграционные процессы в Африке носили более сложный характер, нежели в Европе, что было вызвано внутренними и межгосударственными вооруженными конфликтами, а также различными интересами африканских стран. Несмотря на то, что первые региональные объединения создавались благодаря влиянию метрополий, основной импульс экономическая интеграция получила именно после распада колониальной системы и была вызвана желанием стран создать новые экономические и политические связи, которые бы в том числе охватывали весь континент.

Отношения между странами Европы и Африки складывались исходя из тесных колониальных связей, однако не могли продолжаться после второй половины XX века. Необходимость сохранить уже имеющиеся выходы на рынок Европы, но создать новый политический формат постепенно приводили к заключению соглашений, которые изменялись со временем в сторону все более и более равноправ-

ных. Такие изменения, а также мировые тренды в сфере установления общих правил для интеграционных экономических объединений, в конце концов привели к наиболее современному формату максимально возможных равноправных отношений для развивающихся стран Африки и развитых стран Европы.

Региональный подход к интеграции на территории Африки и желание Европейского союза заключать соглашения об экономическом партнерстве с региональными объединениями Африки способствовали развитию политического диалога и экономическим отношениям. Изменения во внешней политике ЕС, которые начали включать в повестку права человека и пункты, посвященные развитию африканского континента, как и диалог, проходящий на уровне государств, регионов и континента, позволили говорить о будущем создании зоны свободной торговли между континентами. Создание такого интеграционного объединения видится решительным шагом, который может привести к значительным изменениям в системе международных отношений, но вполне логичным при рассмотрении всей истории евро-африканской интеграции после второй половины XX века.

Библиографические ссылки

1. *Лашкевич, С. А. Челядинский, А. А.* Африка в современном мире. Минск: Право и экономика, 2010. – 321 с.
2. *Вельяминов, Г. В.* Сотрудничество Евросоюза со странами АКТ (страны Африки, Карибского бассейна и Тихого океана). // Международное экономическое право и процесс. М.: Волтер Клувер. 2004. С. 143–147.
3. *Изместьев, А. В.* Помощь Европейского сообщества развивающимся странам (экономический анализ). // Журнал Российского государственного гуманитарного университета 2003 № 2 (7). Москва. 2003. С. 23.
4. *Grilli E., Riess M.* EC Aid to Associated Countries: Distribution and Determinants. *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1992. 2. pp. 202–220.
5. *Буторина, О.В.* Европейская интеграция. Учебник / Под ред. О.В. Буториной. Москва: Деловая литература, 2011. С. 719.
6. *Кавешников, Н. Ю.* Отношения ЕС со странами Африки, Карибского моря и Тихоокеанского бассейна. Европейская интеграция. Учебник / Под ред. О.В. Буториной. Москва: Деловая литература, 2011. 457 с.
7. *Морозенская, Е.В.* "Новый регионализм" в Африке: форма приспособления к глобализации или попытка противодействия современному неокOLONIALИЗМУ? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т.12. No. 4. С.209–227.
8. *Nickel D.* What after Cotonou? The Future Cooperation between the EU and the African, Caribbean and Pacific (ACP) States. SWP Research Paper. Berlin, 2012. p.26.
9. *Siles-Brügge, G.* EU Trade and Development Policy beyond the ACP : Subordinating Developmental to Commercial Imperatives in the Reform of GSP. *Contemporary Politics*. 2014. 20 (1). pp.49 – 62.

10. *Sissoko, M, Osuji, Louis O., Cheng, W.* Impacts of the Yaoundé and Lomé Conventions on EC-ACP Trade The African Economic and Business Review. 1998. P.6–24.
11. *Ndlovu, S.* From Yaoundé Conventions to the Economic Partnership Agreements / Economic partnership agreements negotiations: understanding the responses of Nigeria and South Africa : Doctoral thesis. Johannesburg. 2016.
12. *Cooper, R.* Hard power, soft power and the goals of diplomacy. American power in the 21st century. 2004. pp. 167-180.

Дата поступления статьи: 16.12.2020.

Автор: Зинченко Артем Николаевич – магистр исторических наук, специалист управления внешнеэкономической деятельности РУП «ПО «Белоруснефть», аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета.

DOI: 10.33581/2311-947-2020-8-27-46

BACKGROUND FOR AN INTERCONTINENTAL FREE TRADE AREA BETWEEN THE EUROPEAN UNION AND THE AFRICAN UNION (1963-2020)

A. N. ZINCHENKO

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article examines the relations between the European Union and Sub-Saharan Africa, as well as the integration processes in Europe and Africa, which led to the conclusion of Economic partnership agreements and the establishment of the African Continental Free Trade Area. The article tries to predict future integration processes between the European Union and African countries, which may lead to the intercontinental free trade area of the EU – Africa.

The study used a wide range of literature and sources, including publications of domestic and foreign researchers and analytical centers. The article examines the evolution of relations between European and African countries, notes the gradual development of the regional approach of the European Union in concluding economic partnership agreements. It also examines the evolution of integration associations in Africa, the prerequisites for the creation of a continental free trade area in Africa, as well as the role of regional associations and a continental free trade area for the future creation of an integration association of the European and African unions.

Key words: European Union; African Union, African integration; European integration; intercontinental free trade area; Euro-African integration.

For citation: Zinchanka, A.N. (2020). Background for an intercontinental free trade area between the European Union and the African Union (1963-2020). *Actual problems of international relations and global development*, p. 27–46. <https://doi.org/10.33581/2311-947-2020-8-27-46>

References

1. Lashkevich, S. A., & Cheljadinskij, A. A. (2010). Afrika v sovremennom mire [Africa in the modern world.]. Minsk. Pravo i jekonomika. p. 321. (In Russ)
2. Vel'jaminov, G. M. (2004). Sotrudnichestvo Evrosojuza so stranami AKT [European Union cooperation with ACP countries]. *Mezhdunarodnoe jekonomicheskoe pravo i process:(Akadmicheskij kurs): Wolters Kluwer Russia*. pp.143–147. (In Russ.).
3. Izmet'ev, A. V. (2003). Pomoshh' Evropejskogo sojuza razvivajushhimsja stranam (jekonomicheskij analiz) [European Community assistance to developing countries]. In: *Jekonomicheskij zhurnal*, (7). p.23. (In Russ.).
4. Grilli, E., & Riess, M. (1992). EC aid to associated countries: distribution and determinants. *Weltwirtschaftliches Archiv*. 128(2).. pp.202–220.
5. Butorina, O. V., Kaveshnikov, N. Ju., Strezhneva, M. V., Cibulina, A. N., Abramova, M. G., Aleksandrov, O. B., ... & Zav'jalova, E. B. (2011). Evropejskaja integracija [European integration]. Moskva: Delovaja literature. p. 719. (In Russ.).
6. Kaveshnikov, N. Ju. (2017). Otnoshenija ES so stranami Afriki, Karibskogo morja i Tihookeanskogo bassejna. [Relations of the EU with African, Caribbean and Pacific group of states] // *Evropejskaja integracija*. Moskva: Delovaja literaturepp. 442– 453. (In Russ.).
7. Morozenskaya E. V. (2019) 'New Regionalism' in Africa: Form of the Adaptation to Globalization or the Attempt of Opposition to Modern Neocolonialism? *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 12(4):209–227. (In Russ.) DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-209-227.
8. Nickel, D. (2012). What After Cotonou?: The Future Cooperation Between the EU and the African, Caribbean and Pacific (ACP) States. *Stiftung Wiss. und Politik*. p.26.
9. Siles-Brügge, G. (2014). EU trade and development policy beyond the ACP: subordinating developmental to commercial imperatives in the reform of GSP. *Contemporary Politics*, 20(1). pp. 49–62.
10. Sissoko, M. M., Osuji, L. O., & Cheng, W. I. (1998). Impacts of the Yaoundé and Lomé Conventions on EC-ACP trade. *The African Economic & Business Review*, 1(1). P.6–24.
11. Ndlovu, S. (2016) From Yaoundé Conventions to the Economic Partnership Agreements : PhD thesis. *Economic partnership agreements negotiations: understanding the responses of Nigeria and South Africa*. Johannesburg. 2016. p.81.
12. Cooper, R. (2004). Hard power, soft power and the goals of diplomacy. *American power in the 21st century*. pp. 167-180.

Received: 16.12.2020.

About author: Artsiom Zinchanka – M.A. in History of International relations, manager in Global Business Development Department of Belorusneft (State oil and gas company), PhD fellow of the International Relations Department, Belarusian State University.

ПРОДВИЖЕНИЕ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА В РАМКАХ ЕАЭС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. В. ИВАНЦОВ

Академия Управления при Президенте РБ

Минск, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается текущее состояние и дальнейшие перспективы интеграционных объединений, а также форматы многостороннего экономического сотрудничества с точки зрения реализации инициативы Большого евразийского партнерства. Автор анализирует опыт крупнейших многосторонних форматов в Евразии – Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), китайской инициативы «Один пояс – один путь», Евразийского экономического союза и др.

Автор делает вывод о том, что в нынешнем состоянии экономической сферы Большой Евразии наблюдается институциональная перегруженность, вызванная существованием ряда параллельно развивающихся интеграционных проектов и механизмов экономического сотрудничества. Усиление ЕАЭС как институционального центра Большой Евразии может стать базисом для формирования сбалансированного нормативного мега пространства. Однако совокупный экономический потенциал государств – участников ЕАЭС не позволяет Союзу быть крупнейшим экономическим полюсом и ведущим центром развития многосторонних институтов в Большой Евразии.

Предполагается, что решением в этой ситуации могло бы стать развитие Всеобъемлющего евразийского партнерства в сторону сопряжения ЕАЭС и ВРЭП – крупнейшего формата выработки правил международного экономического взаимодействия в Азии и формулирования конкретных предложений по выстраиванию системы взаимовыгодных отношений между крупнейшими игроками Евразии, в которую все заинтересованные государства будут вовлечены на взаимовыгодных условиях для укрепления международного сотрудничества.

Ключевые слова: Большое евразийское партнерство; ВРЭП; ЕАЭС; Евразия; интеграция; «Один пояс – один путь»; Союз; ЭПШП; ШОС.

Образец цитирования: *Иванцов А. В.* Продвижение Большого евразийского партнерства в рамках ЕАЭС: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. статей. Минск, 2020. Вып. 8. С. 47–57. <https://doi.org/10.33581/2311-947-2020-8-47-58>

Введение. На пространстве Евразии наблюдается появление мега региональных инициатив, выдвигаемых ведущими игроками континента. В 2011 году Госдепартамент США рассматривал концепцию «Нового шелкового пути», как попытку укрепления интеграции в области торговли и экономики между Афганистаном, Центральной Азией, Пакистаном и Индией, а шелковый путь Север-Юг «в качестве дополнения к связям Восток – Запад в Евразии» [2]. Свои инициативы такого рода есть у Китая – направленная на унификацию региональных усилий в сфере инфраструктурного строительства Инициатива Пояса и Пути, и у Японии – в виде инициированного кабинетом Синдзо Абэ «Партнерства в области создания качественной инфраструктуры»¹.

Цель данной статьи – проанализировать перспективы создания Большого евразийского партнерства, выявить проблемы и обозначить перспективы дальнейшего формата взаимодействия.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XX в. по настоящее время.

Методы исследования. При написании статьи были использованы методы исследования международных отношений, как контент-анализ и ивент-анализ, а также исторический и описательный.

Обзор литературы по теме. Главными источниками для анализа проблематики послужили работы, посвященные формированию евразийской интеграции, китайской инициативы «Один пояс – один путь», их роли и места в региональном сотрудничестве. Среди них можно назвать научные статьи М. Глянца, С.Ю. Глазьева, Д.П. Новикова, J. Nye, R. Keohane, K. Waltz и др.

Результаты исследования. Идея создания Большого Евразийского партнерства была сформулирована В.В. Путиным 3 декабря 2015 г. в ходе обращения с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации: «...Предлагаю вместе с коллегами по ЕАЭС начать диалог с членами ШОС и АСЕАН, а также с государствами, которые присоединяются к ШОС, о создании возможного экономического партнёрства. Совместно наши государства составляют почти треть мировой экономики по паритету покупательной способности.

¹ Ministry of Foreign Affairs of Japan (2015) Announcement of “Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future”. 21 May. [Electronic resource]. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (accessed 22.08.2020).

Такое партнёрство на начальном этапе могло бы сконцентрироваться на вопросах защиты капиталовложений, оптимизации процедур движения товаров через границы, совместной выработки технических стандартов для продукции следующего технологического поколения, на взаимном открытии доступа на рынки услуг и капиталов. Естественно, что это партнёрство должно строиться на принципах равноправия и учёта взаимных интересов...»².

Большое евразийское партнерство (БЕП) представляет собой сеть диалогов между ключевыми игроками в Евразии, не только из числа крупнейших национальных экономик, но и региональных экономических объединений, включая неформальные образования и инициативы, такие как китайская инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), Северный морской путь, Транссиб и т.д.

В научной литературе сложилось устойчивое мнение, нашедшее отражение как в либеральных теориях и концепциях, так и у многих авторов традиции реализма, о том, что создание и развитие институтов служит укреплению международной системы путем развития доверия между государствами [4], либо стабилизируя распределение сил и статусов внутри международных иерархий [5]. Особое внимание уделяется стимулирующей роли образовательных центров и норм в развитии экономических взаимосвязей между государствами и повышению взаимозависимости между ними, что позволяет говорить о преимущественно позитивной роли практически любого институционального строительства для укрепления политических и экономических связей между государствами.

На сегодняшний день в Евразии успешно работает полтора десятка региональных экономических объединений разного уровня глубины интеграции и масштаба охватываемых сфер регулирования. Только два из них – ЕС и ЕАЭС – имеют наднациональные органы регулирования, в то время как другие функционируют как межгосударственные. Большая часть региональных объединений нацелена на устранение торговых барьеров, формирование зон свободной торговли, гармонизацию норм технического, таможенного, тарифного и нетарифного регулирования. Однако на практике создание образова-

² Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. Петербургский международный экономический форум // Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295> (дата доступа: 22.08.2020).

тельных центров далеко не всегда ведет к преодолению противоречий между государствами и снижению транзакционных издержек при межгосударственном взаимодействии (прежде всего экономическом). Бурное развитие различных многосторонних форматов и институтов в Евразии в последние два десятилетия в настоящий момент является, скорее, источником конфликтов. Региональные форматы сотрудничества активно используются государствами для стабилизации окружающего их пространства – в условиях ослабления образовательных центров глобального регулирования. В существенной мере такая политика характерна для региональных игроков, претендующих на роль самостоятельных центров силы на фоне относительного ослабления глобального либерального порядка и его опорного государства в лице США, которые, как правило, и являются инициаторами создания таких форматов [4, pp. 82–96]. Однако среди конкуренции между крупными державами предлагаемые ими образовательные центры и форматы зачастую воспринимаются их оппонентами как враждебные. В последнее время ряд исследователей говорят даже о феномене «институционального оружия», позволяющего государствам использовать продвижение данных институтов и норм как инструмент международно-политической борьбы³.

Одновременно с базовыми региональными объединениями (таможенными союзами и зонами свободной торговли), сформированными для создания общих рынков товаров, труда и капитала, а также услуг действует ряд региональных инициатив, направленных на стимулирование инвестиционной активности, осуществление совместных инвестиционных проектов, включая крупномасштабные программы развития транспортной и энергетической инфраструктуры. Большую роль в поддержке таких интеграционных инициатив играют международные банки и институты развития, действующие как в рамках соответствующих региональных объединений, так и всего евразийского материка. При этом, отличительной чертой Большого Евразийского партнерства является возрастающая роль региональных интеграционных объединений Евразийского континента, таких как ЕАЭС, АСЕАН, ШОС, ЕС.

³ Leonard Mark (2016). Connectivity Wars. [Electronic resource]. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/Connectivity_Wars.pdf (accessed 22.08.2020).

По мнению министра торговли ЕЭК В.О. Никишиной, в текущих реалиях мировой экономики и политики «органическим партнёром» для ЕАЭС по началу «развертывания» Большого Евразийского партнерства является Китай. «Сопряжение ЕАЭС и китайского проекта «Один пояс – один путь» станет не просто его важной частью, но, как мы надеемся, двигателем, «пилотным проектом» всей идеи в целом»⁴. Сегодня идею БЕП целесообразно рассматривать в измерениях содержательного наполнения концепции БЕП, а также продвижения данной инициативы среди международных партнеров и контактов по линии ЕАЭС.

В настоящее время официальной концепции формирования БЕП не существует. Представление об этой идее базируется на выступлениях и идеях Президента России В.В. Путина, которые развиваются Министром иностранных дел России С.В. Лавровым и рядом других официальных представителей российского руководства, экспертов и представителей деловых кругов.

Более того, с течением времени сама идея БЕП эволюционирует, начиная от «сети двусторонних и многосторонних торговых соглашений» до «сложения потенциалов различных интеграционных проектов» и «основы для формирования более гармоничного технологического и институционального мироустройства» с включением в него как азиатских, так и европейских стран.

Возвращаясь к идее БЕП на итоговой пленарной сессии XIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2016 г., В.В. Путин вновь отметил: «Россия выступает за гармонизацию региональных экономических форматов на основе принципов прозрачности и уважения интересов друг друга.

Именно так мы выстраиваем деятельность Евразийского экономического союза, ведем переговоры с нашими партнерами, в том числе о сопряжении с реализуемым Китаем проектом «Экономического пояса Шелкового пути». Надеемся, что это позволит сформировать Большое Евразийское партнерство... Для реализации этой идеи уже начат диалог в формате «пять плюс один» по соглашению о тор-

⁴ Министр ЕЭК Вероника Никишина: «Большое Евразийское партнерство должно учитывать интересы всех игроков на пространстве Евразии» // Официальный сайт ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-12-2019-5.aspx>. (дата доступа: 22.08.2020).

гово-экономическом сотрудничестве между всеми участниками данного процесса»⁵.

О необходимости создания Большого Евразийского партнерства между ЕАЭС и другими странами, включая Китай, Индию, Иран, Пакистан и партнеров по СНГ, В.В. Путин и другие российские представители говорили и на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2016 г.

Наиболее развернутые концептуальные подходы изложены в научной статье академика РАН, д.э.н., профессора С.Ю. Глазьева «Большое Евразийское партнерство: созидая новый мир», где он отмечает, что «У России, ищущей альтернативные развилки экономической интеграции в рамках инициативы Президента В.В. Путина по созданию БЭП, есть опора на ключевого в АТР «азиатского тигра» в лице КНР. Ее председатель Си Цзиньпин в обоснование акселерации центростремительных тенденций между взаимно тяготеющими государствами континента на прошедшем во Владивостоке экономическом форуме терминологически и идеологически обозначил суть конструируемой интеграционной группы – Экономическое кольцо Северо-Восточной Азии. С трибуны ВЭФ – 2018 это было озвучено так: «Необходимо в приоритетном порядке повышать уровень взаимосвязанности транснациональной инфраструктуры, в сфере либерализации и упрощения торгово-инвестиционных процедур, содействовать ликвидности рынка, передвижению капиталов и технологиям, оптимизировать ресурсное обеспечение и индустриальную структуру, совместно строить открытую региональную экономику и сформировать экономическое кольцо Северо-Восточной Азии... Мы готовы вместе со всеми странами глубоко изучать возможности развития сотрудничества по другим многосторонним и субрегиональным форматам, чтобы запустить больше практических проектов на благо народов региона» [1, pp. 18–20]. При этом все участники процесса должны учитывать особенности социально-экономического и политического устройства евразийских государств, исходить из безусловного уважения национального суверенитета каждого государства, невмешатель-

⁵ Владимир Путин принял участие в итоговой пленарной сессии XIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Тема заседания в этом году «Будущее начинается сегодня: контуры завтрашнего мира» // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> (дата доступа: 22.08.2020).

ства в его внутренние дела, сохранения разнообразия хозяйственной и политической культуры как необходимого условия добросовестной конкуренции национальных юрисдикций и совместного развития на основе сочетания конкурентных преимуществ. БЕП должно формироваться на основе гибкой системы правовых норм, совместных проектов и институтов, которые учитывают интересы всех участников и исключительно добровольный характер сотрудничества.

Помимо официальных лиц тематику БЕП активно развивают деловые и экспертные круги. В частности, на страницах Медиагруппы «Звезда» 14 марта 2019 г. С.Ю. Глазьев, давая интервью «Большое евразийское партнерство создаст основу для формирования более гармоничного технологического и институционального мироустройства», подметил, что «Цель создания такого партнерства (БЕП) – долгосрочный мир и процветание Евразии. Для достижения этой цели необходимо решить некоторые задачи. А именно: создать преференциальные режимы торгово-экономического сотрудничества; развить материковую, транспортную, информационную и энергетическую инфраструктуры; научиться сочетать национальные планы развития с гармонизацией международной производственно-технологической кооперации и перейти к справедливой системе валютно-финансовых отношений. Также как и достигнуть прекращения существующих вооруженных конфликтов и не допускать новые»⁶.

По словам Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в интервью китайской газете «Глобал Таймс» 28 мая 2020 г. «требуется совместный поиск новых точек роста, которые способны помочь преодолеть всеобщий спад. Вкладом в данную работу глобального масштаба может стать сложение потенциалов различных интеграционных проектов, которые реализуются на обширных евразийских пространствах. Именно на это ориентирована инициатива о формировании Большого Евразийского партнерства, основанного на принципах международного права и транспарентности, открытого для всех стран этого огромного континента, включая членов ЕврАзЭС, ШОС и АСЕАН. Ее планомерное осуществление не только укрепит позитивную экономическую взаимосвязанность, повысит конкурентоспособ-

⁶ Сергей Глазьев: «Большое евразийское партнерство создаст основу для формирования более гармоничного технологического и институционального мироустройства» // Сетевое издание «Еженедельник «ЗВЕЗДА» [Электронный ресурс]. URL: <https://zvezdawebkly.ru/news/t/2019313107-2Yqsz.html> (дата доступа: 22.08.2020).

ность всех участников, но и станет солидным заделом в деле построения пространства мира и стабильности от Лиссабона до Джакарты»⁷. Содержательно БЕП может представлять собой сеть ключевых региональных экономических объединений и крупнейших национальных экономик Евразии, связанных между собой гибкой системой международных правовых норм, транспортно-логистических, энергетических, телекоммуникационных и финансовых инфраструктур, совместных проектов и институтов, сочетающих национальные планы развития с гармонизацией международной производственно-технологической кооперацией и стремящихся к продвижению справедливой системы валютно-финансовых отношений, взаимному открытию доступа на рынки товаров и услуг путем формирования преференциальных режимов торгово-экономического сотрудничества.

Целью БЕП является преобразование Евразии в зону мира, процветания и сотрудничества. Ее результат предусматривает решение задач развития материковой транспортной, энергетической и информационной инфраструктуры, перехода к справедливой системе валютно-финансовых отношений, сочетания национальных планов развития и гармонизации международной производственно-технологической кооперации, взаимного открытия доступа на рынки товаров и услуг посредством создания преференциальных режимов торгово-экономического сотрудничества. Развитие концепции БЕП важно вести в контексте определения некоего баланса между структурными экономическими проектами в регионе (китайская инициатива «Один пояс – один путь», Северный морской путь, Транссиб и др.) и возможными иными проектами, которые будут инициированы в будущем. К настоящему времени с учетом активного продвижения в экспертном сообществе тематики ОПОП, может складываться впечатление, что процесс формирования БЕП тесно связан с развитием инициативы «Один пояс – один путь». Такой подход не соответствует целям и универсальному характеру БЕП. Зачастую совмещение площадок Большого Евразийского партнерства и концепции сопряжения ЕАЭС инициативы «Один пояс – один путь» происходит и потому,

⁷ Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова о ситуации в мире в контексте пандемии коронавируса для китайской газеты «Глобал Таймс» // Официальный сайт МИД РФ. Москва, 28 мая 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4139447 (дата доступа: 22.08.2020).

что курирование данных тем в России возложено на одно должностное лицо. Важно отметить, что Россия официально не присоединилась к проекту «Один пояс – один путь» и рассматривает данную инициативу в контексте интеграции с ЕАЭС. Идея строительства ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь» нашла отражение в подписанном в мае 2018 г. всеобъемлющем Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем (вступило в силу 25 октября 2019 г.) и заключенном в июне 2019 г. Соглашении об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы ЕАЭС и КНР (пока не вступило в силу).

БЕП шире как географически, так и по содержанию. Концептуально идея Большого Евразийского партнерства предполагает охват всего континента, включая его азиатскую и европейскую части, в том числе развивая привычную европейцам идею создания единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Таким образом, идентификация инициативы «Один пояс – один путь» и идеи сопряжения строительства ЕАЭС и этой инициативы как стержня всего БЕП нецелесообразна, так как неполно отражает объективные экономические процессы, происходящие в Евразии. Отсюда возникает вывод, что уровень взаимодействия государств – членов Союза с глобальным экономическим локомотивом региона – Китаем – достаточно высок. Существует большая степень экономической ориентации Беларуси, Казахстана и Кыргызстана на Китай. На фоне конкретных финансово-экономических бонусов от сотрудничества с Китаем возможный эффект БЕП для отдельных государств – членов Союза пока не столь очевиден.

Выводы. Таким образом, с учетом специфики содержательного наполнения Большого Евразийского партнерства, возникает вопрос о возможности четкого формулирования подходов к архитектуре данной идеи, а также роли ЕАЭС в этой системе. Основные выводы о притягательности данной идеи для международных партнеров должны базироваться на предметном и тщательном экспертном анализе. Как представляется, усилиями стран ЕАЭС ее в разумно приемлемый промежуток времени написать чрезвычайно проблематично. Очертания этой концепции, подготовленные Россией, могли бы стать первым шагом к публичному диалогу на эту тему, определяющий дальнейший диалог, обсуждаемых в широком формате. Разносторонние

форматы взаимодействия государств Большого Евразийского партнерства при необходимости и существования запроса со стороны партнеров в Евразии могут быть осуществлены в соответствующих рамочных документах, однако на данном этапе времени говорить об этом рано.

Библиографические ссылки

1. Глазьев С.Ю. Большое евразийское партнерство: созидая новый мир // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. №. 1 (27). С. 18–20.
2. Глянц М. Китайская инициатива «один пояс – один путь»: что может сделать «бренд» // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4(1). С. 8–19.
3. Новиков Д.П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Вып. 13. № 3. С. 82–86.
4. Nye J., Keohane R. Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International organization. 1971. Вып. 25. № 3. С. 329–349.;
5. Waltz K. Theory of International Politics. New York: McGraw-Hill Higher Education.; Ikenberry, 2001

Дата поступления статьи: 17.11.2020.

Автор: Иванцов Алексей Васильевич – соискатель кафедры социальной политики и идеологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь, aliaskei.ivantsou@yandex.ru

DOI: 10.33581/2311-947-2020-8-47-58

PROMOTION OF THE GREATER EURASIAN PARTNERSHIP WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EAEU: PROBLEMS AND PROSPECTS

A. V. IVANTSOV

*Academy of Public Administration under the President of the Republic of
Belarus, Minsk, Republic of Belarus*

Abstract: This article examines the current state and future prospects of integration associations, as well as the formats of multilateral economic cooperation in terms of implementing the Greater Eurasian partnership initiative. The author analyzes the experience of the largest multilateral formats in Eurasia – the Comprehensive regional economic partnership (RCEP), the Chinese initiative "one belt, one road", the Eurasian economic Union, etc.

It is concluded that in the current state of the economic sphere of Greater Eurasia, there is an institutional overload caused by the existence of a number of parallel developing integration projects and mechanisms of economic cooperation. Strengthening the EEU as the institutional center of Greater Eurasia can become the basis for the formation of a balanced regulatory mega-space. However, the combined economic potential of the EAEU member States does not allow the Union to be the largest economic pole and the leading center for the development of multilateral institutions in Greater Eurasia.

It is assumed that the solution in this situation could be the development of a Comprehensive Eurasian partnership towards the integration of the EAEU and the EEU – the largest format for developing rules for international economic cooperation in Asia, as well as formulating specific proposals for building a system of mutually beneficial relations between the largest players in Eurasia, in which all interested States will be involved on mutually beneficial terms to strengthen international cooperation.

Keywords: Great Eurasian partnership; RCEP; EEU; Eurasia; integration; “one belt, one road”; Union; EBSR; SCO.

For citations: Ivantsov, A.V. (2020). Promotion of the Greater Eurasian partnership within the framework of the EAEU: problems and prospects. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 8, p. 47–57. <https://doi.org/10.33581/2311-947-2020-8-47-58>

References

1. Glazev, S.Y. (2019). Bol'shoye evraziyskoye partnerstvo: sozidaya novyi mir. [The Great Eurasian Partnership: Building a New World]. In: *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. No. 1 (27), p. 18–20. (In Russ.).
2. Glyants, M. (2017). Kitaiskaya initsiativa «odin poyas - odin put'»: chto mozhet sdelat' «brend» [China's Belt and Road Initiative: What a Brand Can Do]. In: *Problems of the post-Soviet space*. No 4 (1), p. 8–19. (In Russ.).
3. Novikov, D.P. Bol'shoye yevraziyskoye partnerstvo: vozmozhnoye vliyaniye i interesy Rossii [Great Eurasian Partnership: Potential Regional Influence and Interests of Russia]. In: *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*. Vol. 13, net. 3, 2018, p. 82–96. (In Russ.).
4. Nye, J., Keohane, R. (1971). Transnational Relations and World Politics: An Introduction. In: *International organization*. Vol. 25, no 3, pp. 329–349.;
5. Waltz, K. (1979) Theory of International Politics. New York: McGraw-Hill Higher Education.; Ikenberry, 2001.

Received: 17.11.2020.

About author: Ivantsov Aleksei Vasilyevich – applicant of Department of social policy and ideology Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, aliaskei.ivantsou@yandex.ru.

**ПОДХОДЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕФОРМЕ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН В 2005–2020 гг.**

Д.В. ЛУЗАН, С.Ф. СВИЛАС

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

Уже более 20 лет мировое сообщество находится в активном поиске решения проблемы реформирования Организации Объединенных Наций, однако консенсус так и не достигнут. В этой связи детальный анализ позиций отдельных государств является значительным шагом на пути к достижению согласия, позволяя найти точки соприкосновения в проектах реформы.

В статье на основе анализа текстов выступлений белорусских дипломатов с трибуны ООН и посредством междисциплинарной методологии определены цели, принципы, направления участия белорусской дипломатии в процессе модернизации ООН, содержатся характеристика и комплексная оценка подходов Республики Беларусь к институциональной реформе Генеральной Ассамблеи. Выделены три пика внешнеполитической активности республики в указанной области, раскрыто их содержание. Особое внимание уделено таким направлениям, как эффективность дискуссий, правовое сопровождение модернизации, система финансирования, повестка дня ГА. Подчеркнута важность расширения практики проведения тематических дебатов по ключевым проблемам современности, повышения эффективности взаимодействия Генеральной Ассамблеи с Советом Безопасности, развития сотрудничества с гражданским обществом.

Белорусская дипломатия исходит из необходимости укрепления роли ГА как главного представительного и совещательного органа ООН, усиления позиции Ассамблеи, ее Председателя и его Канцелярии при избрании Генерального секретаря, но без ущемления полномочий Совета Безопасности. Обоснован вывод о том, что в отношении институциональной реформы Генеральной Ассамблеи Беларусь занимает «центристскую» позицию. Предложения белорусской дипломатии направлены главным образом на корректировку работы этого органа без изменения его места и роли в системе Организации. Исследование призвано восполнить существующий в научной и публицистической литературе пробел в изучении проблематики реформирования Генеральной Ассамблеи с позиции Республики Беларусь.

Ключевые слова: внешняя политика и дипломатия Республики Беларусь; постбиполярная система международных отношений; глобализация; международное сотрудничество; многосторонняя дипломатия; реформирование ООН; Генеральная Ассамблея ООН; антропология международных отношений.

Образец цитирования: Лузан Д. В., Свилас С. Ф. Подходы Республики Беларусь к институциональной реформе Генеральной Ассамблеи ООН в 2005–2020 гг. // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2020. Вып. 8. С. 58–74. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-58-74>

Введение. Завершение 75 лет назад Второй мировой войны ознаменовалось созданием Организации Объединенных Наций – международного форума коллективной безопасности и стабильности на планете. С тех пор мир перетерпел значительные изменения: на политической карте появилось более ста новых суверенных государств, сформировалась и прекратила свое существование биполярная система международных отношений, возросла роль международных организаций как активных акторов международных отношений.

Качественные и количественные изменения произошли и в самой ООН. Число государств – членов с 1945 г. возросло почти в 4 раза, был образован новый постоянно функционирующий орган – Совет по правам человека (2006 г.), в то время как один из центральных органов – Совет по опеке – приостановил свою работу (с 1994 г.). Однако Генеральная Ассамблея ООН продолжает рассматривать мир как всеобщую «конфедерацию», играть роль глобального парламента, а отношение числа членов Совет Безопасности к общему количеству государств-членов Организации достигло критического минимума – менее 8% (в 1945 г. – около 22%). Подобные тенденции отнюдь не способствуют повышению эффективности деятельности ООН на международной арене, а зачастую являются факторами снижения кредита доверия государств к Организации.

Вместе с тем необходимость в сильной и авторитетной Организации Объединенных Наций только возросла. В начале XXI века многие государства, поддерживая тенденцию к полицентризму в условиях гегемонии США, выразили озабоченность снижением роли ООН в международных отношениях, поставили вопрос о комплексном реформировании Организации с целью укрепления ее авторитета и влияния в мировом сообществе. Не осталась в стороне и Республика Беларусь, которая принимает активное участие в обсуждении рефор-

менных проектов Организации. Особое место в белорусских проектах реформы занимает Генеральная Ассамблея.

Цель исследования состоит в характеристике и оценке позиции Республики Беларусь по реформированию Генеральной Ассамблеи ООН в 2005–2020 гг.

В рамках исследования были поставлены следующие *задачи*: определить основные цели, принципы и направления белорусской дипломатии в процессе реформирования Организации Объединенных Наций; рассмотреть подходы Республики Беларусь к реформированию ГА ООН; проанализировать и охарактеризовать позицию республики по вопросу об активизации Генеральной Ассамблеи.

Хронологические рамки исследования – 2005–2020 гг. Период между 60-ым и 75-ым юбилеями Организации Объединенных Наций характеризуется резким повышением внимания к проблеме реформирования ООН в целях адаптации и актуализации ее работы в условиях глобальных вызовов, активизацией практических разработок государств-членов, в том числе в направлении реформы Генеральной Ассамблеи, формированием конкретных ориентиров и приоритетов модернизации институтов Организации и ООН в целом. В рамках данного периода можно выделить три пика активности белорусской дипломатии в направлении реформы Генассамблеи.

Первый пик приходится на 2004–2006 гг., совпадает с 60-летием Организации и сопутствующими этому событию мероприятиями. Состоявшаяся 2 декабря 2004 г. презентация доклада Группы высокого уровня «Безопасный мир: наша общая ответственность», а также представление 21 марта 2005 г. доклада Генерального секретаря ООН Кофи Аннана «При большей свободе» стали мощным толчком для всех государств – членов на пути к активным разработкам собственных проектов реформы. В этот период сформировались основные принципы Республики Беларусь в отношении реформирования ООН вообще и Генеральной Ассамблеи в частности, которые в дальнейшем развивались.

Второй пик активизации практических разработок Беларуси в векторе реформирования Генассамблеи приходится на 2010–2013 гг. Он характеризовался проведением всестороннего анализа результатов, достигнутого за пять лет со времени реализации «первой партии» реформ (2006 г.) и формированием на этой основе новых ориентиров и целей. Как и другие государства, Беларусь в это время была вовле-

чена в процесс выработки оригинальных положений и проектов реформы ГА и корректировала уже разработанные позиции.

После избрания на должность Генерального секретаря Антониу Гутерриша (2017 г.) в Организации Объединенных Наций вновь всерьез заговорили о необходимости проведения реформ. Именно этими событиями обусловлен третий пик в процессе формирования взглядов белорусской дипломатии на различные нюансы и аспекты реформенных процессов в Генеральной Ассамблее.

Актуальность исследования определяется значимостью ООН в современных международных отношениях и во внешней политике Республики Беларусь, а также недостаточной разработанностью вопроса в историографии.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в науке о международных отношениях были проведены анализ, синтез и оценка подходов Республики Беларусь к реформированию Генеральной Ассамблеи ООН; в научный оборот введены актуальные данные, позволяющие раскрыть суть подходов республики к решению основных проблем этого центрального института Организации.

Методы исследования. Исследование основано на *принципах* объективности, историзма, системности и ценности в истории. В рамках исследования был применен комплекс общенаучных (анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукция, дедукция) и специальных *методов* (историко-сравнительный, историко-системный, анализа документов, включенного наблюдения, институциональный, структурно-функциональный, системного анализа), а также ценностный, антропологический, макро- и микросоциологический *подходы*.

Объектом исследования является внешняя политика и дипломатия Республики Беларусь.

Предмет исследования – инициативы, предложения и проекты белорусской дипломатии по реформированию Генеральной Ассамблеи ООН, внесенные официальным Минском в 2005–2020 гг.

Обзор историографии по теме. Различные аспекты реформирования Организации Объединенных Наций представлены в историографии достаточно широко. В российской историографии крупными экспертами по этой проблеме являются Л. Е. Гришаева¹,

¹Гришаева Л. Е. ООН: формально существующая или реально действующая // Дипломатическая служба. 2018. №1. С. 19–30.

А. И. Никитин², В. Котляр³; диссертация на соискание ученой степени доктора наук защищена В. Ф. Заемским [1], кандидатские диссертации – М. М. Юрченко [2], Е. В. Головановым [3] и Р. Ю. Пламаренко [4]. В западной историографии следует выделить работы Т. Вейса⁴, Э. Лака⁵, И. Мюллера⁶ и особенно – М. Гулдинга⁷.

Подходы же белорусской дипломатии к реформированию Организации Объединенных Наций в историографии освещены недостаточно. Данной проблематики касался кадровый дипломат А. Н. Сычев в статье «Республика Беларусь и ООН» (2006 г.) [5], который рассмотрел подходы Республики Беларусь к реформированию Организации и выделил в качестве приоритетных направлений адаптацию состава Совета Безопасности к современным реалиям, активизацию Генеральной Ассамблеи и работу над уточнением положений Устава ООН.

Тема реформирования ООН затрагивалась А. В. Тихомировым в монографии «Внешняя политика Республики Беларусь (1991–2015 гг.)» (2017 г.) [6], а также в статье «Взаимодействие Республики Беларусь и ООН (1991–2015 гг.)» (2015 г.) [7]. Он высказал мнение, что в начале XXI века Беларусь делала ставку на рационализацию деятельности центральных органов ООН путем наделения их «адекват-

Гришаева Л. Е. ООН: 75 лет после Второй мировой войны // Дипломатическая служба. 2020. №5. С. 6–32.

²Никитин А. И. Новая система отношений великих держав XXI века: «концерт» или конфронтация? // Полис. 2016. № 1. С. 44–59.

Никитин А. И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 3. С. 16–26.

³Котляр В. Реформа ООН и вопрос о возрождении Военно-Штабного Комитета при Совете Безопасности ООН // Международное публичное и частное право. 2006. №6. С. 64–72.

⁴Weiss T. G., Young K. E. (2005) Compromise and Credibility: Security Council Reform? In: Security Dialogue, Vol. 36, p. 146–168.

Thomas G. Weiss, Sir Brian Urquhart. (2013) What's Wrong with the United Nations and How to Fix it. Wiley, 288 p.

⁵Luck E. C. (2006) The Survivors: The United States and the United Nations in Troubled Times. In: American Foreign Policy Interests, Vol. 28, p. 293–296.

Edward C. Luck. (2003) Reforming the United Nations: Lessons from a History in Progress. In: New Haven: Academic Council on the UN System, 74 p.

⁶Joachim Mueller. (2016) Reforming the United Nations: A Chronology. BRILL, 440 p.

Joachim Müller. (2010) Reforming the United Nations: The Challenge of Working Together. Martinus Nijhoff Publishers, 386 p.

⁷Гулдинг М. Организация Объединенных Наций: лидерство, реформы и миротворчество. М. : Московский центр Карнеги. 2007.

ными возможностями для эффективной реализации уставных целей и задач».

В коллективной монографии «Внешняя политика Республики Беларусь в 2000-е гг.» (2010 г.) [8], изданной под редакцией профессора А. В. Шарапо, акцент делается на реформе Совета Безопасности: подчеркнуто стремление Беларуси сделать этот орган более представительным, а также расширить присутствие группы восточноевропейских государств в категории его непостоянных членов.

Вместе с тем многоаспектная и развернутая оценка подходов Республики Беларусь к реформированию такого центрального института ООН, как Генеральная Ассамблея, в научной и публицистической литературе отсутствует.

Результаты исследования. В результате исследования выявлено, что в рамках максимизации эффективности реформенных процессов всех структур ООН белорусская сторона считает необходимым сосредоточиться на реализации следующих общих задач: участие в реализации согласованных мер всех без исключения государств – членов; мобилизация всех доступных политических, экономических, интеллектуальных и иных ресурсов; воплощение в жизнь в полной мере Организацией, которая является универсальной и по составу, и по своему мандату, роли лидера в объединении и координации международных усилий⁸. Развивая последний тезис, белорусская дипломатия делает акцент на том, что в свете появления новых субъектов в сфере мировой политики (узкие клубы, неформальные объединения, союзы и др.) их встраивание в систему ООН, в особенности рациональное включение в работу Генеральной Ассамблеи, является основой понятной, согласованной и эффективной работы Организации⁹.

В основе подходов Республики Беларусь к институциональной реформе ООН, включающей также и реформу Генеральной Ассамблеи, лежат три базовых принципа. Глава республиканского внешнеполитического ведомства В. Макей, выступая на 72-ой сессии Генеральной Ассамблеи, отмечал: «Во-первых, реформа должна быть про-

⁸ Выступление Министра иностранных дел Беларуси В. Макея в общей дискуссии на 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 2019. URL : <http://mfa.gov.by/press/statements/f13cbe96fb645ac8.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁹ Выступление Министра иностранных дел Республики Беларусь В. В. Макея на 72-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 2017. URL : http://mfa.gov.by/upload/Statement_UN_GA.pdf (дата обращения: 22.04.2020).

зрачной, логичной и ориентированной на результаты. Во-вторых, реформа не должна привести к бюрократизации и увеличению нагрузки на государства – члены. В-третьих, реформа должна быть инклюзивной – голос каждого государства-члена должен быть услышан»¹⁰.

В течение последних лет Беларусь также фокусируется на вопросах внутреннего микроклимата Организации и ее структур. По оценке В. Макея, «в ООН не видно общего стремления со стороны всех государств найти решение вопроса. Многие государства застревают только лишь на каких-то взаимных обвинениях в адрес друг друга»¹¹.

В этой связи белорусская сторона призывает членов ООН вернуться к конструктивному диалогу и стремиться к всеобщему согласию и консенсусу (в том числе в рамках дискуссий о реформе), чтобы Организация «оставалась реальной площадкой, где государства совместно с международными чиновниками могут найти решение глобальным проблемам»¹². По убеждению белорусской дипломатии, такой диалог должен оставаться приоритетным форматом работы Генассамблеи.

Важным аспектом процесса модернизации Генеральной Ассамблеи является его правовое сопровождение. Выступая против ревизии положений Устава, фиксирующих фундаментальные принципы работы ООН и, в частности, Генассамблеи¹³, Беларусь считает, что вопрос о взаимодействии последней с Советом Безопасности недостаточно урегулирован. В этой связи Специальный комитет по Уставу ООН и усилению роли Организации рассматривается Минском в качестве основного форума для обсуждения и решения вопросов, связанных с

¹⁰ Там же.

¹¹ Беларусь: ООН – по-прежнему «ядро» международной жизни, интервью В. Макея // Новости ООН. 2018. URL : <https://news.un.org/ru/story/2018/10/1339832> (дата обращения: 29.03.2020).

¹² Выступление представителя делегации Республики Беларусь А. Ржеусского по п.125 «Укрепление ООН», п.126 «Реформа ООН: меры и предложения» на 73-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Портал «United Nations PaperSmart». 2018. URL : <https://papersmart.unmeetings.org/media2/19409584/belarus.pdf> (дата обращения: 26.04.2020).

¹³ Выступление заместителя Министра иностранных дел Республики Беларусь А. Н. Сычёва на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН по пунктам повестки дня «Активизация работы Генеральной Ассамблеи ООН» и «Укрепление системы ООН» // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 2004. URL : <http://mfa.gov.by/press/statements/e023254741b065c3.html> (дата обращения: 29.03.2020).

правовыми аспектами реформирования и повышения эффективности деятельности Генеральной Ассамблеи¹⁴.

Кроме того, Беларусь, поддерживая принцип многосторонности в международных отношениях, всерьез обеспокоена неблагоприятными тенденциями, наметившимися в системе финансирования ООН. Республика отмечает возможные негативные последствия в части беспристрастности при реализации финансирования отдельных направлений работы Организации и Генассамблеи, в частности, исключительно за счет внебюджетных средств. Как отмечал В. Рыбаков, выражая позицию белорусской стороны по данному вопросу, «финансирование ООН должно осуществляться из регулярного бюджета ООН за счет взносов государств – членов ООН, а не зависеть от спонсорской помощи»¹⁵.

В поисках решения вопроса о реформе Генеральной Ассамблеи ООН Республика Беларусь прежде всего исходит из необходимости активизации работы этой структуры¹⁶ посредством урегулирования проблемы перегруженности повестки дня [5], а также сбалансированного распределения основных пунктов между главными комитетами ГА¹⁷. В этой связи Республика Беларусь активно продвигает идею двухгодичного (а при необходимости трехгодичного¹⁸) цикла рассмотрения повестки дня Генассамблеей. По мнению В. Рыбакова, «такой шаг не пошлет никакого негативного сигнала о том, что какие-то вопросы важнее и приоритетнее других, но при этом кардинально

¹⁴ Выступление заместителя начальника главного договорно-правового управления МИД Беларуси Людмилы Татаринович в рамках обсуждения Доклада Специального комитета по Уставу ООН и усилению роли Организации // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 2013. URL : <http://www.mfa.gov.by/press/statements/ba6821a80eb36a98.html> (дата обращения: 19.04.2020).

¹⁵ Выступление Валентина Рыбакова, Постоянного представителя Республики Беларусь при ООН по п.121 «Активизация работы Генеральной Ассамблеи» на 73-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Портал «United Nations PaperSmart». 2018. URL : <https://papersmart.unmeetings.org/media2/20305683/belarus.pdf> (дата обращения: 26.04.2020).

¹⁶ Беларусь и реформа ООН // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL : <http://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/un/db41d8fbd2106c7f.html> (дата обращения: 29.03.2020).

¹⁷ Выступление заместителя начальника главного управления многосторонней дипломатии – начальника управления экономического сотрудничества и устойчивого развития МИД Беларуси Юрия Ярошевича на пленарном заседании 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященном активизации работы этого органа // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 2012. URL : <http://mfa.gov.by/press/statements/e24157df613721db.html> (дата обращения: 19.04.2020).

¹⁸ См. 15.

поменяет формат нашей [Генеральной Ассамблеи] работы и даст делегациям больше возможностей работать над всеми пунктами повестки дня, что, в конечном итоге, приведет к повышению качества принимаемых документов»¹⁹.

Белорусская сторона критикует практически полное дублирование пунктов повесток оперативного сегмента Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) и Второго комитета ГА, а также гуманитарного сегмента ЭКОСОС и Третьего комитета ГА^{20, 21}. Отметим, что она до определенного времени придерживалась другой позиции и воздерживалась от критики по этому вопросу²².

Дублирование приводит к копированию положений принятых резолюций в новых по аналогичной теме. Как обоснованно заявил В. Рыбаков, «встает совершенно резонный вопрос: зачем?» В этой связи белорусская дипломатия приветствовала усилия Специальной рабочей группы по активизации Генеральной Ассамблеи на 73-ей сессии, предпринявшей значительные меры по разгрузке повестки дня, и намерена поддерживать усилия в данном направлении²³.

В рамках оптимизации рассмотрения пунктов повестки дня ГА Беларусь призывает к более рациональной дискуссии по пунктам «Общие прения» и «Доклад Генерального секретаря ООН о работе Организации». Белорусская дипломатия апеллирует к тому, что доклад Генерального секретаря презентуется в рамках общих прений, посвященных ежегодно определяемой председателем ГА проблеме, и не соотносится с обозначенной темой. В противовес устоявшейся традиции, предложение Беларуси заключается в необходимости

¹⁹ Официальный отчет 29-ого пленарного заседания 74-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выступление г-на Рыбакова // Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций. 2019. URL : <https://digitallibrary.un.org/record/3841580?ln=ru> (дата обращения: 26.04.2020).

²⁰ Официальный отчет 14-ого пленарного заседания 74-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выступление г-на Дапкюнаса // Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций. 2019. URL : <https://digitallibrary.un.org/record/3838078?ln=ru> (дата обращения: 26.04.2020).

²¹ См. 19.

²² Выступление заместителя Постоянного представителя Республики Беларусь при ООН Сергея Рачкова по пункту 42 повестки дня «Доклад Экономического и Социального Совета на 61-ой сессии Генеральной Ассамблеи // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 2006. URL : http://un.mfa.gov.by/docs/plenary_03.11.2006.pdf (дата обращения: 21.04.2020).

²³ См. 19.

представления доклада Генерального секретаря о работе Организации в рамках соответствующего пункта повестки дня, в то время как его выступление во время общих прений должно строго коррелировать с определяемой Ассамблеей проблематикой²⁴.

Беларусь отмечает необходимость расширения практики проведения тематических дебатов ГА по ключевым проблемам современности. При этом подчеркивается, что тематические дебаты не должны проходить бесследно, а, напротив, очерчивать круг конкретных ориентиров и приоритетов для ООН в урегулировании обсуждаемой проблемы²⁵. В качестве практически имплементируемой инициативы Беларусь приветствует проведение ежегодных тематических прений по вопросу о средствах разрешения споров и широкое привлечение экспертного звена к их работе²⁶.

Подобное мероприятие уже реализуется на площадках Специального комитета по Уставу ООН и усилению роли Организации, а регулярный характер практики его проведения в ГА сможет облегчить приход к консенсусу по вопросам корректировки Устава²⁷. При этом подчеркивается, что мероприятия такого характера, как и все без исключения заседания высокого уровня в период работы Генеральной Ассамблеи, должны обладать сбалансированным графиком и планироваться, обеспечивая полноценное участие делегаций. В этой связи в 2018 году Республика инициировала необходимость строгой регламентации процедуры организации и проведения такого рода мероприятий в соответствии с требованиями ГА путем принятия резолюции о модальностях и формате проведения заседаний высокого

²⁴ Выступление Постоянного представителя Республики Беларусь при ООН Валентина Рыбакова, п.110 «Доклад Генерального секретаря ООН о работе Организации», 72-ая сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 2017. URL : http://mfa.gov.by/upload/Rybakov_report%20of%20the%20SG_2017.pdf (дата обращения: 22.04.2020).

²⁵ Strengthened and reformed UN. In: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus. URL : <http://mfa.gov.by/en/organizations/un/> (accessed 2020 April 26).

²⁶ Краткий отчет о 12-ом заседании Второго комитета 72-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выступление г-жи Багдасаровой // Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций. 2017. URL : <https://digitallibrary.un.org/record/1474551?ln=ru> (дата обращения: 27.04.2020).

²⁷ Краткий отчет о 18-ом заседании шестого комитета 74-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выступление г-на Варанкова // Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций. 2019. URL : <https://digitallibrary.un.org/record/3856556?ln=ru> (дата обращения: 18.08.2020).

уровня²⁸. К сожалению, данная инициатива остается не реализованной до сих пор.

В качестве важного условия работы Генеральной Ассамблеи дипломатия Республики рассматривает возможность правомерного вмешательства ГА в работу Совета Безопасности в случаях, когда последний оказывается неспособным принять решение в период кризиса²⁹. В подобной ситуации, по мнению белорусской стороны, именно Генассамблея должна взять на себя решающую роль при условии строгой регламентации последней.

Беларусь желает видеть последовательное развитие сотрудничества и установление более тесных контактов Генеральной Ассамблеи и гражданского общества, подчеркивая при этом необходимость сохранения значения ООН как форума межправительственного общения. Белорусская сторона также поощряет укрепление парламентского измерения деятельности ООН путем расширения участия парламентариев в работе данной структуры³⁰. Кроме развития сотрудничества в парламентском измерении, Беларусь настаивает на необходимости создания широкого экспертного диалога с участием представителей ведущих аналитических центров и экспертов правительственных структур. По утверждению А. Дапкюнаса, «Беларусь заинтересована в таком диалоге и намеревается всеми доступными средствами ему содействовать и его поддерживать»³¹.

Белорусская дипломатия считает необходимым продолжение работы в направлении укрепления роли Генеральной Ассамблеи как главного представительного и совещательного органа ООН в процессе реформирования³². В связи с этим Беларусь поддерживает стремление государств к усилению позиций Генассамблеи при избрании Генерального секретаря Организации^{33, 34}.

²⁸ См. 15.

²⁹ См. 25.

³⁰ См. 13.

³¹ О встрече заместителя Министра иностранных дел Беларуси А. Дапкюнаса с заместителем Генерального секретаря ООН по политическим вопросам // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 2018. URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/fde7ef59fac90ffe.html (дата обращения: 22.04.2020).

³² См. 16.

³³ См. 17.

³⁴ Выступление Министра иностранных дел Республики Беларусь С. Н. Мартынова на общей дискуссии // 66-я сессия Генеральной Ассамблеи. 2011. URL : <https://www.un.org/ru/ga/66/docs/belarus.pdf> (дата обращения: 19.04.2020).

В рамках данной проблемы Республика настаивает на обязательности соблюдения заложенного в Уставе принципа тайного голосования в качестве «не столько инструмента выбора, сколько средства сдерживания от внесения на рассмотрение Ассамблеи заведомо спорных предложений, которые не учитывают преобладающие в среде государств-членов настроения»³⁵.

При подготовке к избранию Генерального секретаря официальный Минск исходит из необходимости повышения эффективности встреч, проводимых Генеральной Ассамблеей с кандидатами. В этой связи белорусская дипломатия выступила с несколькими конкретными предложениями. Во-первых, в рамках таких встреч необходимо отдавать предпочтение вопросам, инициируемым группами государств. Во-вторых, целесообразно предоставление возможности ответа кандидатов на один и тот же вопрос³⁶.

Беларусь выступает за развитие практики проведения ознакомительных встреч по инициативе региональных групп, межгосударственных и неформальных объединений. При этом делается особый акцент на необходимость как можно большего вовлечения в такие мероприятия представителей Совета Безопасности как с целью ознакомления с кандидатами, так и для понимания настроений в Генеральной Ассамблее³⁷. В этой связи подчеркивается важность усиления роли Председателя ГА, его заместителей и Канцелярии посредством наделения их большими возможностями по оптимизации выборного процесса и вовлечения, таким образом, в реформирование Ассамблеи. В этом контексте белорусская сторона выступает за выделение большей технической и финансовой помощи Председателю, в частности, во время официальных визитов, а также подчеркивает важность обеспечения лучшей «институциональной памяти» о его деятельности³⁸, что стало бы одним из звеньев механизма фиксирования Секретариатом ООН наиболее конструктивных точек зрения по вопросу активизации Генассамблеи, инициированного Беларусью

³⁵ Выступление Постоянного представителя Республики Беларусь при ООН А. Дапкюнаса на заседании рабочей группы по активизации работы Генеральной Ассамблеи ООН // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 2016. URL : <http://mfa.gov.by/press/statements/ea8b77a06ba9d89.html> (дата обращения: 19.04.2020).

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ См. 25.

еще в 2008 году³⁹. При этом намерения по усилению роли ГА и ее Председателя в избрании Генсека не должны идти в разрез с заложенными в Устав ООН полномочиями Совета Безопасности⁴⁰.

Беларусь поощряет оптимизацию выборов в другие центральные структуры ООН (к примеру, в Совет по правам человека, Экономический и Социальный Совет) с целью экономии времени, а также повышения эффективности и прозрачности системы подсчета голосов⁴¹. В данном контексте Республика Беларусь также делает акцент на достижении реального гендерного баланса как в рамках Генассамблеи, так и в других структурах и надеется, что будущая реформа сможет сыграть решающую роль в данном вопросе⁴².

Обсуждение полученных результатов. В историографии отсутствуют исследования о подходах Республики Беларусь к реформированию ГА ООН. С целью восполнить этот пробел и на основе документального материала, впервые введенного в научный оборот, выявлены ключевые инициативы и предложения белорусской стороны в векторе реформирования Генассамблеи, что позволило оценить позицию белорусской дипломатии по данному вопросу как центристскую. В перспективе, проведение сравнительного анализа позиции Беларуси и других государств будет способствовать выявлению потенциала двустороннего и многостороннего сотрудничества, позволит наладить действительно плодотворный диалог по вопросам реформирования Организации Объединенных Наций.

Выводы. Беларусь выступает за активизацию деятельности Генеральной Ассамблеи, в частности, посредством сокращения повестки дня и логичного рассмотрения ее пунктов с возможностью переноса процесса на двух- или трехлетнюю основу. Дипломатия республики призывает к устранению межинституционального дублирования

³⁹ Официальный отчет 56-ого пленарного заседания 63-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выступление г-на Ярошевича // Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций. 2008. URL : <https://digitallibrary.un.org/record/641963?ln=ru> (дата обращения: 26.04.2020).

⁴⁰ См. 34.

⁴¹ См. 25.

⁴² Выступление заместителя министра иностранных дел Республики Беларусь С. Ф. Алейника в общеполитической дискуссии на 65-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // 65-ая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 2010. URL : <https://www.un.org/ru/ga/65/meetings/pdf/belarus65.pdf> (дата обращения: 29.03.2020).

как в самой повестке, так и в резолюциях, принимаемых в соответствии с ней. Особое значение для белорусской стороны имеет расширение взаимодействия ГА с негосударственными объединениями, в частности, путем проведения открытых мероприятий; в рамках взаимодействия по линии СБ – ГА инициируется возможность правомерного вмешательства последней в случае неэффективности Совбеза. Минск подчеркивает необходимость активизации работы в направлении формализации взаимоотношений ГА и СБ, а также отдельных вопросов финансирования деятельности Организации. Белорусская сторона придает особую важность поддержанию международного диалога в качестве приоритетного формата кооперации как в рамках Генеральной Ассамблеи ООН, так и в других институтах Организации. При проведении выборов Генсека дипломатия республики считает задачей первостепенной важности строгое соблюдение процедуры, зафиксированной в Уставе, призывая, вместе с тем, к установлению действенного формата взаимодействия Генассамблеи, Совбеза и кандидатов на этот пост в целях наибольшей результативности выборного процесса. Реализация совокупности таких мер позволит актуализировать работу главного совещательного, директивного и представительного органа ООН.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в отношении институциональной реформы Генеральной Ассамблеи Беларусь занимает «центристскую» позицию: предложения и инициативы Минска направлены главным образом на адаптацию и актуализацию работы этой структуры, не меняя ее основной роли и функций в системе ООН. Беларусь не стремится к реформам только ради реформ. Суть подходов Республики к модернизации Организации и входящих в нее структур метко передает фраза видного белорусского дипломата Виктора Гайсёнка: «Реформа осуществляется для того, чтобы каждый житель планеты почувствовал на себе защиту международного сообщества, поверив в свое лучшее будущее»⁴³. В этой связи как никогда важно осознавать, что ООН и ее структурные подразделения – это не творения политических элит или государств; это творения, прежде

⁴³ Выступление Заместителя Министра иностранных дел Республики Беларусь Виктора Гайсёнка на 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. 2006. URL : <http://mfa.gov.by/press/statements/c8a2c9da4862c336.html> (дата обращения: 19.04.2020).

всего, людей. «Все будет хорошо – знаете, когда? Когда люди, просто люди, перестают думать об Организации Объединенных Наций как о странной абстракции Пикассо и увидят ее как рисунок, который они сами нарисовали» (Даг Хаммаршельд, Генеральный секретарь ООН в 1953–1961 гг., лауреат Нобелевской премии мира).

Библиографические ссылки

1. *Заемский В. Ф.* Реформы ООН и миротворчество : дис. ... доктора полит. наук : 23.00.04. Москва. 2009. 352 л.
2. *Юрченко М. М.* Политика США в отношении реформирования ООН: 2001–2008 гг. : дис. ... кандидата истор. наук : 07.00.03. Тюмень. 2010. 227 л.
3. *Голованов Е. В.* Проблема соотношения универсальной и региональных систем безопасности и реформа Совета Безопасности ООН : дис. ... кандидата полит. наук : 23.00.04. Санкт-Петербург. 2013. 228 л.
4. *Паламаренко Р. Ю.* ООН в XXI веке: проблемы реформирования : дис. ... кандидата полит. наук : 23.00.04. Москва. 2018. 170 л.
5. *Сычев А. Н.* Республика Беларусь и ООН //Дипломатический ежегодник-2005. Сборник статей ; под ред. Ю. Е. Фокина и др. Москва : Научная книга. 2006. С. 244–268.
6. *Тихомиров А. В.* Внешняя политика Республики Беларусь (1991–2015 гг.). Минск : БГУ. 2017. 208 с.
7. *Тихомиров А. В.* Взаимодействие Республики Беларусь и ООН (1991–2015 гг.) // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития редкол.; А. М. Байчоров (гл. ред.) [и др.]. 2015. Вып. 3. С. 261–276.
8. Внешняя политика Республики Беларусь в 2000-е годы / Ю. И. Малевич [и др.] ; под ред. А. В. Шарапо. Минск : БГУ. 2010. 84 с.

Дата поступления статьи: 20.11.2020.

Авторы: Лузан Даниил Вячеславович – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, участник конкурсов и проектов по проблематике ООН; e-mail: fmo.luzanDV@bsu.by;
Свилас Светлана Францевна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: svilas@tut.by.

**THE APPROACHES OF THE REPUBLIC OF BELARUS
TO THE INSTITUTIONAL REFORM OF
THE UNITED NATIONS GENERAL ASSEMBLY IN 2005-2020**

LUZAN D.V., SVILAS S.F.

Belarusian State University,

Minsk, Republic of Belarus

Abstract: For more than 20 years, the world community has been actively seeking a solution to the problem of reforming the United Nations, but no consensus has been reached. In this regard, a detailed analysis of the positions of states is a significant step towards reaching agreement, allowing us to find common ground in reform projects.

Based on the analysis of the speeches of Belarusian diplomats from the UN rostrum and through an interdisciplinary methodology, the article defines the goals, principles, directions of participation of Belarusian diplomacy in the UN modernization process, contains a characteristic and a comprehensive assessment of the approaches of the Republic of Belarus to the institutional reform of the General Assembly. Three peaks of the republic's foreign policy activity in this area are highlighted, their content is revealed. Special attention is paid to such areas as the effectiveness of discussions, legal support for modernization, the system of financing, the UNGA agenda. The importance of expanding the practice of conducting thematic debates on the key issues, increasing the efficiency of interaction between the General Assembly and the Security Council, and developing cooperation with civil society was emphasized.

Belarusian diplomacy proceeds from the need to strengthen the role of the UNGA as the main representative and deliberative body of the UN, to strengthen the position of the Assembly, its Chairman and the Chancellery in the election of the Secretary General, but without prejudice to the powers of the Security Council. The conclusion is substantiated that Belarus takes a “centrist” position regarding the institutional reform of the General Assembly. The proposals of the Belarusian diplomacy are mainly aimed at adjusting the work of this body without changing its place and role in the system of the Organization.

The study aims to fill the gap in the scientific and journalistic literature in the study of the problems of reforming the General Assembly from the standpoint of the Republic of Belarus.

Key words: foreign policy and diplomacy of the Republic of Belarus; globalization; international cooperation; multilateral diplomacy; UN reform; UN General Assembly; anthropology of international relations.

For citation: Luzan D., Svilas S. (2020) The Approaches of the Republic of Belarus to the institutional reform of the United Nations General Assembly in 2005–2020. In: *Actual problems of international relations and global development : collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 8, p. 58–74. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-58-74>

References

1. Zaemskiy, V. (2009). Reformy OON i mirotvorchestvo [The UN reform and peacekeeping] : the Dissertation of the Doctor of Sciences in Politics. Moscow, 352 p. (In Russ.)
2. Yurchenko, M. (2010). Politika SShA v otnoshenii reformirovaniya OON: 2001–2008 gg. [US Policy on UN Reform: 2001–2008] : the Dissertation of PhD in History. Tyumen, 227 p. (In Russ.)
3. Golovanov, E. (2013). Problema sootnosheniya universal'noj i regional'nyh sistem bezopasnosti i reforma Soveta Bezopasnosti OON [The problem of the relationship between the universal and regional security systems and the reform of the UN Security Council] : the Dissertation of PhD in Politics. St. Petersburg, 228 p. (In Russ.)
4. Palamarenko, R. (2018). OON v XXI veke: problemy reformirovaniya [The UN in the XXI century: problems of reform]: the Dissertation of PhD in Politics. Moscow, 170 p. (In Russ.)
5. Sychoy, A. (2006). Respublika Belarus' i OON [The Republic of Belarus and the UN]. In: *Diplomatic Yearbook-2005. Collection of papers*. Moscow, p. 244–268. (In Russ.)
6. Tihomirov, A. (2017). Vneshnjaja politika Respubliki Belarus' (1991–2015 gg.) [Foreign policy of the Republic of Belarus (1991–2015)]. Minsk, 208 p. (In Russ.)
7. Tihomirov, A. (2015). Vzaimodejstvie Respubliki Belarus' i OON (1991–2015 gg.) [Interaction between the Republic of Belarus and the UN] In: *Actual problems of international relations and global development : collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 3, p. 261–276. (In Russ.)

Received: 20.11.2020.

About authors: Daniil V. Luzan – student of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, participant of competitions and projects on UN issues; e-mail: fmo.luzanDV@bsu.by;

Svetlana F. Svilas – Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of International Relations of the Belarusian State University; e-mail: svilas@tut.by.

УЧАСТИЕ АВСТРАЛИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: МЯГКАЯ СИЛА

Ю. И. МАЛЕВИЧ, К. И. ЯРМОШУК

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В данном исследовании рассмотрены особенности участия Австралии в противодействии терроризму в Юго-Восточной Азии (ЮВА) с точки зрения мягкой силы. Мягкая сила в данном исследовании понимается как любые невоенные методы воздействия. Автор аргументирует важность ЮВА для Австралии, оценивает внешнюю и внутреннюю террористическую угрозу для региона и дает характеристику трем инструментам мягкой силы, применяемых Австралией в противодействии угрозе терроризма в субрегионе. Новизна данной работы заключается в том, что данная работа является первым комплексным исследованием особенностей участия Австралии в противодействии терроризму в ЮВА в отечественной историографии, а также результатом междисциплинарного анализа факторов, выделяемых как русскоязычными, так и западными исследователями, преимущественно австралийскими. В результате исследования авторы приходят к выводу, что в целях противодействия террористической угрозе в Юго-Восточной Азии Австралия прибегает к мягкой силе, то есть невоенным методам воздействия, которые представлены следующими инструментами: 1. сотрудничество в рамках АСЕАН, 2. действия против финансирования терроризма, 3. двустороннее и многостороннее сотрудничество Австралии с отдельными странами ЮВА. Результаты работы могут быть использованы для дальнейшей разработки данной темы и в более комплексных исследованиях в сфере международной безопасности.

Ключевые слова: ЮВА; мягкая сила; внутренняя и внешняя угроза; АСЕАН; финансирование терроризма; террористические организации.

Образец цитирования: *Малевиц Ю. И., Ярмошук К. И. Участие Австралии в противодействии терроризму в Юго-Восточной Азии: мягкая сила// Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2020. Вып. 8. С. 75–87. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-75-87>*

Введение. Согласно концепции реализма, центральной категорией в международных отношениях является категория национально-

го интереса. Национальный интерес в свою очередь заключается в обеспечении безопасности. Исламское государство – это новый вызов мировому сообществу, новая угроза безопасности, в том числе и в АТР, т.к. ИГ расширяет свое присутствие в регионах мира, включая Северную Африку и ЮВА. Примечательно, что Австралия имеет большие интересы в области безопасности и экономики в ЮВА. Любая обычная военная и нетрадиционные угрозы, включая терроризм, будут проходить через архипелаг к северу Австралии. В этой связи важно рассмотреть австралийские инструменты противодействия террористической угрозе в ЮВА. В результате исследования автор приходит к выводу, что для этих целей Австралия использует мягкую силу. Новизна работы заключается в том, что данное исследование является первым комплексным исследованием в отечественной историографии роли Австралии в противодействии терроризму в ЮВА с характеристикой конкретных инструментов мягкой силы.

Методология исследования. *Объект исследования* – региональные политические отношения в сфере безопасности. *Предмет исследования* – роль Австралии в противодействии терроризму в ЮВА. *Целью* работы является определение и характеристика роли Австралии в противодействии угрозе терроризма в ЮВА. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Охарактеризовать современное положение вещей в отношении террористической угрозы в ЮВА.

2. Выявить основные инструменты мягкой силы, применяемые Австралией, и охарактеризовать их.

Для решения этих задач применялись ряд общеполитических (диалектический метод, принцип всесторонности, принцип детерминизма), общенаучных (анализ, синтез) и частнонаучных (историко-генетический, компаративный, историко-ретроспективный) методов.

Историография исследования. Историографию можно разделить на зарубежную и русскоязычную. Принимая во внимание тему исследования, зарубежные ученые в основном являются исследователями из Австралии, их отличительная черта – это глубокая проработанность тематики в преломлении Австралии, подробность и высокая степень детализации описания, наличие актуальных статистических данных. Русскоязычные авторы делают акцент на распространении терроризма в субрегионе и на особенностях участия Австралии в АСЕАН.

Результаты исследования. Современное положение вещей в ЮВА характеризуется наличием внешней и внутренней террористической угрозы. Внешняя представлена ИГИЛ и Аль-Каидой, а внутренняя – региональными террористическими организациями (Джемаа Исламия, Джамаа Аншарут Даула, Группа Абу Сайяф), этническими конфликтами (следует отнести прежде всего Индонезию, Филиппины и Таиланд) и проблемой пиратства как составляющей терроризма (транспортировка боевиков и закупки оружия)¹.

На протяжении большей части последних 18 лет Австралия придерживается подхода мягкой силы, которая представлена следующими инструментами: 1. сотрудничество в рамках АСЕАН, 2. действия против финансирования терроризма и 3. двусторонним и многосторонним сотрудничеством Австралии с отдельными странами ЮВА [1].

1. Сотрудничество в рамках АСЕАН.

Для стран Юго-Восточной Азии основным инструментом борьбы с международным терроризмом являются механизмы АСЕАН, такие как Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), где вопросы, связанные с терроризмом, стали приоритетными после трагических событий 11 сентября 2001 г. Попытки решения данной проблемы распространились и на подписание целого ряда документов, в том числе «Декларации по финансовым мерам противодействия терроризму» 2002 г., «Заявления о контртеррористическом сотрудничестве в области безопасности границ» 2003 г [2].

Австралия – это первый международный актор, с которым АСЕАН установила отношения диалогового партнерства. Канберра поддержала нацеленность Ассоциации на формирование общерегиональной структуры по обсуждению вопросов азиатско-тихоокеанской безопасности. Создание усилиями АСЕАН Регионального форума АСЕАН (АРФ) и Азиатско-тихоокеанского совета по безопасности (АТССБ) происходило при содействии Австралии.

В середине 2000-х гг. сотрудничество между АСЕАН и Австралией активизировалось. Предвидя усиление Китая в ЮВА, Ассоциация диверсифицировала отношения с внешними партнерами. На фоне бума заключения азиатско-тихоокеанскими экономиками двусторон-

¹ 2017 Foreign Policy White Paper [Electronic resource] // Australian Government. 2017. URL: – <https://www.fpwhitepaper.gov.au/foreign-policy-white-paper>. (accessed: 28.02.2020).

них и многосторонних соглашений о свободной торговле, АСЕАН решила разработать их потенциал в отношениях с Австралией. Одновременно стороны расширили сотрудничество в противодействии нетрадиционным угрозам безопасности. Австралия предоставила помощь странам ЮВА, пострадавшим от землетрясения и цунами в декабре 2004 г. Активизировались совместные мероприятия по борьбе с международным терроризмом. Кульминацией асеановско-австралийского сотрудничества можно обоснованно считать середину 2000-х – вторую половину 2010-х гг. В 2005 г. Австралия подписала Договор АСЕАН о дружбе и сотрудничестве и вошла в число стран – участниц Восточноазиатского саммита (ВАС), а 2010 г. – Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8. В 2014 г. АСЕАН и Австралия заключили соглашение о стратегическом партнерстве, а год спустя приняли решение проводить саммиты на уровне глав государств и правительств каждые два года [3]. В 2018 году 33-й саммит АСЕАН проходил в Австралии, который включал в себя Конференцию по борьбе с терроризмом. Конференция была основана на Совместной декларации АСЕАН-Австралия 2016 года о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом и направлена на «укрепление региональных связей и сотрудничества в борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом», а также на субрегиональном совещании по борьбе с иностранными террористами и трансграничным терроризмом (The Sub-Regional Meeting on Foreign Terrorist Fighters and Cross Border Terrorism). Основное внимание на саммитах было уделено значению АСЕАН как силы для «стабильности», «процветания» и «безопасности» в регионе, а также необходимости выработки скоординированных мер реагирования на угрозы, которые возвращающиеся иностранные боевики-террористы представляют для региона [4]. Внимание на саммите было также приковано к социальным сетям и зашифрованным сообщениям. По всей Юго-Восточной Азии свобода в киберпространстве находится в упадке, поскольку правительства вводят меры по ограничению доступа к Интернету и свободы слова. Часто утверждается, что такие меры направлены на повышение безопасности. Требование правительств, таких как Великобритания и Австралия, Франция и Германия, иметь возможность доступа к зашифрованным сообщениям, а также необходимость «регулировать» Интернет посредством предотвращения распространения радикаль-

ных материалов, являются основными темами в эволюции антитеррористической политики [5].

Согласно Меморандуму о взаимопонимании, принятому по итогам саммита, Австралия будет оказывать техническую поддержку своим партнерам по АСЕАН в области борьбы с терроризмом и пресечения финансирования терроризма. Австралия также будет содействовать региональному диалогу по законодательству о борьбе с терроризмом, а также по инициативам по созданию потенциала для выявления и пресечения террористической деятельности [5].

Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ) на сегодняшний день остается, пожалуй, единственной организацией в АТР, непосредственно занимающейся широким спектром проблем безопасности в регионе. АРФ осуществляется по *двум направлениям*. *Первое* направление связано с взаимодействием по правительственной линии и мероприятиями на официальном уровне. *Второе* направление обеспечивает сотрудничество и обмен мнениями на уровне экспертов стран – членов АРФ [6].

Австралия уделяет первостепенное внимание расширению своего участия в Совещании министров обороны стран АСЕАН (СМО АСЕАН). Совещание фокусируется на практических мерах, направленных на улучшение понимания и содействие практическому сотрудничеству в решении проблем безопасности, включая борьбу с терроризмом, безопасность на море, гуманитарную помощь и поддержание мира. Австралия помогает наращивать коллективный потенциал региона в борьбе с терроризмом в рабочей группе экспертов по борьбе с терроризмом СМО АСЕАН [7].

Также примечательна поддержка Австралией создания Рабочей группы по финансированию борьбы с терроризмом в Юго-Восточной Азии, целью которой является борьба и блокирование финансирования терроризма. Председателями рабочей группы являются *Австралия* и *Филиппины*. Группа вышла из Азиатско-тихоокеанского саммита по борьбе с терроризмом, который состоялся в Сиднее в 2015 г., а год спустя – на совещании в Бали. В 2017 г. AUSTRAC (Австралийский центр отчетов и анализа транзакций), банк Negara Malaysia и индонезийский Pusat Pelaporan dan Analisis Transaksi Keuangan выступили спонсорами 3-го Саммита по борьбе с финансированием терроризма (Counter-Terrorism Financing Summit), который состоялся в

Куала-Лумпуре. Четвертый саммит состоялся в Бангкоке в ноябре 2018 г. [4].

2. Действия Австралии против финансирования терроризма.

В последние годы террористами в регионе стал использоваться такой канал мобилизации финансов как сбор средств через социальные сети и привлечение денежных ресурсов частных лиц из числа Интернет сообщества. Незадолго до теракта в Джакарте в январе 2016 г. гражданин Австралии, сочувствующий джихадистам, переслал исламистским группировкам в Индонезии 500 тыс. долл. [8]. Реагируя на призывы террористов, люди, симпатизирующие им, переводят на их счета средства онлайн, которые затем собираются и переправляются по официальным каналам через банки или электронные переводы. Подобного рода риски финансирования террористов оцениваются по высшей шкале для Индонезии и Малайзии. Имеются доказательства того, что индонезийские джихадисты получили от террористического подполья в Австралии 375 тыс. долл. США [8]. Самым последним арестом в области финансирования в Австралии был арест федерального государственного служащего Линды Мери в январе 2018 г. Ведется расследование и предполагается, что Мери передала более 30 000 долларов США Исламскому государству. Арест Л. Мери произошел в результате операции “Operation Peqin”, которая ранее привела к аресту 16-летней школьницы из Сиднея в 2016 г. по обвинению в финансировании: \$ 17 850 было переведено австралийскому бойцу ИГ посредством нескольких переводов через Western Union в период с 2015 по 2016 год [9]. На фоне того, что проблема финансирования террористов в Австралии является очень актуальной, Австралия предпринимает активные действия для борьбы с финансированием терроризма.

Правительство Австралии предоставляет большое финансирование для этой цели, уделяя основное внимание Юго-Восточной Азии после падения ИГ на Ближнем Востоке. В сентябре 2017 г. было выделено 4,6 млн. долл. США на три года для инициативы под руководством AUSTRAC (Австралийский центр отчетов и анализа транзакций) по блокированию финансирования для групп, ориентированных на ИГ в регионе. В декабре 2017 г. было объявлено о выделении более 5,5 млн. долл. США для создания новой международной программы финансовой разведки и регулирования. Это финансирование предназначено для расширения международного присутствия

AUSTRAC за пределами его нынешнего нахождения в Индонезии и на Филиппинах путем размещения сотрудников AUSTRAC в Малайзии, Сингапуре, Китае, на Ближнем Востоке, в Лондоне и Вашингтоне [9]. В 2015 г. австралийское подразделение финансовой разведки AUSTRAC и его индонезийский коллега PPATK (Индонезийский центр отчетов и анализа транзакций) основали Азиатско-тихоокеанский саммит по борьбе с терроризмом (The Asia-Pacific Counter-Terrorism Financing Summit), который проводится каждый год. Рабочие группы, созданные в рамках саммита, проделали важную работу, прежде всего дали первую в мире региональную оценку риска в отношении финансирования терроризма. Эта оценка была важна, потому что она предоставила основанные на фактических данных оценки того, где наибольший риск финансирования терроризма лежит в каждой стране-участнице. Он также подчеркнул тот факт, что риски финансирования терроризма не одинаковы во всех странах; скорее они варьируются от страны к стране в зависимости от ряда факторов, таких как география и характер экономической и финансовой системы страны [9].

Также Австралия признает, что требуется более широкий обмен информацией и сотрудничество между правительством и частным сектором. В развитых западных странах, таких как Австралия, большая часть финансирования терроризма осуществляется с использованием услуг или платформ, предоставляемых частным сектором, особенно сектором банковских и финансовых услуг. Тем не менее, частный сектор нуждается в информации от правительства об актуальных тенденциях в терроризме, чтобы знать, что искать². Опять же, AUSTRAC лидирует в укреплении государственно-частного партнерства через свою инициативу Fintel Alliance. Хотя это партнерство имеет широкую направленность на борьбу с финансовыми преступлениями, оно должно способствовать развитию более тесных отношений и сотрудничества между государственными органами и компаниями частного сектора. Fintel Alliance также предоставляет механизм для более быстрого расследования разворачивающихся террористических заговоров и атак. Например, эта инициатива использовалась для быстрого расследования в конечном счете неудачного заго-

² Cyber security strategy 2016 [Electronic resource] // Australian Department of Home Affairs. 2016. URL: <https://www.pmc.gov.au/sites/default/files/publications/australias-cyber-security-strategy.pdf>. (accessed: 20.04.2020).

вора ИГ по размещению взрывчатки на авиалайнере в аэропорту Сиднея [9]. Однако властям Австралии необходимо быть бдительными в отношении более широкого использования нетрадиционных или новых методов, таких как криптовалюты и социальные сети. О изменяющихся тенденциях необходимо будет сообщать частным компаниям, а правительству необходимо развивать более тесное сотрудничество с нетрадиционными партнерами, такими как биржи цифровых валют и владельцы социальных сетей [9].

3. Двустороннее и многостороннее сотрудничество Австралии с отдельными странами ЮВА.

После взрывов на Бали в 2002 г. Австралия и Индонезия укрепили свои отношения в борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом. Австралийская федеральная полиция (АФП) и Служба дипломатической безопасности и антитеррористической помощи Государственного департамента США (US State Department's Diplomatic Security Service and Anti-Terrorism Assistance Program) сыграли важную роль в поддержке и обучении «Денсус 88» (Densus 88) (специализированное подразделение по борьбе с терроризмом в рамках программы МВД Индонезии). Важно, что «Денсус 88» может действовать как группа тактического реагирования и, поскольку в ней также есть технические эксперты, такие как специалисты по взрывчатым веществам и криминалистической экспертизе, а также люди, обученные цифровой криминалистике, она может применять более комплексный подход к реагированию на террористические угрозы и атаки. В период с 2012 по 2018 год правоохранительные органы Индонезии предотвратили более 500 террористических заговоров [4].

Еще одним примером является поддержка Австралией создания специализированного центра по борьбе с терроризмом – Джакартского центра сотрудничества между правоохранительными органами (ДЦСПО) (the Jakarta Centre for Law Enforcement Cooperation) – который начал свою работу при поддержке Австралии в 2004 г. Он совместно управляется индонезийской национальной полицией и Австралийской федеральной полицией. ДЦСПО проводит тренинги для сотрудников правоохранительных органов по таким вопросам, как противодействие насильственному экстремизму, расследование финансирования терроризма и использование социальных сетей в борь-

бе с терроризмом. Он организовал обучение примерно 17 000 индонезийских и региональных сотрудников правоохранительных органов³.

Когда в 2017 г. произошла битва за Марави (вооружённый конфликт в городе Марави между филиппинским правительством и исламистскими вооружёнными группировками Мауте (подразделение ИГИЛ) и «Абу Сайяф» в мае 2017 г.), Австралия предоставила техническую экспертизу армии Филиппин в рамках операции “Augury – Philippines”. Австралия смогла обеспечить такую подготовку, потому что австралийский спецназ боролся с подобным типом террористов в Ираке и Афганистане (Австралия направила около 80 военных инструкторов, имеющих навыки ведения городской войны, на Филиппины). Австралия также предоставила два самолета наблюдения «Орион» AP-3C для обеспечения наблюдения и разведки, чтобы помочь наземным командирам Филиппин. После битвы отношения между двумя странами расширились. Мариза Пэйн в качестве министра обороны Австралии заявила, что «практическая подготовка, которую проводит Австралийские силы обороны (АСО), обеспечит, чтобы силы обороны Филиппин могли лучше противостоять жесткой тактике, применяемой террористами». После осады Марави в октябре 2017 г. вклад Австралии в рамках операции “Augury – Philippines” позволил провести тренинг по борьбе с терроризмом для более чем 10 000 военнослужащих Вооруженных сил Филиппин. Это учебное сотрудничество включало основные наземные мероприятия, ориентированные на городские боевые действия и навыки совместной координации; воздушная подготовка, направленная на улучшение координации воздушного движения в городской среде; и морские учебные мероприятия⁴.

Также стоит отметить, что кроме Индонезии и Филиппин, Австралия имеет давнюю программу сотрудничества в области обороны с Таиландом, Вьетнамом, Сингапуром и Малайзией в области борьбы с терроризмом, противодействия самодельным взрывным устрой-

³ Australia's Counter-Terrorism Strategy: Strengthening Our Resilience 2015// Australian National Security official website [Electronic resource]. 2015. URL: <https://www.nationalsecurity.gov.au/Media-and-publications/Publications/Documents/Australias-Counter-Terrorism-Strategy-2015.pdf>. (accessed: 25.04.2020).

⁴ Operation Augury-Philippines transitions to Enhanced Defence Cooperation Program: Joint Statement// Australian Defence Department [Electronic resource]. 2019. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/minister/lreynolds/media-releases/operation-augury-philippines-transitions-enhanced-defence> (accessed: 10.03.2020).

ствам, поддержания мира, безопасности на море, логистики, развития потенциала, безопасности полетов и обучению английскому языку⁵.

На многостороннем треке стоит отметить Пятистороннее оборонное соглашение (FPDA – The Five Power Defence Arrangements) с Малайзией, Сингапуром, Новой Зеландией и Великобританией, которое является самым давним механизмом региональной безопасности для Австралии. Это соглашение является единственным многосторонним соглашением по безопасности, ориентированным на практическое сотрудничество такого рода в регионе Юго-Восточной Азии. Вклад Австралии заключается в организации сложных комплексных учений высокого уровня.

Выводы. Таким образом, современное положение вещей в ЮВА характеризуется наличием внешней и внутренней террористической угрозы. Внешняя представлена ИГИЛ и Аль-Каидой, а внутренняя – региональными террористическими организациями, этническими конфликтами и проблемой пиратства.

Мягкая сила Австралии в ЮВА представлена следующими инструментами:

1. Сотрудничество в рамках АСЕАН (участие Австралии в Региональном форуме АСЕАН (АРФ), Азиатско-тихоокеанском совете по безопасности (АТССБ), Восточноазиатском саммите (ВАС), Совещании министров обороны АСЕАН (СМО АСЕАН), Рабочей группе по финансированию борьбы с терроризмом в Юго-Восточной Азии, Саммите по борьбе с финансированием терроризма, принятие совместной декларации АСЕАН – Австралия 2016 года о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом),

2. Действия против финансирования терроризма (образованный совместно с Индонезией Азиатско-тихоокеанский саммит по борьбе с терроризмом, австралийская инициатива Fintel Alliance по укреплению государственно-частного партнерства),

3. Двусторонним и многосторонним сотрудничеством Австралии с отдельными странами ЮВА (двустороннее сотрудничество в сфере обороны и борьбы с терроризмом с Индонезией, Таиландом, Вьетнамом, Филиппинами, Сингапуром и Малайзией и на многосто-

⁵ Defence White Paper 2016// Australian Defence Department [Electronic resource]. 2016. URL: <http://www.defence.gov.au/WhitePaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf> (accessed: 10.04.2020).

роннем треке Пятистороннее оборонное соглашение с Малайзией, Сингапуром, Новой Зеландией и Великобританией).

Библиографические ссылки

1. Jones, S. A Persistent Threat: the evolution of al Qa'ida and other salafi jihadists [Electronic resource] / S. Jones // The Australian Strategic Policy Institute. URL: [access:https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR600/RR637/RAND_RR637.pdf](https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR600/RR637/RAND_RR637.pdf). (accessed: 22.05.2020).
2. Морозов, Н. Террористическая угроза распространения «Исламского государства» в Азиатско-Тихоокеанском регионе /Н. Морозов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 22-34.
3. Канаев, Е. Сотрудничество АСЕАН с Австралией и безопасность на морях АТР/Е. Канаев // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 38. С. 76-88.
4. Kfir, I. 18 years and counting Australian counterterrorism, threats and responses/ I. Kfir // The Australian Strategic Policy Institute [Electronic resource]. 2019. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-04/18%20Years%20and%20counting.pdf?5J2Se2RxM9CZa6QD5300yij_wP4f.ANm. (accessed: 02.04.2020).
5. Kfir, I. Australia and ASEAN's evolving counter-terrorism regime / I. Kfir // The Australian Strategic Policy Institute [Electronic resource]. 2018. URL: <https://www.aspi.org.au/opinion/australia-and-aseans-evolving-counter-terrorism-regime> (accessed: 02.04.2020).
6. Асатрян, Л. Режимы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе/Л. Асатрян // Регион и Мир.2019. № 6. С. 38-43.
7. Васильев, Л. Проблемы безопасности в Юго-Восточной Азии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом/Л. Васильев // Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и Российско-Китайское сотрудничество: сб. ст. Федеральн. Гос. бюджетного учрежд. науки/ Институт Дальнего Востока РАН. Москва, 2014. С. 188–221.
8. Рогожина, Н. Финансирование терроризма в странах Юго-Восточной Азии/Н. Рогожина // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 35. С. 70-77.
9. Kfir, I., Grice, G. Counterterrorism yearbook 2019/ I. Kfir, G. Grice // RAND – National Defense Reserach Institute [Electronic resource].2014. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-03/ASPI%20Counterterrorism%20YB2019_acc_1.pdf?VWvpiCRC_om4gXFvmBHvSn0NIDNOrMvM (accessed: 25.04.2020).

Дата поступления статьи: 30.09.2020.

Авторы: Малевич Юлианна Игоревна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений БГУ; e-mail: muji1352@gmail.com. Ярмошук Карина Игоревна – аспирант кафедры международных отношений БГУ; e-mail: karinayarmoshuk@gmail.com

AUSTRALIA'S COUNTER TERRORISM INVOLVEMENT IN SOUTHEAST ASIA: SOFT POWER

Y. I. MALEVICH, K. I. YARMOSHUK

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Taking into account that Australia at the present stage plays the role of an “active citizen” in the world, is in a military-political alliance with the United States - the leader of the anti-terrorist coalition, is a leader in ensuring security in the South Pacific, and also that one of the priorities of Australia's foreign policy is security, it is important to consider the instruments that Australia uses in the fight against terrorism. Australia has great interests in security and economics in Southeast Asia. Any conventional military and non-traditional threats, including terrorism, will pass through the archipelago to the north of Australia. In this regard, it is important to assess Australia's ability to counter the terrorist threat in Southeast Asia. This study looks into the characteristics of Australia's involvement in countering terrorism in Southeast Asia in terms of soft power. The purpose of the study is to identify the role and to characterize Australia's soft power tools in countering terrorism in Southeast Asia. The author describes the importance of Southeast Asia for Australia, assesses the external and internal terrorist threats to the region and gives a description of the three soft power tools used by Australia in countering the threat of terrorism in the region. The novelty of this work is in the fact that the study is the result of an analysis of factors highlighted by both Russian-speaking and Western researchers, mainly Australians. The results of the work can be used for the further development of this topic and in more comprehensive studies in the field of international security.

Keywords: Southeast Asia; soft power; internal and external threats; ASEAN; terrorist financing; terrorist organizations.

For citation: Malevich, Y. I., Yarmoshuk, K. I. (2020). Australia's counter terrorism involvement in Southeast Asia: soft power In: Actual Problems of International Relations and Global Development: collection of scientific papers. Minsk, Vol. 8, p. 75–87. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-75-87>

References

1. Jones, S. A. (2019). Persistent Threat: the evolution of al Qa'ida and other salafi jihadists. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR600/RR637/RAND_RR637.pdf. (accessed: 22.05.2020).

2. Morozov, N. (2015). Terroristicheskaja ugroza rasprostraneniya «Islamskogo gosudarstva» v Aziatsko-Tihookeanskom regione. [Terrorist threat of the proliferation of the "Islamic State" in the Asia-Pacific region] In: *Asia-Pacific region: economics, politics, law*, 4. p. 22-34. (In Russ).
3. Kanaev, E. (2017). Sotrudnichestvo ASEAN s Avstraliej i bezopasnost' na morjah ATR [ASEAN cooperation with Australia and security at the seas of the Asia-Pacific region]. In: *South-east Asia: topical development problems*, 38. p. 76–88. (In Russ).
4. Kfir, I. (2019). 18 years and counting Australian counterterrorism, threats and responses. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-04/18%20Years%20and%20counting.pdf?5J2Se2RxM9CZa6QD5300yij_wP4f.ANm. (accessed: 02.04.2020).
5. Kfir, I. (2018). Australia and ASEAN's evolving counter-terrorism regime. URL: <https://www.aspi.org.au/opinion/australia-and-aseans-evolving-counter-terrorism-regime> (accessed: 02.04.2020).
6. Asatryan, L. (2019). Rezhimy bezopasnosti v Aziatsko-Tihookeanskom regione [Security regimes in the Asia-Pacific region]. In: *Region and World*, 6. p. 38–43. (In Russ).
7. Vasil'ev, L. (2014). Problemy bezopasnosti v Jugo-Vostochnoj Azii. Bor'ba s terrorizmom, separatizmom i jekstremizmom [Security problems in Southeast Asia. The fight against terrorism, separatism and extremism]. In: *Northeast Asia: Regional Security Dimensions and Russia-China Cooperation: collection of scientific papers*. Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. Moscow, p. 188–221. (In Russ).
8. Rogozhina, N. (2017). Finansirovanie terrorizma v stranah Jugo-Vostochnoj Azii [Financing of terrorism in the countries of South-East Asia]. In: *Southeast Asia: topical development problems*, 35. 70–77. (In Russ)
9. Kfir, I., Grice, (2014). G. Counterterrorism yearbook 2019. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-03/ASPI%20Counterterrorism%20YB2019_acc_1.pdf?VWvpiCRC_om4gXFvmBHvSn0NIDNOrMvM (accessed: 25.04.2020).

Received: 30.09.2020.

About authors: Malevich Yulianna Igorevna – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations of the Belarusian State University; e-mail: myjill352@gmail.com. Yarmoshuk Karina Igorevna – post-graduate student of the Department of International Relations, BSU; e-mail: karina-yarmoshuk@gmail.com

БАЛАНС КОМПЕТЕНЦИЙ МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ЕС: ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Е. О. ПАШКОВСКАЯ

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье рассматривается проводившееся в 2012–2014 гг. в Великобритании исследование баланса компетенций с Европейским союзом (ЕС), его итоги и влияние на внешнюю политику Великобритании в отношении ЕС. Целью статьи является анализ результатов исследования правительства Великобритании и их влияние на политику государства в отношении ЕС. Для рассмотрения были выбраны следующие области совместных компетенций Соединенного Королевства и ЕС: предоставление убежища и иммиграционная политика в отношении государств, не входящих в союз, выплаты в бюджет ЕС, свободное перемещение по странам союза. Автором был проведен критический анализ отчетов в данных сферах, выявлена степень их значимости при формировании политики Великобритании в отношении ЕС. Данное исследование является одним из первых исследований, затрагивающих вопросы проведения анализа компетенций между Великобританией и ЕС в русскоязычной историографии. Автор отмечает, что в области иммиграции, свободного передвижения и выплат в бюджет ЕС исследование показало преобладание британской компетенции и соответствие интересам государства. Тем не менее, Д. Кэмерон не учитывал результатов исследования для принятия внешнеполитических решений, а баланс компетенций был инициирован не с целью получить объективные факты о текущем положении дел между Великобританией и ЕС, а лишь для того, чтобы продемонстрировать британские намерения изменить отношения с ЕС. Итоги баланса компетенций не были учтены во внешней политике в отношении ЕС, а также не стали известны широкой общественности, что продемонстрировало несоответствие целей проведения исследования решениям правительства.

Ключевые слова: Соединенное Королевство; Европейский Союз; баланс компетенций; коалиционное правительство; Брексит; Консервативная партия; Дэвид Кэмерон; иммиграция; свободное передвижение; система предоставления убежища.

Образец цитирования: *Пашковская Е. О.* Баланс компетенций между Великобританией и ЕС: итоги и значение для политики Великобритании (2012–2014гг.) // Актуальные проблемы международных отношений и глобального

Введение. Баланс компетенций между Великобританией и ЕС – масштабное исследование, начатое с целью проверки степени влияния ЕС на Соединённое Королевство в тех сферах, где государством были переданы некоторые полномочия союзу. За два года было выпущено 32 подробных отчёта, охватывающих определенную сферу деятельности государства, в которой его полномочия пересекались с полномочиями ЕС. Причин для проведения такого исследования было несколько. Последствия мирового экономического и финансового кризиса, глобализация, растущее чувство отчужденности Великобритании от процесса принятия решений в Брюсселе и связанный с этим рост поддержки евроскептически настроенных партий стали основными¹. Они побудили многие европейские государства подвергнуть переоценке их отношения с ЕС.

Цель статьи – анализ результатов исследования баланса компетенций Великобритании с Европейским союзом и их влияние на политику государства в отношении ЕС.

Задачи: рассмотреть баланс компетенций между Великобританией и ЕС в области предоставления убежища, иммиграционной политики в отношении государств, не входящих в союз, выплат в бюджет ЕС, свободного перемещения по странам союза; выявить актуальность и степень практического применения проведенного исследования в политике Великобритании.

Хронологические рамки рассматриваемого вопроса – 2012–2014 гг., период проведения исследования баланса компетенций. На протяжении этого периода было подготовлено 32 отчета по различным сферам взаимодействия Великобритании и ЕС и дана оценка их компетенций.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной освещенностью данного вопроса в русскоязычной и англоязычной историографии. Анализ результатов баланса компетенций и их влияния на политику Великобритании к ЕС позволяет сделать выводы об общей

¹Review of the Balance of Competences between the United Kingdom and the European Union // HM Government [Electronic resource]. URL : https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35458/eu-balance-of-competences-review.pdf (accessed : 06.04.2020). p. 7–11.

направленности отношений Соединенного Королевства и ЕС в обозначенный период.

Методы исследования. *Объект исследования* – отношения Великобритании и ЕС. *Предмет исследования* – влияние баланса компетенций между Великобританией и ЕС на британскую политику.

Для раскрытия темы использовалось сочетание общенаучных и специально–исторических методов. Среди общенаучных методов были использованы исторический и системный подход. Из общенаучных логических методов применялись анализ, синтез, индукция, дедукция, научное изучение и обобщение. В рамках исследования из специально–исторических методов задействованы историко–генетический и историко–описательный методы.

В процессе исследования итогов баланса компетенций большая роль уделялась критическому анализу изученных статей по рассматриваемой проблеме. В ходе исследования проводилось установление связи между различными элементами. Оно дополнялось частично аналитическим исследованием, направленным на установление причинно–следственных связей.

Обзор литературы по теме. Для написания статьи были изучены работы русскоязычных и англоязычных авторов.

Дж. Портес рассматривает историю свободного передвижения в ЕС, в частности, результат принятого решения о незамедлительном вступлении принятых в 2004 г. государств на общий рынок труда. Автор также анализирует положения о пересогласовании условий членства в ЕС для Великобритании и связь свободного передвижения в рамках единого европейского рынка труда на референдум.

Е.В. Хахалкина изучает иммиграционную политику в период премьерства Д. Кэмерона. Исследователь отмечает большое количество мифов и стереотипов в британском обществе относительно миграции, в частности в период нахождения у власти коалиционного правительства. Такие убеждения, как большое количество иммигрантов в Великобритании, их нежелание работать, взаимосвязь повышения количества иммигрантов и влияния ЕС и др. во многом способствовали формированию негативного отношения к иммигрантам, хотя и не соответствовали действительности.

Дж. Деннисон и Э. Геддес рассматривали взаимосвязь Брексита и иммиграции из других государств – членов ЕС в Великобританию. В своем исследовании они изучили исторические и теоретические

противоречия в британской миграционной политике и показали, как они помогли евроскептикам сформировать негативное отношение к иммигрантам и сделали иммиграцию одной из ключевых тем в британском обществе на протяжении последних двух десятилетий.

Д. Робинсон исследовал реформы коалиционного правительства Великобритании в сфере миграционной политики и вероятность выполнения правительством задачи по сокращению чистой миграции до менее чем 100 тыс. чел. и пришел к выводу, что данную цель британское правительство едва ли сможет достичь. Он также выявил ряд вопросов, требующих пристального внимания со стороны государства при проведении подобных реформ.

Ш. О'Брайен рассматривает результаты пересогласования условий членства Великобритании в ЕС и подчеркивает, что при проведении переговоров, также, как и при формировании политики в отношении ЕС в 2015–2016 гг. Д. Кэмерон не руководствовался результатами баланса компетенций, продемонстрировавших наличие баланса в компетенциях с союзом. Исследователь уделяет особое внимание тому факту, что баланс компетенций не получил широкой огласки, на него не ссылались в публикациях, размещавшихся на сайте правительства во время переговоров с ЕС.

Результаты исследования. Положение о балансе компетенций было закреплено в программе коалиционного правительства консерваторов и либерал – демократов в мае 2010 г. В разделе об отношениях с Европой говорилось, что на протяжении работы текущего парламента не произойдет дальнейшей передачи суверенитета или полномочий союзу. «Мы рассмотрим баланс существующих компетенций ЕС и, в частности, будем работать над ограничением применения Директивы о рабочем времени в Соединенном Королевстве»². Впоследствии этот пункт программы был реализован в виде обширного исследования, о чем было сказано министром иностранных дел У. Хейгом в Палате Общин 12 июля 2012 г. «Кризис еврозоны усилил дискуссию во всех без исключений странах о будущем Европы. Сейчас самое время критически и конструктивно взглянуть на то, какие

²The Coalition: Our Programme for Government // The Coalition documentation, [Electronic resource]. URL : https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/78977/coalition_programme_for_government.pdf (accessed : 06.04.2020). p. 19.

именно полномочия принадлежат ЕС, какие – Великобритании, и работают ли они в наших национальных интересах»³.

Результаты исследования были изложены в отдельных отчетах. Они должны были быть непредвзятыми, нейтральными и фактическими. Министерство иностранных дел и по делам Содружества подчеркивало, что Обзор должен был быть аналитическим и включать в себя фактический материал. В отчетах не должно было содержаться выводов или рекомендаций относительно отношений Великобритании с ЕС, поскольку они были направлены на информирование гражданского общества о действительных отношениях Великобритании и ЕС⁴.

Термин «компетенция» как правило используется для описания способности ЕС предпринимать конкретные действия. В отношениях ЕС с государствами – членами существует три категории компетенций, впервые перечисленных в Лиссабонском договоре: исключительные компетенции, совместные компетенции, вспомогательные компетенции⁵. Для проведения Баланса компетенций было принято отличное от традиционного определение компетенции, охватывавшее «все области, в которых договоры наделяют ЕС правом действовать, включая положения договоров, наделяющие институты ЕС полномочиями принимать законы, принимать законодательные акты или предпринимать какие-либо другие действия»⁶.

Обзор проводился в течение четырех «семестров», каждый из которых содержал 6–10 отчетов по отдельным компетенциям. Перед публикацией каждого набора отчетов и для информирования их содержания ответственные государственные ведомства собирали доказательства, направляя запросы соответствующим заинтересованным сторонам и парламентским комитетам. Каждый доклад был посвящен отдельному аспекту компетенций, перечисленных в разделе I Догово-

³Review of the Balance of Competences between the United Kingdom and the European Union... p.5.

⁴Ibid

⁵ The Balance of Competences Review in the United Kingdom, 2012–2014 // European Parliament [Electronic resource]. URL : [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/573915/EPRS_BRI\(2016\)573915_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/573915/EPRS_BRI(2016)573915_EN.pdf) (accessed : 20.02.2020).p.1.

⁶ The Review of the Balance of Competences between the UK and the EU // House of Lords [Electronic resource].URL : <https://publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldselect/ldcom/140/140.pdf> (accessed : 05.04.2020). p. 5–6.

ра о функционировании Европейского Союза. Ко времени завершения обзора в декабре 2014 г. было опубликовано 32 доклада.

Фактический материал включал в себя как научные исследования, так и мнения заинтересованных сторон. Представленные сведения должны были быть объективной, фактической информацией о влиянии или эффекте действий ЕС в соответствующей области.

Большинство отчетов соответствовало предъявленным критериям объективности и непредвзятости. Некоторые работы, тем не менее, подверглись критике. Так, отчет в области полиции и уголовного правосудия был «Тщательно разграничен, чтобы не касаться вопросов, которые являлись предметом дискуссий об участии в них Великобритании»⁷. Замечание было сделано отчету в области расширенного сотрудничества и гибкости – его можно было бы рассмотреть систематически. Отдельно были указаны наиболее критиковавшиеся отчеты по свободному передвижению, рыболовному промыслу, здоровью животных и безопасности пищевых продуктов. Им не хватало сбалансированности и непредвзятости⁸.

Из 32 отдельных отчетов следует подробно рассмотреть отчеты по убежищу и иммиграционной политике в отношении государств, не входящих в союз, выплатам в бюджет ЕС и свободному перемещению по странам союза, поскольку именно по этим вопросам шло наиболее активное общественное обсуждение и выдвигались аргументы в пользу выхода Великобритании из ЕС.

Отчет по предоставлению убежища и иммиграционной политике в отношении стран, не входящих в союз, содержал информацию о пограничном контроле и процедуре предоставления убежища. В этой области в последние десятилетия отмечался рост компетенций ЕС⁹.

Великобритания не участвовала в Шенгенском пограничном кодексе, устанавливавшем контроль на внешних границах союза, и в Визовой информационной системе – базе данных, созданной для обеспечения безопасности. Вместе с этим она частично участвовала в Шенгенской информационной системе. Еще в 1985 г. Великобрита-

⁷ The Review of the Balance of Competences between the UK and the EU... p.9.

⁸Ibid

⁹Review of the Balance of Competences between the United Kingdom and the European Union. Single Market: Free Movement of Persons // HM Government[Electronic resource]. URL : https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/335088/SingleMarketFree_MovementPersons.pdf (accessed : 06.04.2020).

ния с Ирландией предпочли сохранить контроль на национальных границах, сославшись на свое островное географическое положение.

В сфере убежища и иммиграционной политики в Великобритании действовали специальные положения, в соответствии с которыми она была связана только правовыми актами ЕС, в которых она решила участвовать. В случае, если страна отказывалась присоединиться к определенному соглашению, она могла сделать это позже, т.е. сохранить за собой право участия/неучастия.

Взаимодействие Великобритании с ЕС в сфере миграции и предоставления убежища заключалось в комплексе соглашений, в рамках которых Великобритания согласовала статус-кво, характеризующийся крупномасштабными неучастием, а также различными продолжающимися вариантами участия, что демонстрировало сочетание избирательности и гибкости. В обзоре сообщалось, что Великобритания решила принять примерно одну треть мер ЕС в области предоставления убежища и иммиграционной политики, однако их количество снижалось, поскольку ЕС расширял свою деятельность. Возможность участия/неучастия Великобритании в соглашениях позволяли ей последовательно корректировать отношения с ЕС. Это означает, что государство могло в одностороннем порядке выбирать свою оптимальную политику и время от времени незначительно изменять ее. Эта избирательность и гибкость рассматривались как привилегия Великобритании, так как распространение этой практики на остальные государства – члены ЕС сделало бы систему ЕС неработоспособной, угрожая ее распаду. В обзоре отмечалось, что компетенции по иммиграции и убежищу принадлежали главным образом Великобритании, и правительство не намерено было менять этот порядок. Обзор концентрировался на оценке того, соответствуют ли британские изъятия (opt-outs) и специальные положения национальным интересам. И, несмотря на финансовые издержки, связанные с пограничным контролем, они компенсировались усиленной безопасностью на границе¹⁰.

Выплаты в бюджет ЕС были одним из аргументов в пользу выхода Великобритании из ЕС. Сторонники Брексита утверждали, что взнос страны в бюджет ЕС является одним из крупнейших и часто

¹⁰ British Balance of Competence Reviews, Part II // European Policy Institutes Network [Electronic resource]. URL : https://epin.org/wp-content/uploads/2019/02/EPIN_40-B-o-C-Part-II-formatted-final-rev-27.5.14-final.pdf (accessed : 04.04.2020).

превышает взносы таких стран, как Италия и Франция. Эти средства, как утверждалось, разумнее было бы потратить на образование и систему здравоохранения¹¹.

Рассматривая выплаты Великобритании в бюджет ЕС, следует отметить, что он расходовался на сельское хозяйство, структурные фонды, внешнюю политику и науку¹². Когда сторонники Брексита говорили о выплатах в бюджет, составлявших, по их подсчетам, 350 млн фунтов стерлингов в неделю – что не соответствовало действительности – они не учитывали тот факт, что часть средств возвращается государству в рамках специальной компенсации¹³.

Компенсация возвращала Великобритании значительную часть ее чистого вклада в бюджет. Впервые компенсации были введены в 1973–74 гг., когда государство договаривалось с ЕС о специальных условиях членства.

В то время в структуре расходов бюджета преобладали расходы на сельское хозяйство, а относительно небольшой размер британского сельскохозяйственного сектора привел к тому, что Великобритания платила самую высокую сумму чистых взносов на душу населения.

С течением времени и изменением структуры расходов компенсация, или «корректирующий механизм», был пересмотрен, став более сложным, поскольку и другие крупные плательщики также хотели получить определенную компенсацию.

Обзор показал, что в 2012 г. Великобритания получила наименьшую сумму расходов ЕС на душу населения из всех стран – членов ЕС, и что ее чистый вклад в бюджет до компенсации был соответственно самым высоким¹⁴. После компенсации чистый взнос

¹¹Cost of the EU – let's spend our money on our priorities // Vote Leave [Electronic resource]. URL : http://www.voteleavetakecontrol.org/briefing_cost.html (accessed : 20.02.2020).

¹² EU Budget 2012 Financial Report // European Commission [Electronic resource]. URL : https://ec.europa.eu/budget/financialreport/2012/pdf/financialreport-2012_en.pdf (accessed : 06.04.2020).

¹³ Why Vote Leave's £350m weekly EU cost claim is wrong // The Guardian [Electronic resource]. URL : <https://www.theguardian.com/politics/reality-check/2016/may/23/doe-the-eu-really-cost-the-uk-350m-a-week> (accessed : 06.04.2020).

¹⁴British Balance of Competence Reviews, Part III // European Policy Institutes Network [Electronic resource]. URL : https://www.researchgate.net/profile/Miroslav_Beblavy/publication/280225498_British_Balance_of_Competence_Reviews_Part_III_More_reform_than_renegotiation_or_repatriation/links/55ae0af308ae98e661a466e1/British-Balance-of-Competence-Reviews-Part-III-More-reform-than-renegotiation-or-repatriation.pdf (accessed : 04.04.2020).

Великобритании в бюджет ЕС был четвертым по величине и составил 12,5% от бюджета ЕС¹⁵.

Составителями отчета приходят к выводу, что в сфере выплат Великобритании в бюджет ЕС баланс компетенций являлся оптимальным, его можно было улучшить путем реформирования структуры бюджета и совершенствованием финансового управления бюджетом ЕС в государствах – членах и институтах ЕС¹⁶.

Вопрос свободного перемещения в странах ЕС – иммиграция из других государств – членов ЕС в Великобританию – стал одним из основных аргументов в пользу выхода Великобритании из ЕС [1, с. 14]. Британцы считали, что существующая система свободного перемещения граждан ЕС не сбалансирована и требует пересмотра. Тем не менее, ограничение иммиграции из государств – членов ЕС противоречило бы одному из основополагающих принципов ЕС – принципу свободного передвижения.

В отчете указывается, что за последнее десятилетие произошел существенный сдвиг общественного мнения в сторону неприятия иммигрантов. Социологический опрос You Gov демонстрирует, что почти половина населения была против принципа свободного передвижения в 2013 г., в то время как в 2005 г. две трети выступали за него¹⁷.

Негативное восприятие иммиграции в Великобритании было сформировано в начале 2000-х, и было связано с ее отказом в 2004 г. ограничить доступ к своему рынку труда для граждан государств, присоединившихся к ЕС¹⁸. Введение же переходного периода с ограничением доступа к рынку труда, как это было сделано в последующие расширения ЕС, уменьшило бы приток трудовых иммигрантов и не вызвало бы такой общественной реакции. Негативное отношение к миграции также было обусловлено тем, что в период с 2004 по 2012 гг. количество живущих в Великобритании граждан других государств-членов ЕС более чем удвоилось – с 1,1 млн до 2,3 млн¹⁹. В связи с этим в начале 2000-х недовольство британцев мигрантами сместилось с граждан государств Содружества Наций на граждан ЕС,

¹⁵EU Budget 2012 Financial Report...

¹⁶British Balance of Competence Reviews, Part III... p.14.

¹⁷ Ibid, p.8.

¹⁸ Ibid, p. 7.

¹⁹British Balance of Competence Reviews, Part III... p.7.

прибывающих в Великобританию из стран с более низким уровнем жизни [2, с. 51], а обсуждение отношений с ЕС стали связаны в основном с иммиграцией [3, с. 1144].

В начале 2014 г. количество въехавших в Великобританию из государств – членов ЕС впервые превзошло количество впервые прибывших в Соединенное Королевство из других государств.

Рассматривая вопросы идентичности, следует отметить, что британцы неохотнее жителей других государств ЕС идентифицировали себя как «европейцы», что демонстрировало их некоторую отчужденность от континентальной Европы. Правительство Великобритании было недостаточно вовлечено в регулирование миграции из стран ЕС по причине того, что государство не входило в Шенгенскую зону и имело некоторые изъятия из законодательства ЕС в области миграции и предоставления убежища [3, с. 1139].

Отчет о свободном передвижении в ЕС сообщает о ряде фактов, свидетельствующих в его пользу. Иммигранты вносили вклад в общество: платили налоги и тратили заработанные деньги преимущественно на внутреннем рынке Великобритании. Более того, они меньше обращались за государственными услугами – включая национальную систему здравоохранения. Также упоминается, что около 60% иммигрантов уже имели предложения о работе, прибывая в страну. Было указано, что преимуществом свободного передвижения пользуются и граждане Великобритании, живущие за границей, например, пенсионеры в Испании и Франции, и как работает система социальных гарантий ЕС в данном случае. В Соединенном Королевстве насчитывалось около 13,4% исследователей из выходцев других государств – членов ЕС. Данные о выплачиваемых иммигрантами налогах и их нечастым обращением к государственным услугам сместили фокус дискуссий против иммиграции из стран ЕС с финансовых соображений на нагрузку на систему образования, проблемы жилья и экспорт пособия на ребенка за границу²⁰. Этот переход был отражен в переговорах по пересмотру условий членства Великобритании в ЕС в 2015–2016 гг.²¹²².

²⁰Review of the Balance of Competences between the United Kingdom and the European Union. Single Market: Free Movement of Persons... p.7–8.

²¹ The Future of Britain's Relationship with the EU (Transcript) // Chatham House [Electronic resource]. URL : <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/events/special/20151110DavidCameron%20%28NEW%29.pdf> (accessed : 06.04.2020). p. 7–8.

Отчет о свободном передвижении в ЕС критиковался за несбалансированность, поскольку много внимания в нем уделялось критике свободного передвижения – на это была выделена глава 3 отчета²³, в то время как свидетельств негативного его влияния на национальные интересы Великобритании было немного, они были представлены в основном исследовательскими центрами Open Europe и Demos. Итоговый отчет подчеркивал недостаточность указанных критических свидетельств и их схожесть с официальной позицией правительства, и отмечал, что выводы Главы 3 вытекали из малого числа фактов²⁴.

Баланс компетенций между Великобританией и ЕС – масштабное исследование, результаты которого так и не стали известны широким кругам, могли помочь сформировать правильное представление об отношениях между Великобританией и ЕС в обществе.

Результаты исследования опровергали имевшиеся опасения относительно увеличивавшегося влияния ЕС на дела Великобритании. По трем основным пунктам, которые были аргументами в пользу выхода страны из ЕС – иммиграции и предоставлению убежища, выплатам в бюджет ЕС и свободному передвижению – авторы отчетов баланса компетенций пришли к выводу, что Великобритания обладала достаточными компетенциями в данных областях и извлекала из этого определенную выгоду.

Тем не менее, Д. Кэмерон не руководствовался итогами баланса компетенций перед тем, как делать публичные заявления по внешней политике в отношении ЕС, как это произошло в январе 2013 г., когда он выступил с речью, в которой пообещал провести референдум о членстве Великобритании в ЕС в случае победы консерваторов на следующих всеобщих выборах, не позднее 2017 г.²⁵. Позже была предпринята unsuccessful попытка закрепить данное обещание в Бил-

²²European Council conclusions, 18–19 February // Council of the European Union [Electronic resource]. URL : <https://www.consilium.europa.eu/media/21787/0216-euco-conclusions.pdf> (accessed : 06.04.2020).

²³Review of the Balance of Competences between the United Kingdom and the European Union. Single Market: Free Movement of Persons...p.53–59.

²⁴ The Review of the Balance of Competences between the UK and the EU... p. 11.

²⁵ EU speech at Bloomberg // The UK Government [Electronic resource]. URL : <https://www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg> (accessed : 15.04.2020).

ле о референдуме (2013–2014 гг.)²⁶. Критика ЕС, призывы реформировать союз продолжились. Более того, в 2011–2014 гг., параллельно с ходом исследования иммиграции коалиционным правительством принимались меры по ее ограничению [4]. Речь шла только об ограничении внешней иммиграции, поскольку принцип свободного перемещения в ЕС позволял гражданам других государств–членов беспрепятственно прибывать в Великобританию, и правительство не могло что–либо предпринять для ограничения въезда граждан ЕС. А в марте 2014 г. в статье газеты Telegraph Д. Кэмерон уже выдвигал идеи по реформе ЕС, говоря, что «я полностью понимаю и разделяю озабоченность людей по поводу Европейского Союза. Наши предприятия ценят единый рынок. Но они считают степень европейского вмешательства в нашу повседневную жизнь чрезмерной»²⁷.

Обсуждение полученных результатов. Таким образом, выводы исследования отношений между Великобританией и ЕС, определившие их компетенции и степени влияния ЕС на Соединенное Королевство были менее важны, чем антиевропейские тактические ходы для поддержки внутрипартийной целостности и соперничества с Партией независимости Соединенного Королевства.

Премьер–министр действовал в соответствии со складывающимися обстоятельствами, но эти действия не основывались на объективных данных и служили для достижения краткосрочных политических целей. Пренебрежение запущенным им самим балансом компетенций также показывает, что данное исследование, во-первых, было начато не с целью получить объективные факты о текущем положении дел между Великобританией и ЕС, а для того, чтобы продемонстрировать ЕС необходимость изменения двусторонних отношений и высказать опасения, что союз угрожает суверенитету Соединенного Королевства; во-вторых, из-за ожиданий Д. Кэмерона относительно результатов данного исследования – из его заявлений следовало, что Великобритания делегировала ЕС слишком много полномочий и что пора вернуть их обратно²⁸ [20]. Премьер – министр рассчитывал, что

²⁶ European Union (Referendum) Bill // The UK Parliament [Electronic resource]. URL : <https://services.parliament.uk/Bills/2013–14/europeanunionreferendum.html> (accessed : 15.04.2020).

²⁷ David Cameron: the EU is not working and we will change it // The Telegraph [Electronic resource]. URL : <https://www.telegraph.co.uk/news/newstopics/eureferendum/10700644/David-Cameron-the-EU-is-not-working-and-we-will-change-it.html> (accessed : 15.04.2020).

²⁸ David Cameron promises in/out referendum on EU // British Broadcast Company [Electronic resource]. URL : <http://www.bbc.com/news/uk-politics-21148282> (accessed : 06.04.2020).

баланс компетенций это подтвердит, – однако его ожидания не оправдались, и это могло стать причиной недостаточного освещения результатов отчетов [5]. Следовательно, действия Д. Кэмерона в отношении ЕС в 2013–2014 гг. и последовавший за этим пересмотр условий членства в ЕС не основывались на полученных в результате баланса компетенций данных. Отчеты так и не получили широкой огласки и не были использованы для формирования политики Соединенного Королевства в отношении ЕС.

Выводы. 1. Баланс компетенций между Великобританией и ЕС в областях предоставления убежища, иммиграционной политики в отношении государств, не входящих в союз, выплат в бюджет ЕС, а также свободного перемещения по странам союза показал преобладание британской компетенции над компетенцией ЕС и соответствие интересам государства. 2. Результаты исследования не получили широкой огласки и не использовались премьер-министром Д. Кэмероном для корректировки политики в отношении ЕС, поскольку первоначально предполагалось, что большое количество компетенций принадлежит ЕС, а баланс компетенций должен был это подтвердить, закрепив тем самым ужесточение курса в отношении союза со стороны коалиционного правительства.

Библиографические ссылки

1. *Portes J.* Immigration, Free Movement and the EU Referendum. *National Institute Economic Review*, 2016. № 236. P. 14–22.
2. *Хахалкина Е.В.* Иммиграционная политика Д. Кэмерона (2010–2015 гг.). *Современная Европа*, 2015. №4 (64). С. 47–58.
3. *Dennison J., Geddes, A.* Brexit and the perils of ‘Europeanised’ migration. *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25. №8. P. 1137–1153.
4. *Robinson D.* Migration policy under the coalition government. *People, Place and Policy*. 2013. Vol. 7. №2. P. 73–81.
5. *O’Brien C.* Cameron’s renegotiation and the burying of the balance of competencies review // *The UK in a changing Europe* [Electronic resource]. 2016. URL :<https://ukandeu.ac.uk/camerons-renegotiation-and-the-burying-of-the-balance-of-competencies-review/> (accessed: 12.03.2020).

Дата поступления статьи: 17.11.2020.

Автор: Пашковская Елена Олеговна – аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: yelena.pashkovs@gmail.com.

**BALANCE OF COMPETENCES BETWEEN THE UK
AND THE EU:
RESULTS AND IMPLICATIONS FOR A POLICY
OF THE UNITED KINGDOM**

A. O. PASHKOUSKAYA

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

Abstract: The article discusses a study of the balance of competences with the European Union (EU), carried out in 2012–2014 in the UK, its results and impact on UK policy towards the EU. The purpose of the article is to analyze the results of a study initiated by the UK government and its impact on state's policy towards the EU. The following areas of joint competence between the United Kingdom and the EU were selected for consideration: asylum and immigration policy towards non-EU states, payments to the EU budget, free movement within the Union countries. The author carried out a critical analysis of reports in these areas, revealed the degree of their significance in the formation of UK policy towards the EU. This study is one of the first studies to address the issues of competence analysis between the UK and the EU in Russian-language historiography. The author notes that in the field of immigration, free movement and payments to the EU budget, the study showed the prevalence of British competence and compliance with the interests of the state. Nevertheless, D. Cameron did not take into account the results of the study for making foreign policy decisions, and the balance of competences was initiated not to obtain objective facts about the current state of affairs between the UK and the EU, but only to demonstrate British intentions to change relations with the EU. The results of the balance of competencies were not taken into account in the foreign policy towards the EU, and also did not become known to the general public, which demonstrated the discrepancy between the objectives of the study and the decisions of the government.

Key words: United Kingdom; European Union; balance of competences; coalition government; Brexit; Conservative party; David Cameron; immigration; free movement; asylum system.

For citation: Pashkouskaya, A. (2020). Balance of Competences between UK and the EU: Results and implications for a policy of the United Kingdom (2012–2014). In: *Actual problems of international relations and global development: collection of*

References

1. *Portes, J.* (2016). Immigration, Free Movement and the EU Referendum. In: *National Institute Economic Review*. № 236. p.14–22.
2. *Khahalkina, Y. V.* (2015). Immigracionnaya politika D. Kemerona (2010–2015 gg.). [*Immigration policy of D. Cameron (2010–2015)*]. In: *Contemporary Europe*. №4 (64). p. 47–58. (In Russ.).
3. *Dennison, J., Geddes, A.* (2018). Brexit and the perils of ‘Europeanised’ migration. In: *Journal of European Public Policy*. Vol. 25. №8. p. 1137–1153.
4. *Robinson, D.* (2013). Migration policy under the coalition government. In: *People, Place and Policy*. Vol. 7. № 2. p. 73–81.
5. *O’Brien, C.* (2016). Cameron’s renegotiation and the burying of the balance of competencies review // The UK in a changing Europe [Electronic resource]. URL : <https://ukandeu.ac.uk/camerons-renegotiation-and-the-burying-of-the-balance-of-competencies-review/> (accessed: 12.03.2020).

Received: 17.11.2020.

About author: Pashkouskaya Alena, Master of Historical Sciences, a postgraduate student of the Department of international relations of Belarusian state University (Minsk); e-mail: yelena.pashkovs@gmail.com.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ТЮРСКОГО ЕДИНСТВА

Н. Х. ХУДАЙБЕРДИЕВА

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье рассматривается вопрос распространения идеологии пантюркизма после распада Советского Союза. Восстановление идеологии пантюркизма в конце XX–XXI вв. связано с попытками Турции консолидировать этническое самосознание тюркских народов для формирования эффективного сотрудничества в политике, экономике и культуре, а также создания единого (интегрированного) пространства на основе существующего у этих народов родства с перспективой реализации совместных коммуникационных, энергетических и гуманитарных проектов.

Цель статьи: изучение тенденций распространения идеологии тюркского единства. Автор работы на основе источников, анализа турецкой, российской, казахстанской историографии раскрывает особенности современного состояния тюркского единства, применение идеологии пантюркизма во внешней политике Турции. В центре внимания лежит исследование вопросов сотрудничества и сплочения тюркских стран – Турции, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана.

Автор приходит к выводу, что сегодня в распространении идеологии тюркского единства наиболее заинтересованы Турция, Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан. Исследование по вопросу распространения идеологии тюркизма представляет практический интерес, может быть использовано для формирования пособий по истории международных отношений.

Достигнуть поставленных целей и задач стало возможным благодаря использованию общенаучных и специально-исторических методов исследования.

Полученные результаты представляют большой интерес для дальнейшего изучения развития идеологии тюркизма.

Ключевые слова: тюркизм; пантюркизм; Турция; Азербайджан; Казахстан; Кыргызстан; Таджикистан; Туркменистан; Узбекистан; Тюркской; Парламентская ассамблея тюркоязычных стран.

Образец цитирования: Худайбердиева Н. Х. Распространение идеологии тюркского единства // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. статей. Минск, 2020. Вып. 8. С. 103–118. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-103-118>

Введение. Понятие тюркизма (пантюркизма) возникло в результате консолидации тюркской культуры в контексте формирования этнического самосознания тюркских народов. Несмотря на то, что народы, которые объединил пантюркизм, развивались по собственному сценарию в зависимости от своего геополитического положения, ситуации в стране, развития региональной системы международных отношений, связующее звено – тюркизм, объединял их на протяжении многих столетий.

Актуальность темы статьи продиктована ростом интереса, среди современных ученых к вопросу консолидации тюркских народов в конце XX – начале XXI вв. в контексте геополитических изменений, связанных с распадом СССР. В новых геополитических условиях, тюркские государства получили импульс для совершенствования государственного управления, поиска новых перспективных направлений сотрудничества. Турецкий опыт развития экономики и государственного управления, транзитный потенциал Турции, коммуникационные возможности стран Центральной Азии, энергетические запасы Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, а также общие культурные, языковые и религиозные корни – все эти факторы стали связующим звеном для развития и совершенствования тюркского единства на рубеже XX–XXI вв.

Цель статьи – исследование тенденций распространения идеологии тюркского единства в 1990–2000-е гг.

Задачи исследования:

- изучить процесс возникновения идеологии тюркского единства;
- проанализировать уровень вовлеченности Турции в развитие тюркской идеологии в 1990-е гг.;
- определить место и роль тюркской идеологии во внешней политике Турции в XXI в.

Объект исследования – идеология тюркского единства

Предмет исследования – распространение идеологии тюркского единства в регионе Центральной Азии.

Методология и теоретические подходы. Методологию исследования составили общенаучные и специально-исторические методы. Среди общенаучных методов исследования необходимо отметить системный анализ, синтез, дедукцию, индукцию.

Метод системного анализа позволил выявить важные элементы идеологии тюркизма на современном этапе, рассмотреть предмет исследования в исторической динамике, то есть в совокупности с другими факторами – распадом СССР, ухудшением отношений Турции и Узбекистана, формированием нового внешнеполитического курса Анкары, созданием Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России и др. Метод синтеза позволил рассмотреть вопрос распространения идеологии тюркского единства в разрезе существующих региональных процессов.

Благодаря методу дедукции был реконструирован весь процесс формирования отношений стран Центральной Азии, Азербайджана с Турцией в 1990–2000-е гг. Метод индукции позволил определить причины сближения, охлаждения стран тюркского единства.

Методы специально-исторические позволили рассмотреть процесс распространения идеологии тюркского единства в развитии. При написании работы были использованы историко-описательный, сравнительно-исторический методы. Метод историко-описательный позволил выявить ключевые направления сотрудничества стран на основе их принадлежности к тюркскому единству. Сравнительно-исторический метод, позволил провести сравнение периодов развития тюркской интеграции (1990-е гг., 2000-е гг.).

Вопрос развития и распространения идеологии тюркского единства получил широкое распространение в историографии. Это объясняется ростом влияния данной идеологии в политической жизни стран Центральной Азии, сближением Турции со странами региона на основе тюркского единства, стремлением стран развивать совместную интеграцию. Проблемы распространения идеологии тюркского единства изучался в работах российских исследователей Н.Г. Киреева [3], Е. Ф. Парубочей [4][5], С. Червонной [8], а также в английской и американской историографии. Среди авторов можно отметить Дж. М. Ландау [14], Д. Юнга [15].

Однако наибольшее внимание данный вопрос получил в турецкой историографии. На наш взгляд, наибольший интерес представляют работы таких авторов, как Б. Арас [9], М. Айдын [10], С. Е. Демир [11], М. Каплан [16].

Так, в статье Б. Араса «Политика Турции на постсоветском юге: активы и возможности» рассматриваются первые попытки Анкары

укрепить свое влияние в Центральной Азии после распада СССР, отмечены основные результаты, достигнутые в 1990-е годы¹.

В статье исследователя М. Каплана «Одна нация, много голосов и внешняя сплоченность Тюркского совета Генеральной Ассамблеи ООН, 1993–2011 гг.» раскрываются основные тенденции развития тюркской интеграции, в хронологической последовательности изложены события, направленные на развитие тюркской интеграции.

Формирование идеологии тюркского единства. Тюркизм является сложным историческим явлением, которое формировалось в течение нескольких столетий. Российская исследовательница С. Червонная отмечает, что пантюркизм в современном его понимании возник в 1880-е гг. в качестве культурно-либерального движения татарской интеллигенции на фоне роста революционных, демократических движений и организаций в Российской империи [8, с. 152]. В это же время в Османской империи происходило формирование ядра идеологии пантюркизма на фоне распада державы, включавшей в себя европейские и азиатские территории. Долгое время консолидирующей силой внутри Османской империи была идеология османизма. На рубеже XX–XXI вв. эта идеология стала уступать место пантюркизму².

На закате существования Османской империи, пантюркизм был занесен в Турцию, где смог обрести благоприятную почву для развития [4, с. 7]. Переход лидерских позиций в рамках идеологии пантюркизма к Турции произошел в результате событий Первой мировой войны и последовавшего распада Российской и Османской империй. Однако вплоть до распада Советского Союза у Анкары отсутствовали возможности распространять эту идеологию, использовать ее в качестве внешнеполитического инструмента.

Сегодня существует множество определений «тюркизма» (пантюркизма). В частности, в 1960 г. германский исследователь Чарлз У. Хостлер определил тюркизм как «движение, стремящееся к политическому и культурному единству всех тюркоязычных народов» [3, с. 43]. Под понятием пантюркизм в XXI в. можно понимать углубление сотрудничества стран на фоне культурной, психологической, исторической близости тюркских народов в условиях глобализации.

¹Алтаистика, Туркология, Монғолистика, Нур-Султан // GLOBAL-Turk [Электронный ресурс]. 2015–2019. URL : <http://twesco.org/ru/altaistics/> (дата обращения : 09.10.2020).

²Там же.

В XX в. Турция являлась важным хранителем тюркской идеологии. Факторами, оказавшими благоприятное влияние на дальнейшее развитие идеологии пантюркизма и возможного её использования в качестве механизма турецкой внешней политики, выступили следующие события:

- распад Советского Союза и возможность установить тесные контакты с бывшими советскими республиками;
- существующие геополитические изменения;
- формирование централизованной общности тюркских государств в качестве целостного субъекта международных отношений;
- рост популярности интеграционных объединений на фоне положительного примера Европейского союза.

Конечно, страны Центральной Азии (пять тюркских республик бывшего Советского Союза), а также Азербайджан в новых условиях для Турции представляли большой интерес с геополитической и геоэкономической точек зрения. Во-первых, Турция стремилась занять место «старшего брата» среди молодых тюркских государств. Молодые государства нуждались в формировании нового государственного и экономического устройства в соответствии с существующими реалиями. Турецкое руководство проявило в этом вопросе активную позицию, стремясь представить молодым государствам свой вариант государственного устройства. В новых условиях молодые государства оказались перед выбором дальнейшей системы государственного управления с учетом своего прошлого и настоящего. Турция, начиная с 1920-х гг., является примером развития светского государства с учетом мусульманских ценностей. Во-вторых, Турция стремилась получить возможность подключиться к экономическим изменениям в этих странах, в том числе популяризовать свою экономическую модель. В-третьих, Турция испытывала желание стать важным звеном энергетического рынка этих стран, а именно получить статус страны-транзитера, возможность участвовать в разработках (добыче и исследовании) нефтяных и газовых месторождений) [11, р. 9].

Однако, комплекс факторов, в том числе разное геополитическое положение стран, нежелание центрально-азиатских республик стать «младшим братом» Анкары, не позволили достичь поставленной цели.

Роль Турции в переходе стран Центральной Азии к новым условиям отмечали лидеры бывших советских республик. Западный мир отмечал, что турецкое влияние на эти страны сыграет положительную роль в вопросе нераспространения экстремизма и радикального ислама [13, р. 141].

Кроме того, идея тюркского единства между Турцией с одной стороны, Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном, с другой стороны, должна была положительно отразиться на позициях Анкары, их усилении в политической и экономической сферах.

С этой целью в Министерство иностранных дел Турции организовало совершенно новую структуру – Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТИКА/ТИКА), целью которой стала организация и координация связей, контактов с бывшими советскими республиками [13, р. 44].

Стало очевидно, что идеология неопантюркизма во внешней политике Турции преследовала определенные цели объединения этнически родственных государств и народов, а также приобретения статуса региональной державы в Центральной Азии. Интеграция с тюркскими странами одновременно давала возможность Турции получить доступ к источникам сырья, а также к рынкам сбыта своей промышленной продукции [1, с. 68].

В 1991–1992 гг. турецкое руководство предпринимало попытки установить тесные контакты с тюркскими странами. В марте 1992 г. министр иностранных дел Турции Х. Четин совершил ряд визитов в страны Центральной Азии, в апреле–мае того же года, страны региона посетил турецкий премьер-министр С. Демирель [5, с. 84].

В первой половине 1990-х гг. присутствие Турции в регионе усиливалось, в частности благодаря дипломатической поддержке Анкары, при вступлении центрально-азиатских стран и Азербайджана в Организацию экономического сотрудничества и Организацию «Исламская конференция», СБСЕ. Кроме этого, Турция стала активно оказывать гуманитарную, техническую и финансовую поддержку странам Центральной Азии.

В 1992 г. в Анкаре прошел первый саммит тюркоязычных стран. Встреча проходила на высшем уровне [15, р. 181]. По ее итогам была

подписана Анкарская декларация, в которой были отмечены особые отношения стран на основе общей истории, языка и культуры³.

Попытки Турции сплотить тюркские страны в 1991–1993 гг. закончились подписанием в Алма-Ате в 1993 г. соглашения о создании Организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ), при которой был создан Постоянный совет министров культуры, а штаб-квартира организации была размещена в Анкаре⁴.

Вторая конференция ТЮРКСОЙ проводилась в 1994 г. Как отметила российская исследовательница Е. Ф. Парубочая, во время этой конференции проявилось очевидное наличие противоречий между участниками организации. Среди наиболее серьезных разногласий можно отметить сложности в турецко-узбекских отношениях по поводу предоставления Анкарой политического убежища лидеру узбекской оппозиционной партии «Эрк» М. Салиху, отсутствие прогресса по «каспийскому вопросу» [12, р. 110].

Вовремя проведения Бишкекского саммита 1995 г. главы тюркских государств заявили о необходимости продолжить работу по сохранению своего культурного и исторического наследия. Во время саммита в Бишкеке стало понятно, что главы государств готовы встречаться не только для развития гуманитарных контактов, но и для проведения переговоров по реализации совместных проектов в энергетической сфере. Как отметила Е.Ф. Парубочая, совместная разработка энергетических проектов была важна для Турции и для стран Центральной Азии. Первая была заинтересована стать ключевым транзитным звеном для поставок энергоресурсов из стран региона в Европу, страны Центральной Азии намеревались диверсифицировать свои энергетические ресурсы.

Можно согласиться с мнением российского исследователя Н. Г. Киреева, который отмечал, что стремление центральноазиатских государств сблизиться с Турцией было основано на желании воспользоваться ее геополитическим положением и при содействии Анкары

³ Бакинская декларация, от 8 апреля 2000 г. // Исламская мысль (Исламское право) [Электронный ресурс]. 2018–2019. URL : <https://www.worldislamlaw.ru/?p=187> (дата обращения: 09.10.2020).

⁴ Демоян Г. Карабахский конфликт и взаимоотношения тюркоязычных государств // Central Asia and The Caucasus [Электронный ресурс]. 1998–2019. URL : https://cac.org/journal/2000/journal_rus/cac10_2000/29.demoy.shtml (дата обращения : 09.09.2020).

получить международное признание, а также иметь возможность получить техническую и финансовую помощь для развития национальных культур [3, с. 155]. В марте 1996 г. в Турцию на празднование Навруза прибыли делегации во главе с министрами культуры (в некоторых случаях их заместителями) из Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана, различных регионов России [3, с. 137].

Во время следующего саммита в Ташкенте 21 октября 1996 г. стороны достигли значительных результатов. В подписанной по итогам встречи Ташкентской декларации глав тюркоязычных государств, участники отметили достигнутые результаты в гуманитарном секторе (науке, образовании, культуре), заявили о необходимости дальнейшей популяризации «великого культурно-исторического наследия» тюркских народов.

Кроме того, по итогам встречи было принято решение о создании Секретариата встреч глав тюркоязычных государств (СВГТГ). Создание нового органа было направлено на налаживание техники проведения систематических консультаций и организационно-технических работ внутри Объединения. Также в функции секретариата входит подготовка и разработка материалов встреч глав тюркоязычных стран, а также симпозиумов, конференций и другое. Кроме того, на СВГТГ была возложена обязанность по изданию литературных источников тюркской тематики (история, культура, искусство и литература) [6, с. 1].

Несмотря на заявления и намерения стран-участников ТЮРКСОЙ в 1996 г. об углублении сотрудничества, во время следующего саммита в 1998 г. стали заметны изменения в отношениях между странами-участницами. В частности, на саммит в Астану не прибыл лидер Туркменистана С. Ниязов. Активную позицию во время этого саммита занял лидер Турции С. Демирель, который заявил о необходимости сплочения стран на основе тюркского фактора. Вместе с тем руководство Туркменистана отказалось от участия и в следующем саммите в Баку в 2000 г. На Бакинском саммите присутствовали руководители Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции, от Туркменистана присутствовал председатель Меджлиса С. Мурадов, от Узбекистана – Председатель Парламента Э. Халилов [7, с. 85].

По итогам встречи глав ТЮРКСОЙ, 8 апреля 2000 г. была принята Бакинская декларация, в соответствии с которой стороны дого-

ворились о дальнейшем углублении многостороннего и двустороннего сотрудничества в различных областях. Стороны в очередной раз подчеркнули необходимость углубить сотрудничество в экономике, торговле, энергетике, культуре, образовании⁵.

Во время Стамбульского саммита, было принято решение о проведении VIII саммита в 2002 г. в Ашхабаде с целью поддержки интереса к сотрудничеству в данном формате у Туркменистана. Однако, начиная с 2001 г., наблюдается застой в проведении саммитов.

Ослабление интереса к развитию интеграции на основе тюркской идеологии оказывали влияние различные факторы. Сохранение близких отношений бывших советских республик с Россией, которая болезненно переживала утрату своего геополитического контроля в Центральной Азии, стремление Турции развивать диалог с ЕС. Ослаблению способствовали также отсутствие интереса к развитию интеграции у Туркменистана, противоречивые отношения Турции с Узбекистаном.

Спустя пять лет, в ноябре 2006 г. в турецком городе Анталя состоялся новый Саммит руководителей тюркских республик. Участие в саммите приняли президенты Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Турции. Туркменистан прислал на встречу своего посла в Турции А.Н. Аманмурадовича, а Узбекистан вовсе не прислал своего представителя⁶.

Как отметили турецкие исследователи М. Каплан, А. Юваджи и С. Аманов, после Анталийского саммита 2006 г. стало понятно, что ядром тюркского единства стали Турция, Азербайджан, Кыргызстан и Казахстан. Механизм сотрудничества стран позволял им координировать свою работу и консультироваться по широкому кругу вопросов международного и регионального характера [8, с. 132].

Несмотря на попытку восстановить идею тюркского единства, совместную интеграцию, сближение стран оставалось на прежнем уровне в течение 2006–2007 гг.

В 2008 г. лидер Казахстана Н. Назарбаев выступил с инициативой создания Межпарламентской ассамблеи тюркоязычных государств, которая должна была объединить видных политических,

⁵Корицкий С.А. Тюркский саммит в Анталье// Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=5165> (дата обращения : 09.09.2020).

⁶Об Академии, Нур-Султан // GLOBAL-Turk [Электронный ресурс]. 2015–2019. URL:<http://twesco.org/ru/академия-туралы/> (дата обращения : 09.10.2020).

культурных и экономических деятелей тюркского мира. Результатом инициативы стало подписание 20 ноября 2008 г. Соглашения об учреждении Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран, со штаб-квартирой в Баку.

Соглашение об учреждении ТюркПА было принято на парламентской конференции в Стамбуле, которая прошла 20 ноября 2008 г. Целями Парламентской ассамблеи стали: развитие сотрудничества, обмен информацией, пропаганда культуры, расширение торгово-экономических контактов, реализация совместных проектов и др. [9, с. 17]. По утверждению турецкого исследователя Э. Дурдулара, ТюркПА стал полноценным форумом для парламентской дипломатии, примером эффективного сотрудничества и интеграции тюркских стран в Евразии. Основными механизмами взаимодействия стали дебаты, прямой диалог.

Таким образом, Парламентская Ассамблея смогла стать альтернативным каналом внутри регионального сотрудничества [12, р. 119].

Доказательством того, что на интеграции тюркоязычных государств сосредоточились четыре страны – Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция, стал IX саммит глав тюркоязычных государств в городе Нахичевань (Азербайджан). На Саммите отсутствовали президенты Узбекистана и Туркменистана. По итогам встречи в Нахичевани, 3 октября 2009 г. было подписано Нахичеванское соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ).

Основными целями нового учреждения стали укрепление сотрудничества стран, поддержание мира и безопасности, сотрудничество в области экономики, в политической, природоохранной, культурной, научно-технической, военно-технической и в других направлениях⁷.

Лидер Казахстана Н. Назарбаев при формировании новой формы сотрудничества тюркских стран заявил о том, что для более эффективного взаимодействия государств необходимо сформировать действенный механизм для принятия совместных решений.

Во время девятого саммита глав тюркоязычных государств в Азербайджане было также предложено создать общетюркские инсти-

⁷О ратификации Нахичеванского соглашения о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств, Астана // Министерство юстиции Республики Казахстан [Электронный ресурс]. 2008–2014. URL : https://tengrinews.kz/zakon/parlament_respubliki_kazahstan/mejdu_narodnyie_otnosheniya_respubliki_kazahstan/id-Z100000341_/ (дата обращения : 08.10.2020).

туты для развития гуманитарных контактов между странами – Центр изучения тюркского мира, Тюркскую академию, с включением в нее Центра тюркской истории и культуры, Центр изучения тюркского языка, Тюркскую библиотеку, Тюркский музей [4, с. 81–82].

Директор Казахстанского Института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан Е. Карина отмечает, что выдвинутые Н. Назарбаевым в 2000-е гг. инициативы стали доказательством того, что Казахстан был заинтересован в развитии уникального диалога тюркских стран. Кроме того, казахстанский лидер рассматривал данное направление сотрудничества в контексте реализации в последующем китайского проекта «Новый шелковый путь»⁸.

Активная позиция Н. Назарбаева в развитии и пропаганде тюркского единства привела к открытию 25 мая 2010 г. в Казахстане Тюркской академии. Позднее в 2014 г. Академия получила статус международной и стала носить название – Международная тюркская академия. Целью Академии является координация и содействие научным исследованиям в области тюркологии (история, язык, культура, литература)⁹. В рамках Академии издается ряд периодических изданий “Turkic Weekly”, “GLOBAL-Turk”, «Алтаистика, тюркология, монголистика». Информационно-аналитический дайджест “Turkic Weekly” является еженедельным обзором по наиболее актуальным вопросам современных международных отношений¹⁰.

Издание “GLOBAL-Turk” является международным научным журналом, в котором рассматривается широкий круг вопросов развития евразийских государств (социально-экономическая ситуация, языковая политика, национальная историография и другое)¹¹.

Издание «Алтаистика, тюркология, монголистика» – журнал, в котором публикуются достижения в современной тюркологии, алтаи-

⁸Badretdin S. Pan-Turkism: past, present and future // Татарская газета [Электронный ресурс]. 2019. URL:<https://tatar.yuldash.com/079.html> (дата обращения: 01.09.2020).

⁹ GLOBAL-Turk, Нур-Султан //GLOBAL-Turk[Электронный ресурс]. 2015–2019. URL : <http://twesco.org/ru/global-turk/> (дата обращения : 08.10.2020).

¹⁰ Karin Y. The evolution of Turkic integration: an institutional foundation for interstate relations // Fifth summit of the Turkic council: a rising actor in regional cooperation in Eurasia, Ankara //Stratejik Araştırmalar Merkezi [Электронный ресурс]. 2019. URL : https://www.jstor.org/stable/resrep05095.13?seq=1#metadata_info_tab_contents(дата обращения : 08.10.2020).

¹¹ The Astana Declaration of the Parliamentary Assembly of Turkic-speaking Countries – 4 december 15, Baku // Парламентская ассамблея тюркоязычных стран [Электронный ресурс]. 2019. URL:https://turkpa.org/en/content/docs/declarations/525_the_astana_declaration_of_the_parliamentary_assembly_of_turkicspeaking_countries__4_december_2015 (дата обращения : 09.09.2020).

стике (лингвистике, литературоведении, фольклоре, источниковедении)¹².

Достижения Тюркской Академии говорят о популярности исследований тюркской культуры, истории. Потенциал исследовательского центра неоценим, в его рамках можно организовать различные научные исследования, проводить совместные лекции, заниматься публикацией полученных результатов и другое. Работа Академии также является доказательством стремления тюркских стран развивать полноценное гуманитарное сотрудничество.

Первый Саммит ССТГ прошел 21 октября 2011 г. в Алматы. В центре внимания саммита были вопросы развития экономических и торговых контактов, улучшение инвестиционного климата, анализ работы Тюркского делового совета. Также участники саммита обсудили идею формирования долговременного экономического сотрудничества. Второй саммит ССТГ проходил в Бишкеке 23 августа 2012 г. Тема заседания «Сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере». По итогам встречи был подписан ряд документов: Бишкекская декларация, Соглашение «О финансовых правилах Секретариата ССТГ», Соглашение «О создании Тюркской Академии», Устав фонда Тюркской культуры и наследия¹³.

В качестве доказательства усиления культурного сотрудничества стран, во время Бишкекского саммита, было принято решение о создании Союза тюркских университетов [2, с. 82].

В этих условиях стало очевидно, что Турция стала утрачивать инициативу в формировании тюркской интеграции.

16 августа 2013 г. состоялся третий саммит ССТГ в Габале (Азербайджан). Основная тема обсуждения развитие транспортных коммуникаций, упрощение таможенных процедур. Турецкий лидер обратился к Узбекистану и Туркменистану с призывом начать работу в рамках ССТГ.

Следующий саммит ССТГ, четвертый по счету, прошел в турецком городе Бодруме в 2014 г., участие в нем принял президент Туркменистана Г. Бердымухамедов. В Декларации, принятой по итогам

¹² TurkicWeekly, Нур-Султан // GLOBAL-Turk [Электронный ресурс]. 2015–2019. URL: <http://twesco.org/ru/turkic-weekly/> (дата обращения : 09.10.2020).

¹³ TÜRKSOY (Joint Administration of Turkic culture and art) / Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs, Ankara // Министерство иностранных дел Турции [Электронный ресурс]. 2011. URL:<http://www.mfa.gov.tr/turksoy.en.mfa> (дата обращения : 09.09.2020).

саммита, подчеркивалась дальнейшая необходимость укрепления сотрудничества стран на основе общей истории, языка, культуры [16, р. 29].

С 3 по 4 декабря 2015 г. в Астане проходило VI пленарное заседание Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран. Во время заседания была принята Астанинская декларация, которая признала необходимость дальнейшего укрепления отношений в экономике, деловой и инвестиционной сферах, совместной реализации проектов в энергетике, транспорте и коммуникациях.

За годы существования налажен целый механизм сотрудничества граждан стран-участниц организации в области политики, экономики и гуманитарном секторе. Основными формами сотрудничества стали встречи, симпозиумы, конференции, совместные чтения, лекции и выступления. Участие в работе мероприятий ТЮРКСОЙ могут принять представители сферы торговли, культуры, образования и искусства.

Выводы. Таким образом, идеология тюркского единства возникла на территории бывшей Российской империи в XIX в., после событий Первой мировой войны и Октябрьской революции в России идеология укрепилась в Турции, став основой внешней политики страны. Идеология тюркизма или пантюркизма получила широкое распространение во внешней политике Турции в отношении стран Центральной Азии в постсоветский период. Тюркоязычная интеграция позволила сформировать диалог стран в политической и гуманитарной сфере.

В 1990–2000-е гг. распространение идеологии тюркского единства проходило в два этапа: 1990–2008 гг. происходило становление развития сотрудничества на основе идеологии тюркского единства, постепенное ослабление данного формата сотрудничества. Начиная с 2008 г., инициативой казахстанского лидера Н. Назарбаева был открыт новый период взаимодействия стран тюркского партнерства. Сегодня распространение идеологии тюркского единства отождествляется с внешней политикой Турции, однако, укрепление позиции Казахстана в рамках интеграционных объединений говорит о том, что идеология стала фактором сближения стран.

Библиографические ссылки

1. Бурашникова А. Б. Неопантюркизм и неосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. Новая Серия. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 65–69.
2. Кажибоева Р. Ж. Тюркский Совет: новый формат сотрудничества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. С. 81–83.
3. Киреев Н. Г. Турция между Западом и Востоком // Ближний Восток и современность. Выпуск второй. Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996. С. 106–169.
4. Парубочая Е. Ф. Интеграция тюркского мира на современном этапе // Манускрипт. 2016. № 6. С. 147–151.
5. Парубочая Е. Ф. Саммиты тюркских государств (1992–2001 гг.): реальная платформа для сближения? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1. С. 113–120.
6. Ташкентская декларация глав тюркоязычных государств, от 21 октября 1996 г. // Ташкентская правда. 23 октября 1996 г. № 84. С. 1–2.
7. Троцкий Е. Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 84–88.
8. Червоная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 152–165.
9. Aras B. Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and options // Turkish Studies. 2000. № 1. P. 36–58.
10. Aydin M. Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus // Turkish Studies. 2004. № 2. P. 1–22.
11. Demir C. E., Balci A., Akkok F. The role of Turkish schools in the educational system and social transformation of Central Asian countries: the case of Turkmenistan and Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2000. № 19. P. 141–155.
12. Durdular E. Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking countries (TurkPA): beyond Parliamentary diplomacy // Perceptions. 2017. Vol. XXII. № 1. P. 115–142.
13. Hostler Ch. W. Türken und Sowjet S. Die historische Lage und die politische Bedeutung Türkvolker in der heutigen Welt // Frankfurt-Main: Alfred Metxner Verlag, 1960. 193 S.
14. Landau J. M. Pan-turkism : From Irredentism to cooperation // London: Hurst & Co, 1995. 274 p.
15. Jung D., Piccoli W. Turkey at the Crossroads: Ottoman legacies and a greater Middle East // London: Zed Books, 2001. 231 p.
16. Kaplan M., Yuvaci A., Amanov S. One Nation, many Voices & External Cohesion of the Turkic Council States in the United Nations General Assembly, 1993–2011 // Bilig. 2015. № 74. P. 125–150.

Дата поступления статьи: 19.11.2020.

Автор: Худайбердиева Нурбиби Худагулыевна – аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail : nuriya.dzhan.09@mail.ru.

THE SPREAD OF THE IDEOLOGY OF TURKIC UNITY

N. KH. KHUDAYBERDIEVA

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article discusses the spread of the ideology of pan-Turkism after the collapse of the Soviet Union. The restoration of the ideology of pan-Turkism at the end of the XX–XXI centuries. It is connected with Turkey's attempts to consolidate the ethnic identity of Turkic peoples to form effective cooperation in politics, economics and culture, as well as create a single (integrated) space based on the kinship that exists between these peoples with the prospect of implementing joint communication, energy and humanitarian projects.

The purpose of the article: to study the trends in the spread of the ideology of Turkic unity. The author of the work on the basis of sources, analysis of Turkish, Russian, Kazakhstani historiography reveals the features of the modern state of Turkic unity, the application of the ideology of pan-Turkism in Turkish foreign policy. The focus is on the study of issues of cooperation and rallying of the Turkic countries – Turkey, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan.

The author comes to the conclusion that today Turkey, Azerbaijan, Kazakhstan and Kyrgyzstan are most interested in spreading the ideology of Turkic unity.

To achieve the goals and objectives made possible through the use of general scientific and especially historical research methods.

The results obtained are of great interest for further study of the development of the ideology of Turkism.

Keywords: turkism; panturkism; Turkey; Azerbaijan; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Tajikistan; Turkmenistan; Uzbekistan; Turkish; Parliamentary Assembly of Turkish-Speaking.

For citations: Hudayberdieva N. Kh. (2020). The spread of the ideology of Turkic unity. In: *Actual Problems of International Relations and Global Development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 8, p. 103–118. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-103-118>

References

1. Burashnikova, A. B. (2013). Neopantjurkizm i neosmanizm vo vneshnej politike Turcii [Neopanturkism and neo-Ottomanism in Turkey's foreign policy]. In: *Saratov University Bulletin. New episode. History. International relationships*. T. 13. Issue. 2, p. 65–69. (In Russ.).

2. Kazhibaeva, R. Zh. (2015). Tyurkskij Sovet: novyj format sotrudnichestva [Turkic Council: a new format of cooperation]. In: *Humanities, socio-economic and social sciences*. P. 81–83. (In Russ.).
3. Kireev, N. G. (1996). Turcija mezhdz Zapadom i Vostokom [Turkey between West and East]. In: *Middle East and Modernity*. Second edition. Moscow: Institute for the Study of Israel and the Middle East, pp. 106–169. (In Russ.).
4. Parubochaya, E. F. (2016). Integracija tjurkskogo mira nasovremennom jetape [Integration of the Turkic world at the present stage]. In: *Manuskript*. No. 6, p. 147–151. (In Russ.).
5. Parubochaya, E. F. (2011). Sammity tjurkskih gosudarstv (1992–2001 gg.): real'naja platforma dlja sblizhenija? [Summits of the Turkic states (1992–2001): a real platform for rapprochement?] In: *Bulletin of the Volgograd State University*. Series 4: History. Regional studies. International relationships. No. 1, p. 113–120. (In Russ.).
6. Tashkentskaja deklaracija glav tjurkojazychnyh gosudarstv ot 21 oktjabrja 1996 g. (1996). [Tashkent declaration of the heads of the Turkic-speaking states, dated October 21, 1996]. In: *Tashkent truth*. October 23, No. 84, p. 1–2. (In Russ.).
7. Troitsky, E. F. (2009). Politika Turcii v Central'noj Azii (1992–2000 gg.) [Turkey's policy in Central Asia (1992–2000)]. In: *Bulletin of the Tomsk State University*. No. 328, p. 84–88. (In Russ.).
8. Chervonnaya, S. (2003). Pantjurkizm i panislamizm v rossijskoj istorii [Pan-Turkism and Pan-Islamism in Russian history]. In: *Otechestvennye zapiski*. No. 5, p. 152–165. (In Russ.).
9. Aras, B. (2000). Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and options. In: *Turkish Studies*. No. 1, p. 36–58.
10. Aydin, M. (2004). Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus. In: *Turkish Studies*. No. 2, p. 1–22.
11. Demir, C. E., Balci, A., Akkok, F. (2000). The role of Turkish schools in the educational system and social transformation of Central Asian countries: the case of Turkmenistan and Kyrgyzstan. In: *Central Asian Survey*. No. 19, p. 141–155.
12. Durdular, E. (2017). Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking countries (TurkPA): beyond Parliamentary diplomacy. In: *Perceptions*. Vol. XXII, No. 1, p. 115–142.
13. Hostler, Ch. W. (1960). Türken und Sowjet S. Die historische Lage und die politische Bedeutung Türkvolker in der heutigen Welt. Frankfurt-Main: Alfred Metxner Verlag. 193 S.
14. Landau, J.M. (1995). Pan-turkism: From Irredentism to cooperation. London: Hurst & Co, 274 p.
15. Jung, D., Piccoli, W. (2001). Turkey at the Crossroads: Ottoman legacies and a greater Middle East. London: Zed Books, 231 p.
16. Kaplan, M., Yuvaci, A., Amanov, S. (2015). One Nation, many Voices & External Cohesion of the Turkic Council States in the United Nations General Assembly, 1993–2011. Bilig. No. 74, p. 125–150.

Received: 19.11.2020.

About author: Khudayberdieva Nurbibi Khudagulyevna – post-graduate student of the Department of international relations of the Belarusian state University (Minsk); e-mail: nuriya.dzhan.09@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ В ФРГ: УРОКИ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. В. ШАРАПО

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются особенности предстоящего в 2021 г. транзита власти в ФРГ с учетом места и роли этого государства в современной европейской и мировой политике. Запланированная на следующий год отставка канцлера А. Меркель открывает вопрос о выборе дальнейшего политического курса ФРГ, который решится после появления нового лидера крупнейшей партии Германии – ХДС и достижения соглашения с другими политическими силами. Анализируется исторический опыт транзита власти в ФРГ в XX – начале XXI вв., которая переходила от ХДС к СДПГ и обратно в течение многих десятилетий. Это процесс происходил эффективно и стабильно благодаря наличию авторитетных партийных лидеров, которые были способны возглавить правительство ФРГ. Однако в 2020–2021 гг. транзит власти может осложниться, так как до сих пор открыт вопрос, кто сменит А. Меркель в качестве нового руководителя христианских демократов и будущего канцлера.

Исходя из этого, важным представляется сравнение транзита власти в ФРГ во второй половине XX века и в нынешнем столетии, результаты которого позволят определить особенности и наиболее важные тенденции, определяющие политическое развитие Германии на современном этапе.

Ключевые слова: ФРГ; внутренняя политика Германии; ХДС; СДПГ; парламентские выборы; правящая коалиция; лидерство.

Образец цитирования: *Шарапо А. В.* Особенности транзита власти в ФРГ: уроки прошлого и современность // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2020. Вып. 8. С. 119–133. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-119-133>

Введение. В теоретическом плане термин «транзит власти» политической транзитологией трактуется как переход тех или иных государств от авторитаризма к демократическим режимам. Особый интерес к этой теме возник в 1970-е – 1990-е гг. в связи с событиями в

Португалии, Испании и Греции, завершившимися падением авторитарных режимов. Однако в последние десятилетия, особенно, что касается публицистических материалов, этот термин получил более широкое применение и связывается уже не только с проблемами авторитаризма, но и со сменой власти в демократических государствах.

По этой причине использование этого термина для анализа избирательных кампаний в Федеративной Республике Германия представляется также вполне оправданным. При этом, естественно, нужно учитывать, что в условиях ФРГ его содержание, как и сам процесс транзита власти, в корне отличается от способов смены правления в различных авторитарных режимах.

Цель данной статьи – определить и охарактеризовать основные особенности намеченного на 2021 г. транзита власти в ФРГ, который обусловлен уходом в отставку канцлером А. Меркель.

Хронологические рамки изучаемых событий включают 2020–2021 гг., то есть период смены политического руководства ФРГ.

Актуальность данного исследования исходит из важности характеристики процесса транзита власти в крупнейшем государстве Европы, от внешнеполитических позиций которого зависит будущее европейской и глобальной политики. Предстоящий в 2021 г. уход канцлера А. Меркель в отставку ставит вопрос о дальнейшем курсе ФРГ как во внутренней, так и во внешней политике.

Методы исследования. Исследование опирается на принципы историзма и предусматривает использование общенаучных (анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедукция) и специальных исторических методов (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический). Исследование предполагает широкое применение структурного и системного методологических подходов.

Объектом исследования является предстоящий в 2021 г. транзит власти в ФРГ, обусловленный запланированным уходом в отставку нынешнего канцлера А. Меркель.

Предмет исследования – особенности транзита власти в ФРГ и его влияния на внутреннюю и внешнюю политику.

Обзор литературы по теме. Предстоящий транзит власти в ФРГ привлекает в настоящее время значительное внимание экспертов-германистов в Беларуси и других государствах, однако из-за актуальности событий, которые происходят в 2020 г. и будут продолжаться в 2021 г., исследуемая проблематика не получила необходи-

мого отражения в академических публикациях специалистов-международников Республики Беларусь и других государств.

Это обстоятельство подчеркивает необходимость системных исследований и разработки данной научной проблемы, что позволит представить и обосновать характеристику внутренней и внешней политики ФРГ в XXI в.

Среди белорусских исследователей-германистов, занимающихся изучением ключевых особенностей внутривластного развития и внешней политики современной Германии, следует назвать В. В. Фрольцова. В фокусе его научных интересов – процесс формирования и реализации внешнеполитической стратегии ФРГ на современном этапе, в первую очередь, в отношении стран Центральной и Восточной Европы. Эта важная проблематика отражена в публикациях «Внешне политические цели и задачи четвертого правительства А. Меркель», “The Eastern and South eastern European countries in the pre-election programs of the key German parties 2017”, “Russia, Ukraine, Belarus in the program documents of the three governments of Angela Merkel (2005–2017)” [2; 8; 9]. Нельзя не отметить и его монографию «Постсоветские государства во внешней политике ФРГ (1991–2005)», в которой детально рассмотрено влияние перехода власти от коалиции ХДС/ХСС и СвДП к СДПГ и «Зелёным» в 1998 г. на формирование политики в отношении постсоветских стран [3].

Значимые для понимания политического процесса в ФРГ особенности властных отношений были изложены автором этой статьи в книге «Политические системы и внешняя политика Германии, Австрии и Швейцарии», а также в публикациях «ФРГ после выборов в Бундестаг 2017 г. в поиске новой модели развития» и «Избирательная кампания 2017 г. в Германии: особенности межпартийной борьбы и проблемы формирования правительства» [4; 5; 6].

Среди российских исследователей проблемы транзита власти в ФРГ необходимо указать Н. В. Павлова. В монографии «Внешняя политика канцлера А. Меркель (2005–2017)» исследователь-германист раскрыл основные направления и аспекты внешнеполитического курса Германии в период нахождения у власти правительства А. Меркель [1]. Сходная тематика также нашла отражение в публикациях таких российских исследователей, как В. Б. Белов, И. Ф. Максимычев, Н. К. Меден, А. В. Огнева, С. В. Погорельская, Е. П. Тимо-

шенкова, Ф. О. Трунов в коллективной монографии «Экономика и политика Германии: через год после выборов» [7].

Тем не менее, сложный характер политических процессов в ФРГ накануне ожидаемого транзита требует продолжения исследования этой важной научной проблемы.

Результаты исследования. В широком смысле на переход власти в Германии оказывают влияние многие политические, экономические, социальные и религиозные факторы, ее традиции и даже национально-психологические особенности населения. При этом важно отметить, что немецкое общество не воспринимает смену правительства как некое эпохальное событие, как рубеж, за которым должна последовать перестройка всей политической системы государства. Для простого немецкого избирателя завоевание власти той или иной политической партией – это, прежде всего, надежда на решение его повседневных проблем. Перед ним, в отличие от граждан авторитарных режимов, не стоит вопрос – «если не этот лидер, то кто?». Для одних немцев очередной президент или канцлер страны является подтверждением их восприятия своего будущего, для других, – повод для открытой критики и желание победить в очередных выборах. Характерно, что сама избирательная кампания при всей ее напряженности и остроте не носит элементов вражды и антагонизма между сторонниками и противниками той или иной партии. Во многом это объясняется существованием в ФРГ юридически выверенной и контролируемой обществом избирательной системы, гарантирующей свободу выбора политических предпочтений. В свою очередь, это право стимулирует создание в ФРГ различных политических партий, каждая из которых претендует на власть. Однако, как показывает послевоенная история этого государства, добиться этой цели удастся лишь двум из них: Христианско-демократическому союзу, как правило, в блоке с Христианско-социальным союзом и Социал-демократической партией Германии. Вот как выглядит общая картина их побед и поражений в послевоенный период.

Федеральными канцлерами от ХДС за это время становились: К. Аденауэр (1949–1963 гг.); Л. Эрхард (1963–1966 гг.); К. Кизингер (1966–1969 гг.); Г. Коль (1982–1998 гг.); А. Меркель (с 2005 по настоящее время). Федеральные президенты: Г. Любке (1958–1969 гг.); К. Карстенс (1978–1984 гг.); Р. Фон Вайцзеккер (1984–1994 гг.); Р. Херцог (1994–1999 гг.); Х. Келлер (2004 –2010 гг.); К. Вульф

(2010–2012 гг.). От СДПГ федеральными канцлерами были: В. Брандт (1969–1974 гг.); Г. Шмидт (1974–1982 гг.); Г. Шредер (1998–2005 гг.). Федеральные президенты: Г. Хайнеман (1969–1974 гг.); Й. Рау (1999–2004 гг.); Ф. – В. Штайнмайер (с 2017 по настоящее время)¹. Общая продолжительность представительства ХДС в высших эшелонах власти: на посту канцлера – 51 год, в должности президента – 38 лет; соответственно от СДПГ: 20 и 13 лет. Единственное, что нарушило этот двухпартийный порядок транзита власти, стало пребывание в должности федерального президента от СвДП Т. Хейса (1949–1959 гг.) и беспартийного Й. Гаука (2012–2017 гг.). Такова общая картина смены власти в ФРГ, но и она со всей очевидностью демонстрирует главную ее особенность – абсолютное и долговременное доминирование на электоральном поле страны только этих двух ведущих партий.

Это объясняется многими причинами политического, исторического, социального и религиозного характера. В совокупности они предопределяли на определенном этапе выбор избирателя и победу одной из этих партий.

Если проанализировать все поствоенные избирательные кампании с точки зрения выбранных ХДС и СДПГ идеологием, которые приводили одну из этих партий к власти, а другую к поражению, то наиболее показательными можно назвать четыре из них – те, которые приходится на исторические рубежи Германии:

1) для христианских демократов К. Аденауэра и Л. Эрхарда (1949–1963 гг.) – лозунг «возрождение экономической и военной мощи Германии путем внедрения рыночной экономики и свободного предпринимательства; присоединение к системе безопасности западного мира (победы на выборах 1949, 1953, 1957, 1961 гг.);

2) для социал-демократов В. Брандта и Г. Шмидта (1969–1982 гг.) – идеологема «новая восточная политика»; отказ от военных амбиций прежнего руководства ХДС и нормализация отношений с СССР, Польшей, Чехословакией и ГДР (победы на выборах 1965, 1969, 1972, 1976, 1980 гг.);

3) для христианского демократа Г. Коля (1982–1998 гг.) – лозунг «народ Германии един; за равенство в уровне жизни западных и

¹Германия. Факты / Министерство иностранных дел ФРГ. Берлин : Societaets-Verlag. 2005. С. 58.

восточных немцев» (победы ХДС на выборах 1983, 1987, 1990, 1994 гг.);

4) для социал-демократа Г. Шредера (1998–2005 гг.) – идеологема «нет христианско-либеральной коалиции, не сумевшей обеспечить достойную жизнь восточным немцам; экономическая программа «Повестка 2010» нет растущему правозэкстремистскому движению» (победа СДПГ на выборах 1998, 2002 гг.).

Конечно, необходимо учитывать, что во всех этих победах далеко не последнюю роль играли партии второго эшелона, обеспечивающие на разных этапах большинство мест в парламенте при формировании коалиции с одной из них. Что касается «чистого» соотношения сил между ХДС и СДПГ, то, начиная с 1990-х гг., оно характеризуется примерно равным количеством голосов.

Рассмотрим основные причины популярности ХДС и СДПГ – причины циклического транзита власти между ними более подробно.

Во-первых, первичной популярности ХДС и СДПГ способствовала внутривнутриполитическая обстановка в Германии, сложившаяся в первые послевоенные годы, когда для немецкого общества были характерны неуверенность в будущем, разобщенность и растерянность перед трудностями. Немецкий избиратель видел выход из этой ситуации в приходе к власти твердого и решительного руководителя – лидера надежной политической силы. Как оказалось, наиболее подходящими в этом плане оказались лишь две из них – ХДС и СДПГ. Именно политическая борьба между ними в те годы предопределила характер и условия транзита власти в ФРГ на все последующие десятилетия.

Опыт первой избирательной кампании в Германии (1949 г.) показывает, что тогда главным фактором достижения победы и обеспечения транзита власти в свою пользу как христианские демократы, так и социал-демократы считали выработку наиболее оптимальной политической и идеологической концепции, отвечающей «злобе дня» того времени. Ее суть – сплочение немецкого общества под эгидой религиозных (для ХДС) и социальных (для СДПГ) идей.

Нужно отметить, что для ХДС завоевание симпатий избирателей во многом облегчилось «унаследованной» широкой религиозной базой: в те годы в ФРГ функционировали 8500 католических приходов, около 14 тысячи священников и 4500 других духовных лиц, около

100 тысяч монахов и монахинь, 9 тысяч монастырей². Религиозные идеи немцев активно поддерживала и оккупационные власти. В интересах же возрожденной в 1945 г. СДПГ работали зарождающиеся профсоюзы, ее идеи плановой экономики поддерживали значительная часть рабочих, часть интеллигенции и мелких собственников. Все это предопределило восприятие немецким обществом обеих партий в качестве политической силы способной возродить Германию и вернуть немцам веру в достойное будущее своей нации.

Во-вторых, выработка этими партиями убедительной, понятной для простого избирателя политико-экономических программ, отвечающих его повседневным и актуальным интересам (в качестве таковой христианскими демократами была предложена концепция Л. Эрхарда «социального рыночного хозяйства», свободная частная инициатива и конкуренция, а социал-демократами – идеи плановой экономики и доминирующей роли государства). Характерно, что обе эти программы были поддержаны примерно одинаковым количеством избирателей (ХДС – 25,2% голосов, СДПГ – 29,2%)³.

В-третьих, наличие близких по политическим и идеологическим платформам партнеров, готовых в случае необходимости войти в состав правительственной коалиции.

В качестве таковых для ХДС в выборах 1949 г. выступили Христианско-социальный союз, набравший 5,8% голосов и ставшая в будущем партнером ХДС по коалиции Свободная демократическая партия (11,9%). Именно суммарный итог этих трех партий (42,9% голосов) обеспечил первую победу ХДС и заложил основы ее будущей популярности⁴.

В-четвертых, наличие опытного, признанного не только в самой партии, но и в обществе лидера. Что касается ФРГ, то в ее историю в качестве таковых, в частности, были вписаны К. Аденауэр (ХДС), В. Брандт (СДПГ), Г. Коль и возможно таковой станет А. Меркель. Именно политическая харизма помогла на переломных исторических

²Павлов Н.В. Германия на пути в третье десятилетие. Москва : Высшая школа, 2001. С. 185.

³Одинцов А.В. Л. Эрхард и «немецкое чудо» // Rusrand.ru [Электронный ресурс]. 2017. URL : <http://rusrand.ru/analytics/lyudvig-erhard-i-nemeckoe-chudo-put-k-blagosostoyaniyu-dlya-vseh-prichina-uspeha-germanii-i-neuspeha-rossii> (дата обращения : 20.10.2020).

⁴Выборы в бундестаг: хроника 1949-2002 годов // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. 2005. URL : <https://www.dw.com/ru/выборы-в-бундестаг-хроника-1949-2002-годов/a-1650017-0> (дата обращения: 20.10.2020).

этапах этого государства обеспечить приход своих партий к власти и доказать немецкому обществу выбранного партией курса.

В частности, К. Аденауэру удалось восстановить разрушенную войной экономику, успешно решить проблемы рабочей силы, переселенцев и беженцев, приостановить демонтаж немецких предприятий, предоставить свободу предпринимательству и открыть дорогу рыночным отношениям. Как видим, все это касалось повседневных запросов немецкого населения и обеспечивало тем самым рост популярности ХДС. Во внешней политике – это включение государства в западную военно-блоковую систему (вступление ФРГ в 1955 г. в НАТО), сближение с США и активизация политики по западноевропейской интеграции (вступление ФРГ в Европейское объединение угля и стали и подписание Договора об учреждении Европейского оборонительного сообщества)⁵. Заметим, что все эти меры предпринимались на фоне откровенной антисоветской пропаганды, что также приветствовалось большинством населения послевоенной ФРГ. В целом, прагматичная внутренняя политика христианского демократа К. Аденауэра, позитивные результаты которой сказались на повседневной жизни послевоенного поколения ФРГ, в совокупности с активизацией внешнеполитической деятельности и военного сотрудничества с западными странами, обеспечили для ХДС двадцатилетнее пребывание у власти и не допустили ее транзита в пользу СДПГ.

Исторической личностью такого же масштаба стал для своего времени представитель СДПГ В. Брандт, сумевший объективно оценить сложившуюся в конце 1960-х гг. международную и внутриполитическую обстановку, убедивший немецкую общественность в необходимости отказа от воинствующих позиций ХДС и перехода к разрядке напряженности (присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия, договоры с СССР и Польшей о нормализации двусторонних отношений и т.д.). Как видим, в стремлении осуществить транзит власти в свою пользу СДПГ использовала инертность воинствующей концепции ХДС и ее неспособность объективно оценить смену политических воззрений молодого поколения немцев.

До определенного времени акцент на внешнеполитической деятельности и «новая восточная политика» В. Брандта давали свои по-

⁵Кузнецов Е. Европейская армия: миф или реальность // Eurasia.expert [Электронный ресурс]. 2019. URL : <https://eurasia.expert/evropeyskaya-armiya-mif-ili-realnost/> (дата обращения : 20.10.2020).

ложительные результаты (парламентские выборы 1972 г. – правящая коалиция СДПГ и СвДП набрала 54,2% голосов). Однако, даже такой лидер, как В. Брандт, завоевавший в определенном смысле популярность «миротворца», не сумел сохранить свое лидерство в самой СДПГ, подтвердив известную истину, что транзит власти может иметь место не только по отношению к оппозиционным партиям, но и во внутрипартийных отношениях. Причина ухода В. Брандта – экономический кризис 1973–1974 гг., а в личном плане – разоблачение его референта Г. Гийома как агента разведки ГДР.

Даже при всем при том, что сменивший В. Брандта на посту канцлера его однопартиец Г. Шмидт все же сумел до 1982 г. предотвратить транзит власти в пользу ХДС, политические и экономические просчеты его предшественника стали тогда началом транзита власти в пользу ХДС и восхождения христианского демократа Г. Коля.

Вместе с тем, в контексте рассматриваемой темы, следует отметить, что период правления СДПГ в эпоху В. Брандта и Г. Шмидта стал для оппозиционной ХДС своеобразным этапом «работы над ошибками» и извлечения «уроков». Это выражалось в переоценке роли партий второго эшелона как возможных кандидатов при формировании коалиции. Временная потеря в качестве таковой СвДП стоила для ХДС долгого, пятнадцатилетнего отлучения от власти. Не менее важной была и переоценка значимости земельных партий, имеющих сходную с ХДС идеологическую базу. Речь идет о Христианско-социальном союзе (ХСС), который в начале 1970-х гг. стал завоевывать все большую политическую популярность не только на земельном (Бавария), но и федеральном уровне (образование в бундестаге самостоятельной фракции ХСС, формирование Ф.-Й. Штраусом т.н. «четвертой партии»). И хотя этот «взлет» ХСС вначале критически воспринимался руководством ХДС, к 1980-м гг. их блокировка оказала решающее влияние на процессы транзита власти.

Первой политической «жертвой» этого союза стал социал-демократ Г. Шмидт, которому в октябре 1982 г. был вынесен вотум недоверия, а к власти пришла правительственная коалиция уже нового формата (ХДС/ХСС – СвДП) во главе с Г. Колем. Роль партий второго эшелона в ней очевидна⁶. Эпоха правления Г. Коля – это боль-

⁶Варкентин А. Г. Шмидт: решительный и бескомпромиссный// Inosmi.ru [Электронный ресурс]. 2015. URL : <https://inosmi.ru/world/20151111/231304072.html> (дата обращения : 20.10.2020).

шая аналитическая тема, однако, в контексте транзита власти она является примером того, как харизма, опыт и компромиссная политика лидера помогают не только сохранить влияние своей партии, но и решать многие международные проблемы. Конечно, в первую очередь, речь идет о роли Г. Коля в объединении Германии. Это историческое событие предопределило рост популярности христианских демократов вплоть до 1998 г. На выборах 1990 г. ХДС/ХСС получили 43,9%; СДПГ – 33,5% голосов, наследница СЕПГ Партия демократического социализма – лишь 2,4%⁷.

Однако, как и в случае с канцлером К. Аденауэром и партией христианских демократов его времени, перипетии транзита власти негативно сказались даже и на такой политической фигуре, как Г. Коль. Здесь просматривается и то же долголетие правления ХДС (16 лет) и завышенные ожидания жителей восточных земель («осси») быстрого и обещаемого равенства в уровне жизни с «весси», а в целом, провал четырехлетней экономической программы Г.Коля. Транзит власти от ХДС/ХСС к СДПГ был предрешен.

На выборах в сентябре 1998 г. социал-демократы получили 40,9% голосов, а ХДС/ХСС – 35,1% и как результат – канцлером ФРГ стал представитель СДПГ Г. Шредер⁸. Пожалуй, с этого момента мы можем говорить о начале качественно нового этапа в процессе транзита власти в ФРГ, когда политики нового поколения стали брать на вооружение не только положительный опыт избирательной борьбы своих предшественников за власть, но и извлекать из него уроки для себя. Такое поведение диктовали для них коренные сдвиги в мировой политике, экономике и международных отношениях XXI века.

Особенно показательно влияние внешних и внутренних факторов на стратегию и тактику этих партий в борьбе за власть просматривается после победы христианских демократов на выборах 2005 г. и появлении на политическом поле Германии лидера нового поколения А. Меркель. Годы ее правления, особенно, что касается первой его половины, это наиболее красноречивый пример умелого использования опыта борьбы за власть своих предшественников.

⁷Вяткин К.С. Гельмут Коль // Istorja.ru [Электронный ресурс]. 2015. URL : <http://istorja.ru/articles.html/germany/helmut-kohl/> (дата обращения : 20.10.2020).

⁸Шредер Герхард // Лига. Досье [Электронный ресурс]. 2017. URL : <https://file.liga.net/persons/shreder-gerkhard> (дата обращения : 20.10.2020).

В политических решениях А. Меркель того периода просматриваются и отголоски ее общественной деятельности в условиях ГДР (стремление удовлетворить потребности простого избирателя), и черты руководителя современной формации (прагматизм и отстаивание интересов Германии на международной арене). Проигрыш социал-демократов на всех последующих после 2005 г. выборах во многом объяснялся именно отсутствием лидера такого же уровня, как А. Меркель.

Но не только этим. Правительству канцлера А. Меркель в первой декаде ее правления удалось минимизировать последствия для ФРГ финансового кризиса 2008 г., укрепить лидерство Германии в структуре Евросоюза и войти в число ведущих мировых держав. Для электората страны – это был очевидный аргумент в пользу дальнейшего сохранения власти христианских демократов.

Как оказалось, рубежом такого доверия избирателей для ХДС оказался 2013 г., когда победа этой партии (33,8% голосов) и провал СДПГ (23%)⁹, казалось бы, должны были гарантировать популярность ХДС/ХСС и дальше.

Однако последующие внутрипартийные и внешнеполитические события внесли существенные и, в основном негативные для христианских демократов коррективы. Это объясняется рядом причин, которые по своему характеру тесно связаны с проблематикой транзита власти в условиях внутри- и внешнеполитической неопределенности.

С точки зрения геополитики, глобализация и финансовый кризис, оказали существенное влияние на экономику ФРГ и привели к сближению интересов различных слоев населения, консолидации электората вокруг единых лозунгов и призывов с требованиями уже не только к правящей ХДС, но и к ее оппоненту СДПГ.

Это привело к падению их электоральной популярности и авторитета как к надежным и действенным инструментам поддержания экономической и политической стабильности. В плане внутрипартийных отношений снижение доверия к двум ведущим партиям привело к росту интереса избирателей к программам партий «второго эшелона» (выборы 2013 г.: СвДП – 14,6% голосов, Левая партия –

⁹Нестеров В.Б. Говорим партия – подразумеваем Меркель// Информационно-аналитический портал (ava.md) [Электронный ресурс]. 2013. URL : <https://ava.md/election/> (дата обращения : 02.09.2019).

11,9%, «зеленые» – 10,7%)¹⁰. Эта картина существенно дополняется очевидным результатом «Альтернативы для Германии» в 2017 году – 12,6% голосов¹¹.

И наконец, «электоральным ударом» по престижу ХДС и популярности лично А. Меркель стали просчеты ее иммиграционной политики, приведшей к распространению среди немецкого населения убеждений в том, что «Германия перестает быть страной для немцев», и т.п. Если добавить к этому большие проблемы у ХДС с определением будущих лидеров своей партии, кандидатуры на пост будущего канцлера, противоречия между федеральными и земельными ее организациями, то можно сделать вывод – транзит власти в ФРГ в 2021 году непредсказуем.

Обсуждение результатов. Наиболее значимые результаты проведенного исследования применительно к ключевому приоритету внешней политики ФРГ на современном этапе – отношениям с Россией – представлены в докладе «Германо-российские отношения в XXI веке как объект исследования ученых-международников» в ходе 19-й международной научной конференции «Беларусь в современном мире», проходившей на факультете международных отношений ФМО БГУ 29 октября 2020 г.

Выводы. Во-первых, проблема транзита власти в ФРГ является одной из важнейших в процессе изучения особенностей внутривластного развития германского государства, так как именно от эффективности государственной власти зависит внешнеполитический потенциал Германии и та роль, которую ФРГ играет на международной арене.

Во-вторых, на протяжении послевоенной истории транзит власти обеспечивался благодаря авторитету и политическому опыту лидеров основных германских партий: ХДС и СДПГ, что позволяло обеспечить преемственность и стабильность развития ФРГ, от чего зависело экономическое благополучие и устойчивость политической системы.

¹⁰ Партия Меркель одерживает убедительную победу// Deutsche Welle [Электронный ресурс]. 2013. URL : <https://www.dw.com/ru/партия-меркель-одержала-убедительную-победу-на-выборах-в-бундестаг/a-17106381> (дата обращения : 20.10.2020).

¹¹ Партия Меркель победила на выборах в бундестаг // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. 2017. 25 сентября. URL : <https://www.dw.com/ru/партия-меркель-победила-на-выборах-в-бундестаг/a-40659339> (дата обращения : 20.10.2020).

В-третьих, кризисные проявления внутри ХДС, обусловленные борьбой за партийное лидерство после ухода А. Меркель с поста главы партии и планируемой отставки с должности канцлера, могут стать предпосылкой для длительного и сложного транзита власти, который будет сопровождаться как противостоянием между различными силами внутри ХДС, так и межпартийным соперничеством правых и левых партий. Без его преодоления избежать политического кризиса, связанного с транзитом власти, будет затруднительно.

Библиографические ссылки

1. Павлов Н. В. Внешняя политика канцлера А. Меркель (2005–2017). М. : МГИМО – Университет, 2018. 388 с.
2. Фрольцов В. В. Внешнеполитические цели и задачи четвертого правительства А. Меркель // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2017. № 3–4 (82–83). С. 10–18.
3. Фрольцов В. В. Постсоветские государства во внешней политике ФРГ (1991–2005). Минск : БГУ, 2013. 431 с.
4. Шарапо А. В. Избирательная кампания 2017 г. в Германии: особенности межпартийной борьбы и проблемы формирования правительства: учебные материалы для студентов. Минск: БГУ, 2018. 95 с.
5. Шарапо А. В. Политические системы и внешняя политика Германии, Австрии и Швейцарии: учеб. пособие. Минск: БГУ, 2007. 231 с.
6. Шарапо А. В. ФРГ после выборов в Бундестаг 2017 г. в поиске новой модели развития // Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований: сб. научных статей и материалов / сост. : А.В. Касович, В.А. Космач, А.Ф. Великий, И.И. Ковяко. Псков: ООО «ЛОГОС», 2018. С. 238–245.
7. Экономика и политика Германии: через год после выборов [монография] [В.П. Фёдоров и др.; отв. ред. Е.П. Тимошенко]. М. : Ин-т Европы РАН, 2019. 134 с.
8. Froltsov V. V. Russia, Ukraine, Belarus in the program documents of the three governments of Angela Merkel (2005–2017). J. Belarus. State Univ. Int. Relat. 2018. No. 1. Pp. 3–9.
9. Froltsov V. V. The Eastern and Southeastern European countries in the pre-election programs of the key German parties 2017. J. Belarus. State Univ. Int. Relat. 2017. No. 2. Pp. 24–30.

Дата поступления статьи: 01.11.2020.

Автор: Шарапо Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

KEY FEATURES OF POWER TRANSIT IN GERMANY: LESSONS OF THE PAST AND MODERNITY

A. V. Sharapa

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article examines key features of the upcoming transit of power in Germany in 2021, taking into account a place and role of this state in the modern European and World politics. The Chancellor Merkel's planned resignation next year opens up a question of choosing a further political course for Germany, which will be decided after coming of a new leader of the Germany's largest party, the CDU, and reaching an agreement with other political forces. The article examines the historical experience of the transit of power in Germany in the 20th – early 21st centuries, which passed from the CDU to the SPD and vice versa for many decades. This process took place efficiently and steadily thanks to the competent party leaders who were able to head the German governments. However, in 2020–2021 the transit of power may be complicated since the question is still open who will replace A. Merkel as the new leader of the Christian Democrats and the next Chancellor.

Based on this, it is important to compare the transit of power in the Federal Republic of Germany in the second half of the 20 century and in the 21 century, the results of which will determine the features and the most important trends determining the political development of Germany at the present stage.

Key words: Germany; domestic policy of Germany; CDU; SPD; parliamentary elections; ruling coalition; leadership.

For citation: Sharapa, A. V. (2020). Key features of power transit in Germany: lessons of the past and modernity. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 8, p. 119–133. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-119-133>

References

1. Pavlov, N. V. (2018). Vneshnyaya politika kanclera A. Merkel' (2005–2017). [Foreign policy of Chancellor Angela Merkel (2005–2017)]. Moscow, MGIMO-University, 388 p. (In Russ.).
2. Frolov, V. V. (2017). Vneshnepoliticheskie celi i zadachi chetvertogo pravitel'stva A. Merkel'. [Foreign policy goals and objectives of the fourth government of Angela Merkel]. In: *J. Int. Law & Int. Relat.* 3-4 (82-83), pp. 10–18. (In Russ.).

3. Frolov, V. V. (2013). Postsovetskie gosudarstva vo vneshnej politike FRG (1991–2005). [Post-Soviet states in the foreign policy of Germany (1991–2005)]. Minsk, BSU, 431 p. (In Russ.).
4. Sharapa, A. V. (2018). Izbiratel'naya kampaniya 2017 g. v Germanii: osobennosti mezhpartiynoy bor'by i problemy formirovaniya pravitel'stva: uchebnye materialy dlya studentov. [*The 2017 election campaign in Germany: features of the inter-party struggle and the problems of government formation: reader for students*]. Minsk, BSU, 95 p. (In Russ.).
5. Sharapa, A. V. (2007). Politicheskie sistemy i vneshnyaya politika Germanii, Avstrii i SHvejcarii: ucheb. posobie. [Political systems and foreign policy of Germany, Austria and Switzerland: reader for students]. Minsk, BSU, 231 p. (In Russ.).
6. Sharapa, A. V. (2018). FRG posle vyborov v Bundestag 2017 g. v poiske novoy modeli razvitiya. [Germany after the 2017 Bundestag elections in search of a new development model]. In: *Historical German Studies: Actual Problems of Contemporary Research*. Pskov, Logos, pp. 238–245. (In Russ.).
7. Fiodorov, P. [etc.] (2019). Ekonomika i politika Germanii: cherez god posle vyborov [monografiya]. [German Economy and Politics: One Year After the Elections]. Moscow, Europe Institute of the Russian Academy of Sciences, 134 p. (In Russ.).
8. Frolov, V. V. (2018). Russia, Ukraine, Belarus in the program documents of the three governments of Angela Merkel (2005–2017). In: *J. Belarus. State Univ. Int. Relat.* 2018. No. 1. Pp. 3–9.
9. Frolov, V. V. (2017). The Eastern and Southeastern European countries in the pre-election programs of the key German parties 2017. In: *J. Belarus. State Univ. Int. Relat.* No. 2. Pp. 24–30.

Received: 01.11.2020.

About author: Sharapa Aliaksandr Viktaravich – Doctor of Sciences in History (Dr. Hab.), Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University (Minsk); e-mail: sharapa@bsu.by.

BELARUSIAN-NORWEGIAN COOPERATION ON THE ISSUE OF UN REFORM: CURRENT STATE AND PROSPECTS

D. V. LUZAN, S. F. SVILAS

*Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus*

Abstract. The article examines one of the most pressing problems of modern world politics, which is the reform of the United Nations that is studied in the context of regional cooperation of the member states and its possible intensification in this area. Based on the analysis of diplomatic documents introduced into scientific circulation for the first time, a detailed description of the current state and prospects of cooperation between Norway and Belarus in the direction of reforming the UN is given.

Recently, there has been noticed a significant intensification of interaction between the two countries in various spheres of public life both at the European and global levels (consultations between the ministries of foreign affairs and the dialogue of their leaders, the growth of trade turnover, the exchange of technologies, the development of tourism). That stimulates the activities of diplomatic missions of Norway and Belarus to the UN, aimed at adapting and updating the work of the Organization in the light of new trends and processes in international life.

The key directions of the UN institutional reform, according to which it is possible to implement the Belarusian-Norwegian cooperation in the studied area, include the Security Council, the General Assembly, the Economic and Social Council, the Human Rights Council, the institute of peacekeeping. Twenty initiatives supported by Minsk and Oslo were considered, which could become the basis for cooperation in this direction. It is emphasized that the reform of the Security Council is most likely to become a starting point for fruitful interaction. At the same time, it will be possible to speak about the significance of steps to deepen it only if at least ten mutually complementary initiatives are implemented. The conditions for realizing the potential of cooperation have been determined as well; they include the creation of a developed legal framework for bilateral relations, their transfer to the level of embassies, the accession of the Republic of Belarus to the ACT Group of which Norway is a member.

Keywords: post-bipolar system of international relations; globalization; multilateral diplomacy; UN reform; regional cooperation; foreign policy and diplomacy of Norway; foreign policy and diplomacy of Belarus; Belarusian-Norwegian cooperation.

For citation: Luzan D., Svilas S. (2020) Belarusian-Norwegian cooperation on the issue of UN reform: current state and prospects. In: *Actual problems of international relations and global development : collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 8, p. 134–146. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-134-146>

Introduction. In the twenty-first century, when the contradictory process of globalization continues to intensify the international community is particularly concerned about the prospects of the United Nations considering it as an integral element of the modern system of international relations and global security. At the beginning of the XXI century, many states, supporting the trend towards polycentrism in the conditions of the US hegemony, expressed discontent with the declining role of the UN in international relations, and raised the question of a comprehensive reform of the Organization in order to strengthen its authority and influence in the world. Since then, the revitalization of the UN has been occupying an important place in the foreign policy of many states being defined as one of the priorities of world politics.

An intrinsic condition for the modernization of the United Nations is supposed to be the qualitative improvement of regional cooperation both at the level of country teams at headquarters (representative offices and delegations to forums) and at the level of regional organizations. The result of bilateral inter-state cooperation and joint efforts to strengthen and update the work of the UN can be the modification of ways out of the current crisis for the better when the number of critics of the post-1991 world order is constantly growing.

In this regard, considering the possibilities of cooperation on the issue of UN reform can open up new horizons for Belarusian-Norwegian cooperation, and bring relations between Minsk and Oslo to a qualitatively new level.

The purpose of the study is to reveal and assess the prospects of inter-state cooperation between Norway and Belarus in the direction of the United Nations reform.

The objectives of the study are to characterize and compare the approaches of Belarus and Norway to the UN reform, to assess the possibilities of Belarusian-Norwegian cooperation on the organization's modernization, and to suggest measures to strengthen cooperation between Minsk and Oslo in this area.

The chronological framework of the study covers the period of the second half of the 2010 smarked by a significant intensification of cooper-

ation between Belarus and Norway in different spheres of public life, both at the European and global levels. An actively promoted format of political dialogue in recent years has been consultations between the foreign ministries of the two countries¹, there has taken place a regular dialogue between the foreign ministers of the states^{2,3}, including in the framework of the UN⁴, significant progress has been made in the field of trade, economy and technology exchange⁵. At the same time, Minsk and Oslo have emphasized the need for further participation in the development of multilateral diplomacy. The studied aspect of inter-state cooperation has been repeatedly discussed in the framework of the joint Belarusian-Norwegian dialogue^{6,7}.

The relevance of the study is determined by the importance of the discussion on the ways to increase the effectiveness of the UN, the active development of the Norwegian-Belarusian relations in the context of global relations, as well as the insufficient development of the issue in historiography. For this reason, the research is based mainly on information gathered from *primary sources* including official reports of meetings of UN bodies and speeches of Belarusian and Norwegian diplomats from the UN rostrum stored in UN digital resources, as well as publications on the websites of the foreign ministries of the two states.

Research methods. When conducting the research, the systematic, value, macro- and microsociological approaches were applied, there were used both general scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization, induction, deduction) and special methods (institutional, structural and functional, analysis of political and diplomatic discourse).

The object of the research is the foreign policy of the Kingdom of Norway and the Republic of Belarus at the present stage.

¹ Deputy Minister of Foreign Affairs of Belarus O. Kravchenko visits Norway (2020). In: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus. URL: http://mfa.gov.by/en/press/news_mfa/bf1f6a1602441349.html (accessed 18.08.2020).

² Belarusian, Norwegian Foreign Ministers meet in New York (2019) In: Website of The Embassy of the Republic of Belarus in the Kingdom of Sweden. URL: <http://sweden.mfa.gov.by/en/embassy/news/b41d465fd1127bb9.html> (accessed 2020 August 18).

³ Belarus, Norway discuss bilateral cooperation, interaction in UN (2020) In: BELTA. URL: <https://eng.belta.by/politics/view/belarus-norway-discuss-bilateral-cooperation-interaction-in-un-130097-2020/> (accessed 2020 August 18).

⁴ See 2.

⁵ See 1.

⁶ See 1.

⁷ See 3.

The subject of the research is the activity of the diplomatic missions of Norway and Belarus in the UN aimed at adapting and updating the work of the Organization in the light of new trends and processes in international life (initiatives, proposals, projects and their content).

Literature review. The issue of UN reform as a whole is covered quite well in historiography. In the Russian scientific community, recognized experts on this issue are V. Zaemskiy⁸, L. Grishaeva⁹, A. Nikitin¹⁰. In Western historiography the problem has been raised by Edward C. Luck¹¹, Thomas G. Weiss¹² and others. Nevertheless, the approaches of some states, in particular Belarus and Norway, to UN reform are clearly not sufficiently represented.

Concerning Belarus' approaches to UN reform they were partly examined by a career diplomat A. Sychev in the article "Respublika Belarus' i OON [*the Republic of Belarus and the UN*]" [1]. Among the Belarusian priorities, he highlighted the adaptation of the Security Council to modern

⁸ Zaemskiy, V. (2009) Reformy OON i mirotvorchestvo [The UN reform and peacekeeping]: the Dissertation of Doctor of Sciences in Politics. Moscow, 352 p.

Zaemskiy, V. (2011) Komu nuzhna reforma OON: v interesah vseh i kazhdogo [Who needs a reform of the United Nations: in everyone's interest]. – Moscow, 296 p.

⁹ Grishaeva, L. (2008) Genezis uchastija Rossii v dejatel'nosti OON: prioritetnye napravlenija (1945 - 2007) [Genesis of Russia's participation in the UN: priority directions (1945-2007)]: the Dissertation of Doctor of Sciences in History. Moscow, 456 p.

Grishaeva, L. (2007) Rossija i OON: istorija i sovremennost' [Russia and the UN: history and modernity]. Moscow, 500 p.

¹⁰ Nikitin, A. (2017) Mezhdunarodnye konflikty: vmeshatel'stvo, mirotvorchestvo, uregulirovanie: Uchebnik [International conflicts: intervention, peacemaking, settlement: Textbook]. Moscow, 384 p.

Nikitin, A. (2016) Novaja sistema otnoshenij velikih derzhav XXI veka: «koncert» ili konfrontacija? [New system of relations between the great powers of the XXI century: "concert" or confrontation?] In: Polis, Vol. 1, p. 44-59.

Nikitin, A. (2016) Mirotvorchestvo OON: obnovlenie principov, reformirovanie praktiki [UN peacekeeping: an update of principles, reforming practice]. In: World Economy and International Relations, Vol. 3, p. 16-26.

¹¹ Thomas G. Weiss. (2003) The Illusion of UN Security Council Reform. In: The Washington Quarterly, No 26, p. 147-161.

Weiss T. G., Young K. E. (2005) Compromise and Credibility: Security Council Reform? In: Security Dialogue, Vol. 36, p. 146-168.

Thomas G. Weiss, Sir Brian Urquhart. (2013) What's Wrong with the United Nations and How to Fix it. Wiley, 288p.

¹² Luck E. C. (2006) The Survivors: The United States and the United Nations in Troubled Times. In: American Foreign Policy Interests, Vol. 28, p. 293-296.

Edward C. Luck. (2003) Reforming the United Nations: Lessons from a History in Progress. In: New Haven: Academic Council on the UN System, 74 p.

realities, the revitalization of the General Assembly and work on clarifying the provisions of the UN Charter.

The position of Belarus on the UN reform was analyzed by A. Tikhomirov in the monograph “Vneshnjaja politika Respubliki Belarus’ (1991–2015) [*Foreign policy of the Republic of Belarus (1991-2015)*]” [2], as well as in the article “Vzaimodejstvie Respubliki Belarus’ i OON (1991-2015) [*Interaction of the Republic of Belarus and the UN (1991-2015)*]” [3]. The expert expressed the opinion that at the beginning of the XXI century, Belarus relied on rationalizing the activities of the central UN bodies by giving them “adequate opportunities for the effective implementation of the Charter goals and objectives”.

Norwegian approaches to UN reform have not been studied in academic circles. The existing assessment of the potential and proposals of the Norwegian side is mainly contained in specialized reports of the Norwegian Ministry of Foreign Affairs¹³.

Thus, the historiography lacks a description of the current state of Belarusian-Norwegian relations and an assessment of their potential, including on the issue of the UN reform.

Results of the research. The study revealed that the key areas of institutional reform of the UN considered by the Norwegian side are the reform of the Security Council, modernization of the General Assembly, the Economic and Social Council, the Human Rights Council, as well as peacekeeping. This mainly coincides with the directions of the UN reform being developed by the Republic of Belarus, except that the Belarusian diplomacy also has a well-formed position on the issue of the UN Secretariat reform.

¹³ Prosjektrapport. FN 2015. Hvordan kan Norge bidra til reform og styrking av FN? [Project report. UN 2015. How Can Norway contribute to the reform and strengthening of the United Nations?] (2011). In: Utenriksdepartementet. Oslo, 124 p. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/fn/fnrappport_2011nett.pdf (accessed 2020 November 14). (In Norw.)

Aktuelle FN-spørsmål. FNs 60. generalforsamling. Høsten 2005 [Current UN questions. UN 60. General meeting. Autumn 2005] (2005). In: Utenriksdepartementet. Oslo, 165 p. URL: <https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/kilde/ud/bro/2005/0119/ddd/pdfv/255233-fnaktuell05.pdf> (accessed 2020 November 14). (In Norw.)

Meld. St. 33 (2011–2012). Melding til Stortinget. Norge og FN: Felles framtid, felles løsninger [Meld. St. 33 (2011–2012). Message to parliament. Norway and the United Nations: Joint future, joint solutions] (2012). In: Utenriksdepartementet. Oslo, 117 p. URL: https://www.mynewsdesk.com/material/document/23252/download?resource_type=resource_document (accessed 2020 November 14). (In Norw.)

The study found that 20 initiatives supported simultaneously by the Kingdom of Norway and the Republic of Belarus can become the foundation for Norwegian-Belarusian cooperation in the framework of UN reform (see table 1). At the same time, significant steps to deepen such cooperation can be taken if more than 10 mutually complementary initiatives are implemented on a joint basis (these are the initiatives supported by either of the parties, but being estimated to meet the interests of the other party). It should be noted that the largest number of them was recorded in the analysis of Norwegian and Belarusian approaches to the reform of the UN Security Council. Such a situation may most likely indicate that the reform of this central UN body will serve as a starting point for the joint expression of the will of the states in the process of reforming the organization as a whole.

Table 1. Common and mutually complementary initiatives of the Republic of Belarus and the Kingdom of Norway in the UN reform

	Mutually complementary	Belarus	Norway
Clarification of UN funding issues		+	+
– completeness, unconditionality and compliance with time limits by states in fulfilling financial obligations	MC		+
– priority of budget financing of UN activities over sponsorship	MC	+	
– consideration of the business segment as a partner in financial matters		+	+
Clarification of issues of interaction between the GA and the SC		+	+
– legal support of the process	MC	+	
Updated and more effective UN country teams		+	+
Development of cooperation with regional organizations		+	+
– including Groups of Friends		+	+
– special attention to the African Union	MC		+
The expansion of UN cooperation with civil society		+	+
The UN Security Council reform		+	+
– a more transparent, inclusive and accountable body		+	+
– expansion so as to reflect the realities of the modern world		+	+
– expansion in both the permanent and the non-permanent category		+	+
– special attention to the region of Africa		+	+

– special attention to the Eastern Europe region, as well as other underrepresented regions	MC	+	
– expanding the representation of developing states	MC		+
– more opportunities for small states to be elected	MC		+
– the principle of fiscal neutrality	MC	+	
Strengthening the role of the President and Vice-presidents of the GA		+	+
– financial and technical assistance	MC	+	
– providing a better “institutional memory”		+	+
– additional powers, including in informal negotiations to move directly to the topic of negotiations instead of general discussion	MC		+
Optimizing the election process for the Secretary-General		+	+
– achieving greater transparency in the process		+	+
Optimizing the interaction of the ECOSOC with international economic organizations, including the World Trade Organization (WTO)		+	+
– reducing politicization of approaches to cooperation with developing countries	MC	+	
– solving the problem of monopolization of rights to join the WTO	MC	+	
– developing a joint WTO-UN strategy to assist countries affected by conflict, instability or violence	MC		+
Achieving gender equality within the UN		+	+
Peacekeeping reform		+	+
– more goal-oriented missions		+	+

Source: authoring on the basis of the reports of the Ministry of Foreign Affairs of Norway¹⁴, the official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus¹⁵, the UN Digital Library¹⁶ and the United Nations PaperSmart¹⁷.

It was found out that the potential of bilateral cooperation in the framework of UN reform is not limited exclusively to mutually complementary initiatives. There is a host of proposals, on which only one of the

¹⁴ See 13.

¹⁵ The official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus. URL: <http://www.mfa.gov.by/en/> (accessed 2020 March 20).

¹⁶ The United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/> (accessed 2020 April 15).

¹⁷ United Nations PaperSmart. URL: <https://papersmart.unmeetings.org/en/> (accessed 2020 May 5).

two states has formed an opinion. Finding a compromise on such issues could significantly deepen Norwegian-Belarusian cooperation in the UN.

To illustrate, let us consider some aspects of the reform of the above-mentioned Security Council. Thus, the Belarusian diplomacy has not previously expressed the need to update the rules on the use of the veto by permanent members of the Council. At the same time, the Norwegian side has formed its position on this issue: “It must be recognised that in instances today where the Council fails to live up to its Charter obligations, a main source of this inability to act is the veto”¹⁸.

In the framework of the research, an inversion of this example was found as well. The Republic of Belarus supports the creation of a clear mechanism for the introduction and lifting of sanctions, as well as counter-acting their impact on non-involved states. According to the position of the Belarusian diplomacy, the “humanitarian limits” of sanctions must be determined and the likely consequences for third countries and the civilian population, especially the most vulnerable groups, must be calculated¹⁹. Nonetheless, when studying the Norwegian approaches to the reform of the UN Security Council the formulated position on the issue of sanctions was not found.

This example clearly demonstrates the potential of Belarusian-Norwegian cooperation in reforming the Security Council, as well as the UN system as a whole. Reaching an agreement and finding common ground on a wealth of such issues could greatly contribute to bringing Norway and Belarus closer together at both regional and global levels.

Along with that, there are certain contradictions in the positions of states in relation to some UN bodies (in particular, the Human Rights Council). Historically, there has been a “split” between Western and Eastern interpretations of the concept of “human dignity”, which underlies the understanding of human rights. Western states (primarily, the United States, Western European countries, and other developed countries) focus on civil and political rights, while the opposition bloc (in particular, Russia, Belarus, and China) recognize the socio-economic rights of citizens as a basis [4]. Meanwhile, it is the Western interpretation that largely determines the work of the HRC, which explains a number of criticisms to this body from Eastern States.

¹⁸ See 17.

¹⁹ See 16.

Overall, the thesis about the importance of real respect for human rights throughout the world fully meets the interests of both countries. In addition, the issue of gender equality is of paramount importance for both Belarus and Norway. That is why both states highlight in their positions the crucial importance of achieving gender balance within the UN system^{20, 21}.

If to sum up, it is possible to conclude that at the present stage and while maintaining the current dynamics of development of Norwegian-Belarusian relations in the near future, the vector of United Nations reform can become one of the key elements of cooperation between the two countries. However, such cooperation cannot be conducted without proper preparation. In this regard, it is deemed expedient to initiate three practically implementable steps that make it possible to set up to the full the interaction between Norway and Belarus.

First, as has been repeatedly noted in the framework of interdepartmental consultations, one of the priorities of bilateral cooperation, for the time being, is the creation of a developed legal framework^{22, 23}. In this context, it would be apt to pay special attention to the problem of UN reform and the joint capabilities of states. The development of a legal framework that takes into account such opportunities and promotes their practical implementation would be a significant step towards long-term and fruitful cooperation in this area.

Secondly, the transfer of bilateral relations to the level of embassies will be of help to strengthen cooperation. At the moment, relations are established at the level of the concurrent embassies: the role of the Embassy of Belarus to Norway performs the Embassy of Belarus in Sweden, while the role of the Royal Norwegian Embassy to Belarus performs the Royal Norwegian Embassy in the Ukraine. Taking the aforementioned step, in addition to the actual confirmation of the intentions to further develop inter-state cooperation, will allow the embassies to become a kind of coordination centres.

Finally, the third significant step towards successful cooperation in implementing the UN reform can be the accession of the Republic of Bela-

²⁰ See 17

²¹ 65th session of the General Assembly of the United Nations. In: the United Nations. URL: <https://www.un.org/en/ga/65/> (accessed 2020 August 18).

²² See 1.

²³ See 3.

rus to the ACT (accountability, coherence and transparency) Group, of which Norway is a member. This group includes 25 small and mid-sized countries that are focusing on reforming the UN Security Council, primarily in its current composition. Even now, there are prerequisites for Belarus to consider the possibility of joining the ACT Group:

- of the eleven key measures proposed by the inter-state association, 45% is directly or indirectly in the interests of the Belarusian side (in the rest, the position has not been formed yet, which leaves a space for potential collaboration);

- of the five priorities of the association, 40% is Belarus' priorities as well in the reform of the Security Council (in respect of the others the situation is identical to the situation with the measures)^{24, 25, 26, 27}.

Discussion of the results. The historiography does not include research and publications on cooperation between Belarus and Norway in the field of UN reform.

In order to fill this gap, the source base was created and analyzed then which allowed identifying the key initiatives and proposals of both sides in the direction of reforming the Organization and comparing them, that, by and large, made it possible to state the existence of a significant potential for interstate cooperation.

In the future, the implementation of the proposed steps to enhance cooperation will increase its effectiveness, establish a truly fruitful dialogue on the reform of the United Nations and significantly strengthen bilateral relations between countries.

Conclusion. Thus, the study revealed favorable prospects for cooperation between Belarus and Norway in the field of UN reform, which is based on more than 20 common initiatives. The Belarusian-Norwegian dialogue will primarily be stimulated by the joint implementation of more than 10 complementary initiatives, as well as the discussion of a range of issues on which only one of the parties has formed an opinion to date.

²⁴ See 15.

²⁵ See 16.

²⁶ See 17.

²⁷ Factsheet. The Accountability, Coherence and Transparency (ACT) Group (2019). In: Eidgenössisches Departement für auswärtige Angelegenheiten (EDA) der Schweizerische Eidgenossenschaft. URL: https://www.eda.admin.ch/dam/eda/en/documents/aussenpolitik/internationale-organisationen/20190910-factsheet-act_EN.pdf (accessed 2020 August 27).

There were also identified some difficulties that hinder the transition of relations between the two countries to a new level. This primarily concerns various approaches to the interpretation (definition) of the category of “human dignity” which is one of the starting points in the discussions of the UN Human Rights Council. At the same time, Belarus and Norway emphasize the need for real respect for human rights, which is confirmed, in particular, by their mutual desire to achieve gender balance within the system of UN bodies.

Thus, while maintaining the dynamics of relations between Norway and Belarus observed over the past five years, cooperation in the UN reform vector can take an important place in the interaction of the two states. In order to move to partnership relations as soon as possible, Minsk and Oslo should take the following steps:

- first, to build a legal framework for bilateral cooperation, taking into account cooperation in the direction of UN reform;
- second, to raise the status of relations to the level of embassies instead of concurrent embassies;
- third, it is advisable for Minsk to consider joining forces with the ACT Group, the prerequisites for which already exist.

It is strongly believed that the progressive development of the Belarusian-Norwegian dialogue, especially within the UN framework, will bring the friendly peoples of Norway and Belarus closer together.

References

1. Sychov, A. (2006) Respublika Belarus' i OON [The Republic of Belarus and the UN]. In: *Diplomatic Yearbook-2005. Collection of papers*. Moscow, p. 244-268. (In Russ.)
2. Tihomirov, A. (2017) Vneshnjaja politika Respubliki Belarus' (1991–2015 gg.) [Foreign policy of the Republic of Belarus (1991-2015)]. Minsk, 208 p. (In Russ.)
3. Tihomirov, A. (2015) Vzaimodejstvie Respubliki Belarus' i OON (1991-2015 gg.) [Interaction between the Republic of Belarus and the UN] In: *Actual problems of international relations and global development : collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 3, p. 261–276. (In Russ.)
4. Boyashov, A. (2019) Potencial Sojuznogo gosudarstva v sisteme OON [The Potential of the Union State of Russia and Belarus in the UN System]. In: *Contemporary Europe : social and political research journal*. Moscow, Vol. 1, p. 138-147. (In Russ.)

Received: 16.11.2020.

About authors: Daniil V. Luzan – student of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, participant of competitions and projects on UN issues; e-mail: fmo.luzanDV@bsu.by;

Svetlana F. Svilas – Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of International Relations of the Belarusian State University; e-mail: svilas@tut.by.

DOI: 10.33581/2311-9470-2020-8-134-146

БЕЛОРУССКО-НОРВЕЖСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ООН: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Д. В. ЛУЗАН, С. Ф. СВИЛАС

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье рассматривается одна из наиболее актуальных проблем современной мировой политики – реформа Организации Объединенных Наций, которая исследуется в контексте регионального сотрудничества государств-членов и его возможной интенсификации в этой области. На основе анализа дипломатических документов, впервые вводимых в научный оборот, дана развернутая характеристика современного состояния и перспектив сотрудничества Норвегии и Беларуси в направлении реформирования ООН.

Отмечается значительная активизация взаимодействия двух стран в различных сферах общественной жизни как на европейском, так и на глобальном уровнях (консультации между министерствами иностранных дел и диалог их руководителей, рост торгового оборота, обмен технологиями, развитие туризма), что стимулирует деятельность дипломатических миссий Норвегии и Беларуси в ООН, направленную на адаптацию и актуализацию работы Организации в свете новых тенденций и процессов в международной жизни.

Выделены ключевые направления институциональной реформы ООН, по которым возможна реализация белорусско-норвежского сотрудничества в исследуемой области: Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея, Экономический и Социальный Совет, Совет по правам человека, институт миротворчества. Рассмотрены двадцать инициатив, поддерживаемых Минском и Осло, которые могут стать основой для сотрудничества в указанном направлении. Подчеркивается, что реформа Совета Безопасности с наибольшей вероятностью может стать отправной точкой для плодотворного взаимодействия. В то же время о значимости шагов по его углублению можно будет говорить лишь при

условии реализации не менее десяти взаимодополняющих инициатив. Определены условия реализации потенциала сотрудничества: создание развитой договорно-правовой базы двусторонних отношений, перевод их на уровень посольств, присоединение Республики Беларусь к АСТ Group.

Ключевые слова: постбиполярная система международных отношений; глобализация; многосторонняя дипломатия; реформа ООН; региональное сотрудничество; внешняя политика и дипломатия Норвегии; внешняя политика и дипломатия Беларуси; белорусско-норвежское сотрудничество.

Образец цитирования: *Luzan D., Sivilas S. Belarusian-Norwegian cooperation on the issue of UN reform: current state and prospects // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2020. Вып. 8 С. 134–146. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-134-146>*

Дата поступления статьи: 16.11.2020.

Авторы: Лузан Даниил Вячеславович – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, участник конкурсов и проектов по проблематике ООН; e-mail: fmo.luzanDV@bsu.by;
Свилас Светлана Францевна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: svilas@tut.by.

HISTORICAL RETROSPECTIVE: JEWISH WOMEN OF BELARUS IN THE DEVELOPMENT OF DENTAL TOURISM (SECOND HALF OF THE 19 – EARLY 20TH CENT.)

Y. YARMAK

Yanka Kupala State University of Grodno

Republic of Belarus

Abstract. The article based on archival documents will consider such a direction in the tourism industry as medical tourism. Dentists were pioneers in this area in Belarus, but the history of this industry is much older than one might think. In the late 19th and early 20th cent. Jewish Pale of Settlement passed through the territory of Belarus. Belarusian provinces, which constituted a significant part of the Jewish population in that period entered a period of dramatic changes. The modernization process resulted in the appearance of women in public spheres. Since the second half of the 19th cent., after the development of the regulatory framework, it becomes possible to obtain the specialty of a dentist. Archival documents from the National Historical Archive of Belarus (NHAB) in Grodno and Minsk show that the dental industry was very attractive to Jewish women. Druskeniki was a special place for the Jewish population. Women Jewish dental offices were in great demand not only among the Jewish population, but also among Christians. This activity gave women the opportunity to have their own income, and, therefore, freed them from patriarchal dependence, destroying gender stereotypes imposed by society. The process of emancipation of the female Jewish population began. The end result of these processes was the formation at the turn of the 19th – early 20th cent. a new type of independent woman.

Key words: Jewish women; Jewish Pale of Settlement; tourism; dentist; Druskeniki; gender stereotypes.

For citation: Yarmak, Y. (2020) Historical retrospective: jewish women of Belarus in the development of dental tourism (second half of the 19th – early 20th cent.). In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 8, p. 147–159. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-147-159>

Introduction. One of the features in the life of Belarusian cities and towns in the second half of the 19th – early 20th cent. was an active socio-economic role of the Jewish faith women. This activity was also expressed

in the fact that Jewish women actively sought to get an education. Education made it possible to have a constant source of income. For Jewish population, the special importance of education was the possibility of free movement around the empire. If there is a lot of information about the men participation in the development of various society spheres, then the history of women participation is still outside the scope of historical research.

Modern trends in the development of gender studies require the inclusion of the history of women in the canvas of general historical research, since without this segment, historical knowledge will not be complete. The growing influence of women in the modern world, the availability and comfort of tourist travel, including medical (dental) tourism, makes the topic of studying the contribution of Jewish women to the development of dental tourism relevant.

Literature review. Documents from the National Historical Archive of Belarus (NHAB) in Grodno and Minsk were used as sources. Extensive factual material is presented in the fund 9 of the «Medical Department of the Grodno Provincial Board» in the NHAB in Grodno. Documents containing information about the opening of dental offices, passing exams for the title of dentists, private cards of dentists are of particular value. NHAB in Minsk contains fund 299 «Minsk Provincial Board» where information of dentist schools is provided.

The laws regulating the activities of Jews as doctors are presented in the collection of M. I. Mysh [1].

The participation of the Jewish faith women in the development of dentistry as one of the areas in medical tourism has not been previously studied in Byelorussian historiography. N. Shumin investigated the history of the creation and functioning of the first specialized educational institution for the training of dentists in Belarus – the Dental School of L. Shapiro and A. Demikhovsky in Minsk, not to the fact that most of the students were women of Jewish origin [2]. Article devoted to the Jewish medicine was written by O. Sobolevskaya [3]. Turning to foreign historiography, mention should be made of the monograph edited by N. Berger «Jews and Medicine: Religion, Culture, Science» [4]. A separate chapter is devoted to Jewish women doctors. But author pay attention to the whole medicine, and didn't focused on dentistry as a factor influences on the development of tourism.

Research methods. In the process of studying women's participation in the development of dental tourism, the methods used allowed us to con-

sider the main aspects of this action. The basis was the principle of historicism. Due to the topic gender approach was used. The study used retrospective and descriptive methods.

The object of the research is the system of tourist relations on the territory of the Belarusian provinces in the second half of the 19th – early 20th cent. The subject of study is the participation of Jewish women in Belarus in the development of dental tourism (second half of the 19th – early 20th cent.).

Results of the research. Difficult socio-economic conditions within the boundaries of Jewish settlement: a ban on living in rural areas, overcrowding of Jews in small towns and villages, great competition in the labor market, and as a result, the general poverty of the bulk of the Jewish population contributed to the fact that, Jews sought to receive medical education and with the help of the profession received, leave the Pale of Settlement. Medical specialties were highly respected among Jews and served as a source of income. Here it should be clarified that only Jews worked in the dental field, women of other nationalities were not represented. Jewish women were under the yoke of double discrimination, and because of their gender (this problem was typical to the late 19th – early 20th cent.), and as Jewish women because of their nationality restricted by law. These reasons influenced the worldview of Jewish women and contributed to their greater emancipation.

Until the last quarter of the 19th cent. dental care for the population was provided by doctors, barbers and paramedics. Dentists were extremely small in number and mainly served to the wealthy classes of society. In addition, the services they provided did not always give the desired result. In the 90's of the 19th century, more than 40 dentists were registered on the territory of Belarus (Vitebsk, Grodno, Minsk, Mogilev provinces) [2]. However, the quality of the services provided by them, as before, remained at a low level.

Criticizing the quality of the provision of medical services, we become victims of the influence of modernization, not considering that the level of development of medicine at that time was low and forgetting that the main value of any assistance is humanity. Despite the need for medical workers and the prestige of the type of activity itself, it was difficult to obtain this profession. In the second half of the 19th – early 20cent, the discriminatory policies of the Russian government led to the introduction of a percentage rate for Jewish students. The acquisition of a medical specialty

placed Jews on the border of two cultures. Medical education gave a pass to the world of European culture, and for a woman (midwife, dentist, paramedic) it became means of emancipation.

Until 1891 y., there were no special training programs for dental technicians; they were classified as a jewelry workshop. After the adoption of the relevant normative documentation, which officially consolidated the division of specialists in the field of dentistry into dentists and teeth doctor, the development of rules governing their further activities (Law «On the transformation of teaching dental art» (May 7, 1891 y.), «Normal charter of dental schools» (May 28, 1891 y. and May 24, 1892 y.)) there was an opportunity to open dental schools. The title «dentist» was given to those who were trained by practicing dentistry in private offices, and to become a doctor «dentist» it was necessary to graduate from a dental school.

In 1893 y., the Medical Department became concerned with the problem of inaccurate advertisements that were published in newspapers by people providing dental services. «From the available information it appears that some of the dentists published their publications about themselves

- a) added to the words of the dentist the words «inserts teeth, fills and performs various operations»;

- b) denoted prices for artificial teeth with the addition of the words «with a guarantee»;

- c) added instructions for obtaining the title of a member of the French National Academy, for the ability to insert teeth without pulling out the roots, for the invented thymol dental remedies that seem to kill a nerve;

- d) added drawings to publications: medals, orders, operating chairs and other devices, and especially images of a face with and without teeth».

Having considered this case, the Medical Council found that the aforementioned society, as well as most of the dentists, call themselves doctors of dentistry and even had signs. Meanwhile, they do not have the right to this, in view of the printed No. 59 Collection of Laws. On June 11, 1891 y. of the Supreme Command for the transformation of the teaching of dental art:

- 1) that special practical scientific medical titles acquired by testing by persons studying the dental art a) dentist b) dentist doctors;

- 2) the title of dentist is acquired on the basis of Art. 478 Medical Regulations;

3) for the preparation of persons wishing to obtain the title of dentist, dental schools are established, in which the course of study lasts two and a half years.

Since such schools were opened only in the autumn of 1891 y., at present there is only one title of dentist for persons engaged in the dental arts, and none of which have the right to be called a dentist doctor¹.

Thus, dentists in print advertisements meant only their degrees, and that all praises (advertisements) of treatment methods were prohibited. Dentists cannot be called dentists doctors until they receive an established certificate for this title from universities or the Imperial Military Medical Academy, and they also have no right to place different images of medals and, in general, any kind of drawings, either on signs or in advertisements.

Before the normative base appeared, the title of dentist was obtained after training with a dentist.

In 1896 y., Haya Feinstein entered the Brest dental office as a student of Lurio². She studied for three years, after which she received permission to pass the examination test. The examination board usually included the assistant to the Provincial Physician Inspector, a staff physician and a dentist who provided their own dental office and supplies that were used when the student passed the practical part of the exam. The examination fee in 1899 y. was 5 rubles. This money was used to cover the costs of materials provided by the dentist.

Why were the Jewish women so interested in medical education? The answer can be found in the Guide to Russian Jewish Laws, edited by M. I. Mysh [1], where there is a list of specialties that gives the right to universal residence according to the educational qualification. Jewish women were given the opportunity to move freely throughout the Russian Empire only as medical professionals. These included the following professions: pharmacy assistant, pharmacist, medical assistant, dentist, midwife. Paragraph 142 told: «Pharmacists are considered to be among the people who have the right to live everywhere.». Paragraph 143 gave the midwife the opportunity to live outside the Pale, even if her husband was not entitled to it. Paragraph 145 informed: «Dentists have the right of residence through-

¹ National Historic Archive of Belarus (NHAB) in Grodno. F. 9. Inv. 4. C. 22. 31.05.–11.06.1893 y. 17 sh.

² NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 3. C. 295. 1896 y. 7 sh.

out the empire. At the same time, it is prohibited to live outside the Pale of Settlement while studying at a dental school, you must submit a legal form or a passport confirming the right to reside in the area» [1, p. 187–189].

People with the above-named specialties were also allowed to engage in trade and industry. Those who were trained in medical specialties were given the right to live everywhere in the empire only for the duration of their studies. In St. Petersburg, district bailiffs were charged with ensuring that Jewish students were not engaged in trades. In addition, the pundit according to paragraph 155, «communicates to his wife all the rights and advantages associated with his condition or rank, including the right to live everywhere» [1, p. 189]. This right was preserved during the life and after the death of the husband, during the divorce of the spouses. The only reason the wife could be deprived of this right was the commission of a crime. The children of these Jews (sons until the age of majority or until the end of the course in higher educational institutions, but not older than 25, and daughters before marriage) could live on the territory of the entire Russian Empire both during the lifetime of their father and in the event of his death outside the Jewish Pale [1, p. 200]. Such laws created a stable motivation for getting an education.

Higher education for Jewish women from the Pale of Settlement was possible in the large cities of St. Petersburg, Warsaw, Vilno, Kiev. In small provincial towns, there was an opportunity to go to the training of a practicing dentist. Having analyzed the cards of female dentists, which have been preserved in large numbers in the funds of the NHAB in Grodno and Minsk, we can conclude that Jewish women from Grodno, Minsk, Mogilev and Vitebsk provinces went to study in Warsaw, St. Petersburg, Kiev, Kharkov, Yuryev, Kazan, where they could also get the title of pharmacist. However, this option for obtaining an education was available to few.

An analysis of archival files on admission to dentists for training in the Minsk, Grodno, Vitebsk, Mogilev provinces indicates that Jewish women predominated in this area. Acquiring a dentist degree for a Jewish woman meant the opportunity to gain financial independence. The women who had the means opened their own dental offices.

By the second half of the 19th cent., one of the components of a well-to-do lifestyle was taking care of one's own health, expressed in the prevention of diseases. Among wealthy Jews, it was popular to rent country houses to take a break from the hustle and bustle of city life. It is becoming fashionable to travel abroad for the purpose of health improvement.

The statement from the Grodno governor on the number of people who received the right to travel abroad in 1881 y. was preserved. The statement indicated the last name, first name, patronymic, rank, and also had a column when and for how long a foreign passport was issued. So, in January 1881 y. the Grodno bourgeois woman Rokhlya Naden received a passport for 6 months, for the same period Sora Kaufman received a passport. In February 1881 y., out of 44 people who received passports, there were 4 Jewish women. In March, women did not receive passports³. The largest number of foreign passports was obtained in the summer season. This was due to the fact that travel in summer was easier than in winter. Wealthy Jewish ladies could afford to go on vacation and improve their health. As can be seen from the table, departures abroad by the female Jewish population were seasonal, increasing in the summer.

№	1881 y.	WOMEN	MEN
1	FEBRUARY	4	44
2	MARCH	—	39
3	APRIL	6	103
4	MAY	16	162
5	JUNE	19	196
6	JULY	22	134
7	AUGUST	7	96
8	SEPTEMBER	6	72
9	OCTOBER	6	64
10	NOVEMBER	6	30
11	DECEMBER	4	52

O. Sobolevskaya wrote about the fact that Jewish ladies traveled abroad to improve their health. Thus, at the beginning of the First World War, the philistine of the city of Grodno Adel Gurvich was in the resort of Franzensbad in East Bohemia. The balneoclimatic resort Ems was the goal of the trip of the townswoman Zelda-Basha Rudkovskaya and her daughter Malka. In Bavaria, in the summer of 1914 y., Rivka Vinograd and her daughter-in-law Masha rested. Grodno resident Iosel Reznikovsky with his wife Gnesia Zelikovna was in the clinic Berlin State University [3, p. 214].

Judging by the historical archives, Jews usually went to the Baltic and German resorts. The choice of these places was not accidental. Con-

³ NHAB in Grodno. F. 1. Inv. 23. C. 771. 1881 y. 36 sh.

venient geographical location in relation to the Belarusian provinces, a good knowledge of the Yiddish-German language and the presence of close cultural ties of Ashkenazi Jewry with German lands, contributed to the popularity of this direction.

One of the most popular Jewish resorts of the middle of the 19th – early 20th cent. was Druskeniki, which was located 40 kilometers from the provincial town of Grodno. The Jews were attracted here by the comparative cheapness, respectable public, healing mineral waters, which helped to treat diseases of the digestive system.

Traveler and publicist P. Subbotin called Druskeniki a «Jewish resort» [5, p. 18]. In 1868 y., of all categories of the population who arrived in the town, the majority were nobles (270 people), Jews are in second place (226). Of those who used the mineral waters, 54% (421 people) were Christians, 46% (367 people) were Jews⁴.

In Druskeniki, you could take baths, drink water and enjoy the healing air of pine forests, walks along the Neman River. The town became a center of pilgrimage for hundreds of wealthy Jews of Grodno, Vilno, Kovno and other large cities, which was facilitated by its favorable location on the borderlands of the Grodno, Kovno and Suwalki provinces. By the beginning of the holiday season, in addition to local doctors who constantly practiced at the resort, medical workers from large cities of the Russian Empire arrived in the town. Doctors came from Minsk, St.Petersburg, Vilno, Bialystok. As O. Sobolevskaya pointed out, in 1885 y. out of 30 doctors, only 5 were representatives of the Jewish nationality. Some doctors of the Christian faith came as a whole family to not only relax, but also undergo healing procedures. Some Jewish doctors came to Druskeniki by the invitation from the mineral water hospitals, some were free practitioners [3, p. 222].

Jewish system of charitable societies made it possible to some extent to get involved in health improvement poor Jews. The well-known ladies of Grodno society – Rebecca Rosenthal, Teresa Hazan, Fanny Halpern – collected funds to finance the rehabilitation of indigent Jews in Druskiniki. According to the Warsaw edition of journal «Israelita», thanks to the help of benefactors, more than 300 poor people rested in this resort in 1880 y. [6, p. 46]. The poor patients who needed mineral water, fresh air and bathing could also apply to the Grodno charitable organization «Linias Gas-

⁴ NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 1. C. 123. 1868 y. 22 sh.

edek». The charter provided payments for a person to stay alive in some cases, in particular, when a person's life depended on it (for example, the outbreak of tuberculosis)⁵.

At the Druskeniki resort, patients of both Jews and Christians were treated. The patients of the Jewish hospital were visited free of charge by a Christian doctor named Piletsky. Free aid to poor sick Jews in Druskiniki was offered by doctors who came to rest by the water. Among them were the doctors from Warsaw: the surgeon Ram and the gynecologist Venven-tohovski, the Vilnius midwife Bilg [7, p. 216].

At the expense of Jewish benefactors from Russia, a hospital was built, which received indigent holiday-makers who needed treatment. Rabbi Treger was the trustee of the asylum. In search of funds to create a hospital, Treger traveled around the nearby towns. Petersburg became the final destination during the collection of donations for the organization of the hospital. It is known from archival sources that in 1880 y. more than 400 poor people came to Druskeniki, about 4000 rubles were spent on their treatment ⁶.

The town of Druskeniki during the second half of the 19th – early 20th cent. became a special place for the Jewish population. Not only healing mineral water and pine air attracted wealthy Jews there. The opportunity to receive dental care in numerous dental offices opened by fellow believers also contributed to the development of Druskeniki as a center for medical tourism.

This statement is confirmed by archival sources from the NHAB in Grodno. In fund 9 «Medical Department of the Grodno Provincial Board» 29 cases have been preserved concerning the opening of dental offices in the Grodno province at the turn of the 19th – 20th cent. Of these, 12 cases are petitions to open offices in the town of Druskeniki. The remaining 17 cases are applications for opening offices in Brest (4), 2 cases each for the city of Grodno, the town of Krynki of the Grodno district and the town of Mileychitsy of the Brest district. The rest of the dentists' offices were located in Kobrin, Byten, Molchad, Ruzhany, Kosovo, Slonim district, townships of Mileychitsy and Domachevo, Brest district.

Dental services provided by women dentists were in great demand not only among the Jewish population, but also among Christians. By

⁵ NHAB in Grodno. F. 103. Inv. 1. C. 52. Sh. 1.

⁶ NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 1. C. 123. 1868 y. 22 sh.

opening their own office, dentists could earn a good income by providing services to the public. So, the Minsk hospital made fillings with cement for 35 coins, porcelain – for 2 rubles. Most of the applicants made fillings from cement, as the cheapest material. So, in 1907 y., 426 cement fillings were delivered, and only 4 porcelain fillings. Tooth extraction under cocaine cost 50 coins, under general anesthesia using chloroform – 3 rubles⁷. The financial factor was a serious incentive to open own office.

What was the procedure for opening a dental office in the town of Druskeniki? As a rule, an aspiring dentist first looked for a suitable place in which was possible to equip a dental office. It was necessary to comply with the sanitary and hygienic requirements of the Medical Board for the premises. The building in which the office was located was supposed to be located in a lively and at the same time respectable area. Capital was needed to purchase dental instruments and materials. In the absence of such, there was an opportunity to take a loan from their fellow believers.

In June 1893 y. Tsina Vilkoreyskaya submitted a petition to open a dental office in the Druskeniki resort. In the petition, the applicant states that the office was already equipped, and that the Grodno district doctor must conduct an examination and draw up a report on the examination of the office⁸. Similar applications were made from 1903 to 1907 yy. by Bronya Zuckerman⁹, Sora Vilberg¹⁰, Dina Linshits¹¹, Tsira Rotnitskaya¹², Rokhlya Mulerio¹³, and Manya Weisbrem¹⁴. What unites all these women, except for their profession and the desire to open an office exclusively in Druskeniki? The average age of the applicants who wanted to open their own office was 30–32 years. Most of them were trained by freelance dentists. However, there were exceptions in the form of women who received higher dental education.

Thus, in 1908 y., two women, Sarah Livshits¹⁵ and Rebekah Kveit¹⁶, simultaneously petitioned to open offices in Druskeniki. Both were gradu-

⁷ NHAB in Minsk. F. 299. Inv. 3. C. 1278. 1907–1911 yy. 727 sh.

⁸ NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 1. C. 2039. 1893 y. 6 sh.

⁹ NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 2. C. 737. 1903 y. 12 sh.

¹⁰ NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 2. C. 1023. 1904 y. 10 sh.

¹¹ NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 2. C. 1026. 1904 y. 16 sh.

¹² NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 2. C. 1435. 1905 y. 12 sh.

¹³ NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 2. C. 2151. 1907 y. 11 sh.

¹⁴ NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 2. C. 2137. 1907 y. 29 sh.

¹⁵ NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 2. C. 2523. 1908 y. 3 sh.

¹⁶ NHAB in Grodno. F. 9. Inv. 2. C. 2527. 1908 y. 6 sh.

ated from Kharkov University. And if there were no claims to Sarah's documents and the applicant immediately received permission to open the office, then Rebekah's documents raised suspicion of authenticity. The medical department sent a request to the Ministry of Public Education and the Chancellery of the Council of the Imperial Kharkiv University to double-check the information on her dentist certificate. At the same time, a request was made to the Office of the Grodno Governor about the political reliability of the applicant. All documents turned out to be genuine, the applicant was politically reliable, so there were no obstacles to issuing a permit.

Conclusion. Located on the right bank of the Neman on the border of the Grodno, Kovno and Suvalki provinces, the town of Druskeniki has become an attractive holiday destination for the Jewish population. Combining the unique properties of healing water and environmental friendliness, as well as convenient logistics, the resort was actively developing. Opening of numerous dental offices at the turn of the 20th cent. contributed to the development of Druskeniki as a destination for dental tourism. Jewish women, opening their own offices in Druskeniki, stimulated the development of this tourist destination. At the same time, working in this area, earning her own income, a woman freed herself from patriarchal dependence, destroying gender stereotypes imposed by society. Getting out of the control of the family, running her own business on her own, colliding during her work with representatives of other nationalities, a Jewish woman ended up on the borderlands of cultures. A long process of emancipation and acculturation of the female Jewish population began. The end result of these processes was the formation of a new type of independent woman.

References

1. Mysh, M. I. (1914). Rukovodstvo k russkim zakonam o evrejah [Guide to Russian Laws to Jews]. SPb, tipografija A. Benke, 640 p. (In Russ.).
2. Shumin, N. (2014). Istoki zubovrachebnogo obrazovaniya na territorii Belarusi [The Origins of Dental Education in Belarus]. In: *Medicine at the turn of the century: to the 100th anniversary of the First World War*. Grodno, p. 464–467. (In Russ.).
3. Sabaleyskaya, O. (2012). Amatary lyachyzza: sanitarny, hvaroby i medytsyna u Gabrejskaj Garodni XIX – nach. XX stogoddzia [Lovers of medicine: hygiene, diseases and medicine in Jewish Grodno XIX – begin. XX centuries]. In: *Hrodna Palimpsest. 2010. Person, Society, State XV–XX cent.* Minsk, Zmitser Kolas, p. 207–230. (In Belaruss.).
4. Berger, N. (1997). *Jews and Medicine: Religion, Culture, Science*. Philadelphia-Jerusalem: The Jewish Publication Society. 275 p.

5. Subbotin, A. P. (1888). V chertie evrejskoj osedlosti: otryvki iz ekonomicheskikh issledovanij v zapadnoj i jugo-zapadnoj Rossiji letom 1887 g. [Within the Boundaries of Jewish Settlement: Excerpts from Economic Research in Western and Southwestern Russia in the Summer of 1887 y.] SPb. tipografija «Economiczeskij jurnal». Issue. 1. 148 p. (In Russ.).
6. Z tygodnia (1881). [From a week]. In: *Izraelita*. No. 6 (30 January). P. 46. (In Pol.).
7. Pogadanki (1879). [Chats]. In: *Izraelita*. No. 26 (22 June – 4 July). P. 216. (In Pol.).

Received: 16.11.2020.

About authors: Yuliya Yarmak – Magistr of Political Science, Senior Lecturer at the Department of Tourism and Cultural Heritage, Faculty of History, Communication and Tourism, Yanka Kupala State University of Grodno; e-mail: Ermak_JG@grsu.by

DOI: 10.33581/2311-9470-2020-8-147-159

**ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА:
ЕВРЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ БЕЛАРУСИ В РАЗВИТИИ
СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 19 – НАЧАЛО 20 ВВ.)**

Ю.Г. ЕРМАК

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Гродно, Республика Беларусь

В статье на основе архивных документов будет рассмотрено такое направление туристической индустрии, как медицинский туризм. В Беларуси стоматологи были пионерами в этой области, но история этой отрасли намного старше, чем можно было бы подумать. В конце 19 – начале 20 вв. черта оседлости евреев проходила по территории Беларуси. Белорусские губернии, в которых сосредоточена значительная часть еврейского населения в тот период, вступили в период кардинальных изменений. Процесс модернизации привел к появлению женщин в общественных сферах. Со второй половины 19 в., после разработки нормативной базы, появляется возможность получить специальность стоматолога. Архивные документы из Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в Гродно и Минске показывают, что стоматологическая промышленность была очень привлекательна для еврейских женщин. Друскиеники были особым местом для еврейского населения. Женские еврейские стоматологические кабинеты пользовались большим спросом не только среди еврейского населения, но и среди христиан. Эта деятельность дала женщинам

возможность иметь собственный доход, а значит, освободила их от патриархальной зависимости, разрушив навязанные обществом гендерные стереотипы. Начался процесс эмансипации женского еврейского населения. Конечным результатом этих процессов стало формирование на рубеже 19 – 20 вв. независимой женщины.

Ключевые слова: еврейские женщины; черта еврейской оседлости; туризм; зубной врач; Друскеники; гендерные стереотипы.

Образец цитирования: Yarmak, Y. (2020) Historical retrospective: jewish women of Belarus in the development of dental tourism (second half of the 19th – early 20th cent.) // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Минск, 2020. Вып. 8. С. 147–159. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2020-8-147-159>

Дата поступления статьи: 23.11.2020.

Автор: Ермак Юлия Геннадьевна – магистр политических наук, старший преподаватель кафедры туризма и культурного наследия факультета истории, коммуникации и туризма. УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»; e-mail: Ermak_JG@grsu.by

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Сборник научных статей

Выпуск 8

В авторской редакции

Редакторы И. В. Протченко, Д. В. Махнач.

Подписано в печать 30.12.2020. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 9,35. Уч.-изд. л. 7,95.

Тираж 100 экз. Заказ 275.

Издатель и полиграфическое исполнение

УП «Бестпринт». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/160 от 27.01.2014.

Ул. Филатова, 9. к. 1. 220026, г. Минск.